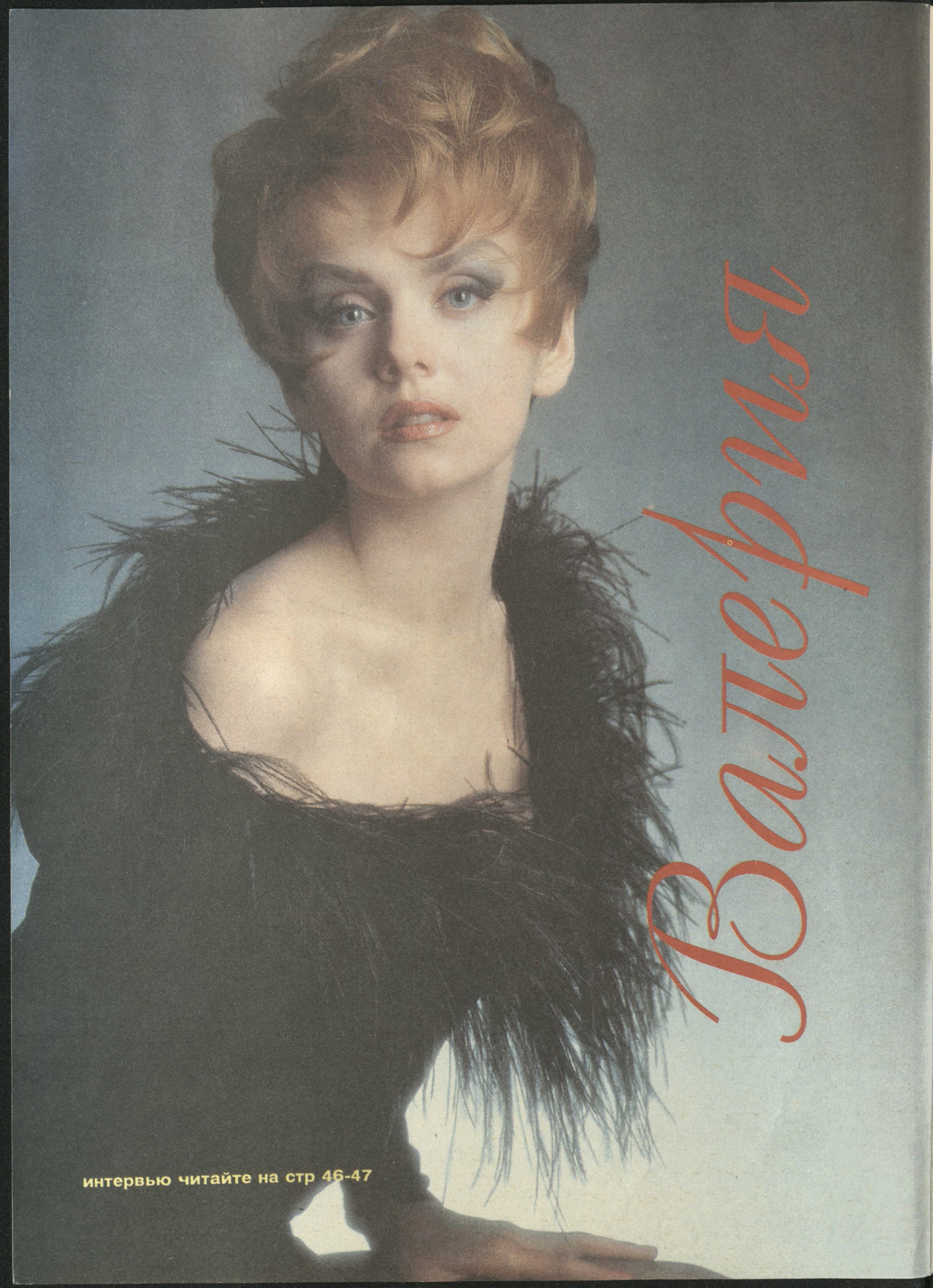

№ 35 (93) 1992 г.
Цена 5 руб.

**ЭТО
ПРАЗДНИК,
КОТОРЫЙ
ВСЕГДА
С ВАМИ!**

5 сентября в ЦПКиО им. Горького

Ватерия

интервью читайте на стр 46-47

Максим СОКОЛОВ

ДВА КАПИТАНА

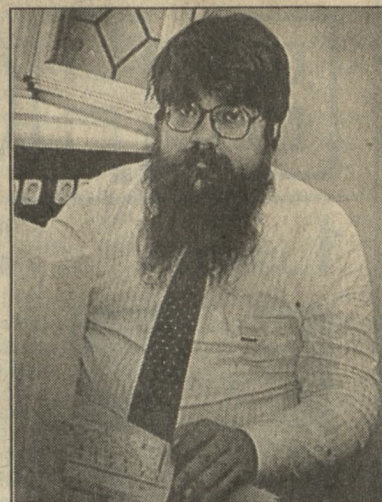

Фото Э. Кудрявицкого

То ли со времен подъячего Григория Котошихина, удравшего в Швецию при царе Алексее Михайловиче, то ли от воспоминания о хромом декабристе-невозвращенце Н.И.Тургеневе, то ли после каприйско-парижско-цюрихских походов В.И.Ульянова (Н.Ленина), то ли от прочно прописавшихся в русской литературе и масс-культуре беженских пароходов 1920 года, то ли от всего вместе — тема эмиграции всегда была актуальной для русской культуры, и как только она перестала быть запретным плодом (дней михайловых прекрасное начало — 1985—1989 гг.), так сразу же ее живо и свободно стали обсуждать отечественные мыслители всех направлений. Самые простые и чистые сердцем (в основном журналисты-перестройщики) стали в лошадиных дозах пичкать читателя эмигрантскими интервью, а на приехавших погостить из Парижа, Мюнхена, Нового Йорка и т. д. знатных соотечественников звали, как на стерлядь, и общались с ними с наглой галантностью Ф.П.Карамазова — «Великие старцы (В.Е.Максимов, А.Д.Синявский, Н.М.Коржавин etc.), изреките, оскорбляю я вас моею живостью или нет?». Великие старцы не оскорблялись, а умилялись, изрекали свои священные слова, и все было очень хорошо. В то же время раздавались и тревожные голоса. Основоположник научного антисемитизма И.Р.Шафаревич в 1989 году предположил, что, как и в 1917 году, революционная эмиграция попреет с парижских бульваров на площади российских городов, чтобы вновь захватывать власть и реализовывать недореализованные зловещие планы мирового кагала. Новомировская публицистка А.Н.Латынина, напротив, предположила, что

оторвавшаяся от почвы эмиграция замкнется в злорадном подзуживании: «Ничего-де у вас не выйдет».

Действительность, однако, превзошла все ожидания. То, что радостные встречи с бывшими соотечественниками утратят былую популярность, предсказать было легко — не все коту масленица. Однако с прочими пророчествами получилось нечто странное. Вопреки математическим расчетам И.Р.Шафаревича либеральная эмиграция отнюдь не проявила стремления немедленно ехать в Россию в пломбированном вагоне на предмет взятия власти. Даже наиболее приближенный к начертанному И.Р.Шафаревичем образу революционного эмигранта В.К.Буковский отнесся с чрезвычайным скепсисом к затее моссово-товских вождей, вспомнивших, что коль скоро уже один раз «обменяли хулигана на Луиса Корвалана», то сам Бог велел сменять Владимира Константиновича вторично — на сей раз на мэра Ю.М.Лужкова. Возможно, В.К.Буковский рассудил, что это будет уж слишком сильно напоминать последующие строки частушки — «где б найти такую б... чтоб на Брежнева сменять», — возможно, он вполне искренне отвечал Моссову: «Никто не даст вам избавленья: ни бог, ни царь и ни герой», и никакой революционной деятельностью он заниматься не собирается: если москвичи готовы терпеть Лужкова — значит, им так нравится, пускай терпят. Единственным, кто полностью оправдал грозные предостережения И.Р.Шафаревича касательно эмигрантских бесов, оказался Э.В.Савенко (Лимонов): и в Приднестровье воевать ездил, и был бит по морде московским омоном, и призывал, вооружась дубинами и бомбами, превратить Моск-

ву в Бейрут, а нынешнее правительство — расстрелять. Если присовокупить к тому описанные в повести «Это я — Эдичка» содомские деяния с мускулистыми неграми, а также воспетые в последующем творчестве Э.В.Савенко «пипочки» малолетних девочек, то лучшего беса, иллюстрирующего собой глубокие пророчества, И.Р.Шафаревичу и желать было невозможно, но как на грех бесноватый Эдичка оказался столь горячим борцом за державу и ненавистником злейшего американского империализма, что приходится его держать в совершенно противоположном качестве, т. е. сугубо ангельском.

Не повезло и А.Н.Латыниной. Эмиграция, оторвавшаяся от почвы, повела себя и благонадежно, и благожелательно. Часть бывших соотечественников, действительно, окончательно встала на путь ассимиляции и мало интересуется вестями с исторической родины, зато недоассимилированные изгнанники отличаются и выдающейся лояльностью к российскому руководству, и стремлением подробно рассказывать, как непросто они вживались в мир капитала, а ведь вжились, и вытекающей из того готовностью делиться опытом вживания, и, наконец, среднеоптимистическим настроением: жить в России не сладко, но авось что-нибудь путное да получится.

Напротив, лица, по собственному их признанию пребывавшие «не в изгнании, но в послании», только и жившие в эмиграции что заботами дорогого отечества и даже не удосужившиеся изучить язык своего нового местопребывания, — то

Окончание на с.3

В НОМЕРЕ

1 ПОЛИТИКА

В.Буковский:

Власть замахнулась и развалилась. В конце концов она свалилась в руки людей случайных, не имеющих ни малейшего представления о том, что с ней делать. В итоге возник вакуум, который заполнился странной смесью бывших коммунистов, жуликов и черт знает кем.

6

Л.Корсунский:

В пору, когда Таджикистан стоит на пороге гражданской войны, неподалеку от Худжанда функционирует мощный атомный концерн — первое детище подземного атомного ГУЛАГа. На кого он будет работать через год-другой?

8

И.Раскин:

И вот высокий руководитель из «команды Ельцина» Ю.Скоков указывает правительству его место — служить при государственном концерне «исполнительной дирекцией».

11

2 ЭКОНОМИКА

К.Буравлев, первый зам. премьер-министра Москвы:

У города сегодня нет бюджета даже на год 1992-й. До 1993 года руки не доходят. Пока еще идет работа над текущим бюджетом. А год уже прожит...

16

А.Ефимова:

Создаются новые и новые фонды и ассоциации (учредителями при этом нередко выступают коммерческие структуры с надежной репутацией аферистов), в уставах у всех написана общая святая цель поддержки военнотружеников, и мечта, как правило, у всех одна — поучаствовать в торговле военной техникой...

17

Только для подписчиков «Столицы» акционерная страховая компания «АСКО» предлагает льготные страховые полисы.

21

3 ЖИЗНЬ

Д.Горелов:

Мне надоело вникать в проблемы облюбок только потому, что им нет двадцати пяти. Мне есть. И когда домосед Бронсон в «Жажде смерти» выходит на полночный мюзикл всадить пулю в лоб очередному нонконформисту, которому нелегко быть молодым, я на его стороне.

26

Е.Салина:

Если вы готовы днем и ночью обслуживать больных, идиотов, импотентов, извращенцев и просто сексуально озабоченных мужчин, тогда вперед! И научитесь урологическому и эротическому массажу. И держите под рукой что-нибудь тяжелое...

30

А.Габрилович:

В КГБ о нем забыли. Но Димка о своей «службе» забыть не мог. Злоба на себя, досада на малодушие и трусость перерастали в ненависть к системе, где каждый пятый взрослый — стукач...

40

4 КУЛЬТУРА

Е.Гончаренко:

Вот здесь, в этих комнатах, и жили все эти «отличные партийцы», пили чай, читали газеты, ходили друг к другу в гости. Потом в их комнатах принимали в пионеры и пелитенора. Потом про эти квартиры забыли...

50

Ж.Сергеева:

Многие студенты консерватории, Гнесинки, особенно струнники и духовики, собираются в небольшие ансамбли и играют в подземных переходах. Преподаватели об этом знают, но что тут скажешь?

54

С.Эфрон:

Меня зачислили в Георгиевский полк (первый полк Добровольческой армии), который в это время насчитывал несколько десятков штыков и свободно умещался за обедом в одной комнате.

58

Москва, 101425, ГСП, К-51, Петровка, 22
Телефоны: 928-23-49, 921-67-45
Телефакс: 921-29-85
Телекс: 413739 SU

Еженедельник «Столица» учрежден Моссоветом 2 июня 1990 г. Зарегистрирован Министерством печати и массовой информации СССР № 84

Мнения авторов не всегда совпадают с точкой зрения редакции. При перепечатке ссылка на «Столицу» обязательна. Редакция в переписку не вступает.

С предложениями о размещении рекламы звоните по телефону: 928-83-40

По вопросам распространения обращайтесь по телефону: 928-27-69

Главный редактор: Андрей Мальгин
Заместители главного редактора: Петр Смирнов, Владислав Старчевский, Владимир Цыбульский
Коммерческий директор: Юрий Бычков
Директор издательства: Григорий Вайсман
Ответственный секретарь: Анатолий Остроухов
Главный художник: Владимир Петров
Отдел общественно-политической жизни: Сергей Митрофанов
Отдел экономики и науки: Елена Колесникова
Отдел правовых и морально-этических проблем: Елена Салина
Отдел искусств: Татьяна Савицкая
Отдел международной жизни: Консуэло Сегура
Отдел оперативной информации: Кирилл Рыбак
Отдел писем: Наталья Туровская

Подписку за рубежом осуществляет агентство Ecomews: box 378
1211 Geneva 11 Switzerland.
Fax: 41 22 — 349.05.80
Tel: 41 22 — 349.04.50

Номер набран и сверстан в фотонаборном центре еженедельника «Столица» на системе «Скантекст-2000», поставленной фирмой «Аутопан» (ФРГ)

Номер подписан в печать 28.08.1992 г.
Тираж (1—100.000)

Над номером работали:
П.Смирнов, Н.Ударцева, Р.Катеева

© «Столица», 1992

Отпечатано в издательско-полиграфическом комплексе «Московская правда», ул. 1905 г., д. 7. Зак. 3055

Окончание. Начало на с.1

есть люди, прямо-таки идеально прикипевшие к родной российской почве, ведут себя совершенно наперекор прогнозам А.Н.Латыниной. Известный литератор В.Е.Максимов все годы изгнания жил (как, впрочем, и продолжает жить) в Париже с совершенным отвращением, мысля исключительно о России и «делая дело России», а потому — о чем он сообщает с большой гордостью — принципиально не владеющий даже общепринятыми Ф.К.Прутковым общепотребительными парижскими фразами. Естественно было бы ожидать, что поездки Владимира Емельяновича в отечество будут происходить по модели, описанной А.Н.Вертинским, — сперва «российскую милую землю узнаю я на том берегу», а затем «о, как сладко, как больно сквозь слезы хоть взглянуть на родную страну». Но не тут-то было. Общение с российской милой землей происходит исключительно по описанной А.И.Солженицыным модели — «Бр-р-р! Гав-гав-гав!». В свой очередной приезд на родину В.Е.Максимов встретился со своим старинным другом И.П.Золотусским, после чего Игорь Петрович, томимый думой «Вообрази, я здесь одна, меня никто не понимает», опубликовал в «Литературной газете» на целую полосу свои с Владимиром Емельяновичем рассуждения касательно родной страны. Вердикт был ужасен — «...внимательно присмотревшись к ситуации, я определяю его (состояние общества. — М.С.) как люмпенократию, то есть режим тотальной анархии и безответственности. Такое состояние не оставляет надежды. Как, с помощью какой силы или рычагов власти можно теперь восстановить разрушенную иерархию ценностей, на строительство которой у нас ушло чуть ли не тысячелетие? (...) Окололитературные смердяковы становятся законодателями мод... в культуре, политике, экономике. (...) Силы (способные противостоять всему этому. — М.С.) есть, но они немногочисленны и разобщены. Мало того, люди, еще вчера способные к сопротивлению, сами заболевают, незаметно для себя заражаясь этой бесовской бациллой».

Полноформатная полоса была бы практически вся посвящена информативно ценному сообщению о том, что «все говно, кроме мочи», если бы более сведущий в последних событиях И.П.Золотусский не утишил В.Е.Максимова, не сообщил,

что «пелена безумия постепенно спадает с глаз», и в качестве примера такого чудесного прозрения не поведал бы историю штангиста Ю.П.Власова, возненавидевшего нынешнее российское начальство и характеризующего его на страницах газеты «День» в таких выражениях, какими Юрий Петрович не утомлялся даже когда-то нелюбимый им КГБ. Это обнадежило друзей, успокоенный В.Е.Максимов радостно пообещал любимой родине картонную систему («к государственному распределению вернуться придется»), после чего в форме чеховского диалога поделился с читателями заветной мечтой: «И.З.: Видно, пришло время для нового Моисея? — В.М.: Время пришло, а Моисея нету. — И.З.: Может быть, уже есть, но мы его еще не знаем. — В.М.: Дай бы Бог». Моисей, грядущий с картонной системой и государственным регулированием экономики, — это, конечно, беспардонный плагиат из С.В.Михалкова: «Сквозь грозы сияло нам солнце свободы, // И Ленин великий нам путь озарил: // Нас вырастил Сталин, на верность народу, // На труд и на подвиги нас вдохновил».

При объяснении такого рода волшебных метаморфоз наиболее часто встречаются две версии. С одной стороны, указывают на персональные особенности души В.Е.Максимова. Приведа ряд цитат, характеризующих этого видного деятеля как с положительной, так и с отрицательной стороны, И.П. Золотусский, к сожалению, забыл цитату, встречающую горячее одобрение в парижских кругах, — «Идет по городу собака, за ней Максимов тих и мил. Городовой, смотри, однако, чтоб он ее не укусил». Подобно герою «Грозы» Савелу Прокофьеву Дикому, Владимир Емельянович, если не обволочит всех встречных и поперечных, чувствует себя физиологически неудовлетворенным, и что же тут поделаешь с такой конституцией организма. Правда, люди, хорошо знакомые с нравами парижского «темного царства», отмечали, что при общении с финансировавшим максимовский «Континент» издателем бульварной газеты «Бильд» герром Шпрингером язвительный Владимир Емельянович никого никогда не сволочил и был сущим ягненком, — так что версия о генетической сварливости сомнительна, но, может быть, своей кротостью герр Шпрингер умел смутить самого заядлого ругателя и сквернословца. С другой стороны, используется стандартный аргумент касательно ше-

стидесятников, которые, дескать, выдохлись, обратились в злобных стариков и никак не хотят следовать тютчевскому совету — «когда дряхлеющие силы нам начинают изменять и мы должны, как старожилы, прищельцам новым место дать». Данный аргумент все же слишком избит, да к тому же известное количество старожилов упорствует в буржуазно-либеральных воззрениях — хотя бы тот же Егор Яковлев, справедливо уличенный в этом грехе останкинскими манифестантами.

В основу более вероятной версии, изъясняющей замечательное единство взглядов бывших коммунистов и бывших неистовых борцов с коммунизмом, т. е. феномен лево-правой оппозиции, скорее всего, имеет смысл положить бесмертное высказывание: «Если Бога нет, то какой же я после того капитан». Не поминая в применении к газете «День» и В.Е.Максимову имя Божие всуе и заменив его на Империю, мы и получим искомый ответ: одни старые борцы (А.А.Проханов) служили по имперской части и не в состоянии мыслить свое бытие иначе как на данной службе, другие (В.Е.Максимов) служили по антикоммунистической части и через континентовскую «Колонку редактора» раздавали партийного дрозда недостаточно стойким борцам с гидрой мирового коммунизма. Но «все великое, святое разлетается как дым» — и теперь осиротевшие профессиональные борцы что с той, что с этой стороны стоят, дружно обнявшись, и из их уст рвется соединенный крик: «То какой же я после того капитан?!» И похоже, что эта трагикомическая сцена знаменует собой исполнение заветной мечты А.И.Солженицына о слиянии метропольной и зарубежной ветвей русской культуры: деление на лиц, желающих быть капитанами, и лиц, желающих просто заниматься своими делами безотносительно к чину-званию, является столь универсальным, что спустя три четверти века после раскола русской культуры различие между ее двумя ветвями начинает стираться до полной неразличимости.

ПРАЗДНИК НЕ ПОВТОРИТСЯ?

Фото Э. Кудрявцева

19 августа прошлого года государственный дракон очередной раз восстал на своих гражданах, и — вот в чем уникальность той ситуации — сопротивление граждан дракону возглавили государственные же люди и структуры — президент, парламент... Это было неслыханное в истории России событие: народ вместе со своими законными начальниками, государство вместе со своим народом — против государства! Не чужого — немецкого, польского, французского — это бывало, а против «своего», давно ставшего чужим. Люди вокруг «Белого дома» знали: в нем — НАШИ вожди; вожди в «Белом доме» знали: вокруг — НАШ народ; и эта живая связь и (не побоюсь сказать) любовь завалили бездушное чудовище. Язва российской истории — чуждость Государства и Народа была, наконец, залечена: то был настоящий праздник.

И вот — империя издохла (труп ее еще долго будет смердеть и отравлять все вокруг), и мы опять остались наедине с Государством. Годовщина события — ее надо было отметить, но как? Что это за праздник — народный (как Новый год) или государственный (как 1 Мая)? Или казенный и народный (мечта всех «государственников») вместе? Предполагалось, думаю, последнее — правильно предполагалось. Но не получилось.

Реклама мероприятия была откровенно казенной — нутной, безвкусной —

она скорее отвращала граждан от митингов и шествий, чем привлекала их туда. Р.Хасбулатов, намозоливший всем по ТВ глаза «той самой» рукой, которой он «лично» писал «то самое» обращение... Б.Куркова, слащаво и подобострастно выпрашивающая у Р.Хасбулатова подробности, — отвратительно. Опять Р.Хасбулатов, ведущий себя на трибуне праздничного митинга так, что у присутствующих возникают (который раз) серьезные опасения насчет душевного здоровья спикера...

Оговорюсь: единственное, что было нормально и достойно — траурное шествие и заупокойная служба у места гибели троих парней. Военные оркестры, церковный хор, граждане с цветами и свечами, даже чрезмерно многочисленная милиция — государство и народ были одинаково почтительны к своим героям.

Люди, которым было что вспомнить и которые не пожелали прийти на митинг 20 августа, ждали выступления — не Гайдара (он выступил хорошо и получил заслуженные аплодисменты), не Хасбулатова, не масовика-затейника, пытавшегося (безуспешно) раскатать площадь на скандирование — Рос-си-я, Рос-си-я... Ждали Ельцина. Президент на балконе не появился — он предпочел сугубо «государственный» способ общения с народом — по телевизору. Симптоматично. Знакомо.

Человек десять из Н-го отряда обороны «Белого дома»

после митинга и шествия вернулись на то место, «где стояли», — разложили закуску, разлили водку. За тех, кто в «Белом доме», не пили — пили за погибших и друг за друга. Тот праздник, похоже, больше не повторится. Но милиция распитию в «государственном» месте не мешала — значит, не зря тогда стояли, кое-чего добились.

Илья РАСКИН

ПРОМЫШЛЕННОЕ ЛОББИ И ДИАЛЕКТИКА РАЗВАЛА

Промышленное лобби еще не объявило войну российскому правительству, но готовится к ней. Такой вывод вполне можно сделать, подводя итоги первого Всероссийского совещания товаропроизводителей. Любопытно, что правительство никак не отреагировало на эту угрозу: либо не боясь «директорского бунта», либо полагая, что у директоров вовсе не хватит духа его когда-либо поднять.

Хотя само совещание происходило в исконных российских роялистских традициях по отношению к властям предрождающим, тем не менее оно ознаменовалось не только появлением новых «бумажных тигров». Доказательство тому — активное, хотя и не вполне явное, участие в подготовке и работе конференции лидеров Всероссийского трудового совещания (ВТС), являющегося, по сути, «агентом влияния» от оппозиции в среде промышленников и профсоюзов.

Конференция товаропроизводителей не только приняла резолюцию, в которой среди прочего выражалась открытая поддержка основным требованиям ВТС (установление госконтроля над ценами на важнейшие товары, индексация оборотных средств предприятий), но и ввела лидера ВТС Илью Константинова в Координационный совет товаропроизводителей.

В Координационном совете впервые удалось объединить две наиболее влиятельные российские промышленные группировки: «Про-

мышленный союз», возглавляемый Юрием Гехтом, и Союз российских промышленников и предпринимателей, возглавляемый Аркадием Вольским. До сих пор члены «Промышленного союза» подозревали Аркадия Ивановича в честолюбивых намерениях всюду выдавать себя за «главного промышленника России», а также в том, что в своем противостоянии правительству он готов отступить и продать всех своих единомышленников, как только ему будет обещан солидный государственный пост.

Итак, общий развал промышленности спланирует директоров, толкает их к бунту. Однако представляет ли он для правительства хоть какую-то угрозу? Ведь вполне логично предположить, что нынешнее разрушение тяжелой промышленности, ее наукоемких отраслей происходит не вследствие некомпетентности или непрофессионализма «команды» Гайдара, а как раз вследствие добросовестного исполнения ею рекомендаций Международного валютного фонда, как известно, советовавшего коренным образом перестроить всю структуру российской промышленности.

В таком случае гибель тяжелой индустрии, чем грозит директору, не беда, а победа над «проклятым социалистическим прошлым». Конечно, неизбежно последующая за этим массовая безработица не может не беспокоить даже самых радикальных экономистов-реформаторов, однако, возможно, они считают, что эту проблему будут решать не они, а правоохранительные органы.

Евгений КРАСНИКОВ

1586 РУБЛЕЙ УЗНИКАМ «МАТРОССКОЙ ТИШИНЫ»

Так называемые слушания на тему «2-летие российской суверенизации: итоги и перспективы», прошедшие в Парламентском центре РФ, пожалуй, можно считать центральным мероприятием оппозиции в дни 19—21 августа 1992. Это доказывает только одно перечисление имен участников: Саенко, Константинов, Проханов, Стер-

лигов, Бабуринов, Умалатова, Анпилов, Алкснис, Астафьев, Рой Медведев, Голик и другие. Однако только Сажи Умалатова, как и следует заочнице-отличнице, подготовилась и выступила «по теме». Все же остальные из двухлетнего периода выбирали в основном для своих размышлений три дня в прошлом августе.

Кто-то, например Константинов, вспоминал, какой уже тогда он был прозорливый и видел лживость, опустошенную сущность и т.д. «демократов». Алкснис посыпал голову пеплом и обвинял себя за бездеятельность в бытность нардепом СССР. Генерал Стерлигов сообщил забавный факт из биографии инициатора перестройки: оказалось, когда за Горбачевым приехали в Форос, он был навеселе.

Гораздо меньше нашлось тех, кто пытался объяснить, что же произошло в результате годичного нахождения у власти команды Ельцина. Проханов считает, что произошла консолидация правого фланга и левого, белого и красного, примирение идеологий (с чем, правда, был не согласен Анпилов).

Пожалуй, в одном только все они были солидарны: назрела необходимость создания Фронта национального спасения России. (Бедная Россия — просто рок какой-то: быть в кольце фронтов, даже когда она ни с кем не воюет).

Собравшимся показалось все-таки сильно ученым выступление Михаила Астафьева, а он, пожалуй, единственный попытался предложить какую-то программу действий. Во-первых, устранить антинародный режим, при этом не исключая и неконституционный путь. Такой способ возможен, объяснил он, если власть стремится к деспотии. Собравшимся это понравилось, однако им было неприятно, что так-де гласит американская конституция.

Во-вторых, считает Астафьев, нужно на ближайшем же съезде пересмотреть российскую конституцию, ревидовав там статьи о правах президента, и исключить возможность его прямых выборов.

Корреспонденту «Столицы» Михаил Астафьев, признавшись, что он согласен с

тем, что нужно какое-то объединение оппозиционных сил, сказал и об опасности того, что такая «ДемРоссия» наоборот, так же как и «ДемРоссия» настоящая, будет особенно устойчивой, только пока есть противник. Он считает, однако, что люди, которые могли бы возглавить такую организацию, Геннадий Зюганов, например, по своим организационным способностям значительно превосходят лидеров «ДемРоссии».

Никакого подведения итогов работы слушаний митинга не было, если не считать призыв Юрия Голика создать «Международный комитет по защите прав политзаключенных», которыми были объявлены узники «Матросской Тишины», и сбор им в помощь 1586 рублей (среди купюр были две или три сотенные бумажки).

Не знаю как кому, но мне было немного страшно. Во-первых, потому, что представитель Союза офицеров, вернувшийся с Троекуровского кладбища, где похоронен Ахромеев, сказал, что они будут мстить за гибель верного сына Родины. Кому? Тем, кто остался? Нам, что ли, неверным сынам? А во-вторых, если уж демократы посадили в тюрьму Лукьянова, Язова и Крючкова, то уж нас-то, тоже многим недо-

Рис. А. Зайца

вольных, и подавно могут упечь. Так что, опять, что ли, главное — не высовываться? А, может, податься к Голику в его комитет?

Александр КАСАТОВ

«МОСКОВСКИЙ КОМСОМОЛЕЦ» ПОДРУЖИЛСЯ С РУССКИМ НАЦИОНАЛЬНЫМ СОБОРОМ

27 августа газета «Московский комсомолец» опубликовала заметку «Поощрен за критику Евтушенко», в которой сообщается, что главный редактор еженедельника «Столица» А.Мальгин после его статьи о поэте Евг.Евтушенко принят Русским национальным собором в почетные члены, и отныне, что бы с ним ни случилось, будет находиться под защитой русского народа.

Редакция газеты не могла не понимать, что, публикуя данное сообщение, она наносит удар по репутации не только главного редактора «Столицы», но и самого журнала. Состоять членом полуфашистской организации, возглавляемой провокатором генералом КГБ А.Стерлиговым, — честь сомнительная. Но если вспомнить, что подобные нападения из-за угла в период подписной кампании «МК» произвел уже в отношении нескольких популярных изданий, удивляться не приходится.

Стоило, например, «Аргументам и фактам» выразить робкое удивление по поводу того, что «МК», публикуя списки московских подписчиков газет, «забыл» в этих списках самое тиражное издание, сделав таким образом самым тиражным себя, как «Московский комсомолец» разразился совершенно не подходившей к случаю грубой бранью. Редакция «АиФ» была названа даже «слоном в посудной лавке».

Конечно, все мы в период подписной кампании нервничаем. Но зачем глушить веслом своих же собственных коллег, попавшихся под руку?

Раньше Русский национальный собор имел в своем распоряжении исключительно газету «День», выходящую сто-тысячным тиражом. Теперь к услугам РНС — полуторамиллионный «Московский комсомолец». Иначе чем объяснить то,

что, получив откровенно провокационный факс, корреспонденты газеты ограничились его изложением, не посчитав нужным проверить, о чем, собственно, идет речь?

Даже если предположить, что Русский национальный собор «пошутил» и действительно принял в почетные члены своего заклятого врага, удивляться не приходится. КГБ в свое время, чтобы скомпрометировать кого-либо, частенько запускать слух, что этот кто-то — его агент. И КГБ, и Русский собор, возглавляемый кагэбэшником, видимо, ничуть не заблуждаются насчет своей репутации, если стараются своим именем компрометировать людей.

Вспоминается и другое. В период горячей избирательной кампании 1990 года, когда оба нынешних главных редактора — и А.Мальгин («Столица»), и П.Гусев («Московский комсомолец») — баллотировались кандидатами в народные депутаты Моссовета, последний напечатал у себя в газете присланное из Московского управления КГБ «Письмо жителей», в котором утверждалось, что журналист Мальгин всячески преследует... тогдашнего начальника Сокольнического КГБ.

Уж больно легко предоставляет свои страницы уважаемая газета для каждой гэбистской «де-зы». Странно это и очень печально.

Владимир БУКОВСКИЙ:

«Я СНОВА ПРИБЕГУ, КОГДА В СТРАНЕ ВСЕ РАСКАЛИТСЯ»

Из выступления перед депутатами Моссовета

Владимир Буковский, один из первых активных участников правозащитного движения в СССР, был арестован КГБ в 1972 г. и осужден советским судом на 7 лет лагерей. В 1976 г. Буковский был обменен на первого секретаря чилийской компартии Луиса Корвалана. Обмен состоялся в результате давления международного общественного мнения, а Буковский с тех пор стал символом непримиримой борьбы с коммунизмом и тоталитаризмом. О таких людях, как Буковский, сказано («Столица», № 31), что они обладают «конвертируемым лицом». И вот выступление Буковского на процессе по «делу КПСС» придает весомость этому, на наш взгляд, сюрреалистическому разбирательству. Депутаты Моссовета решают завершить свой спор с исполнительной властью города сильным ходом — выдвинут Буковского на пост мэра. (29 июля 1992 г. Малый Совет принял специальное решение «О восстановлении гражданских прав Буковского В.К.») А что Буковский? Не стеснясь в оценках, раздавая всем сестрам по серьгам, тем не менее он очень осторожен в подборе себе новых друзей — все-таки конвертируемое лицо обязывает. Стоит задуматься, почему правозащитники со стажем так трудно входят в политическую реальность России...

Отдел политики

— Я понимаю, что ваше приглашение есть своего рода жест отчаяния, продиктованный беспокойством за судьбу города и демократии. Надо сказать, что впервые я услышал, что меня выдвигают на пост мэра Москвы, совершенно случайно, по телевизору, и очень удивился. Дело в том, что никто из нас, тех, кто начинал правозащитную деятельность в 60-х, в политическую жизнь современной России не интегрировался. Прежде всего потому, что, чтобы оказаться теперь в числе строителей «новой демократии», нужно было пройти вполне определенный путь: вступить в партию, сделать карьеру, дослужиться хотя бы до декана экономического факультета, потом, где-то в году 91-м, эффектно выйти из партии и заработать себе имя видного демократа.

Имидж «демократа» можно было еще поправить в первый период перестройки, когда в страну срочно призывались признававшие перестройку диссиденты, наподобие того, как в 20—30-е годы призывалась интеллигенция, которая признала революцию.

Я же продолжал говорить, что все, что тогда предпринималось руководством СССР, на самом деле направлялось на спасение Системы, а вовсе не на ее демонтаж.

Так что такие люди, как мы, не могли оказаться в числе новых строителей демократии ни раньше, ни позже. Эти «строители», за малым исключением, к сожалению, конформисты, «звери, волчьей не знавшие дичи». Более того, я уверен, что нынешние «демократы» сделают все, что могут, для того, чтобы такие, как я, не про-

никли в российскую политическую сферу.

Что думаю я о нынешнем бедственном положении страны? Во всех без исключения демократических странах переход к демократии был сопряжен со значительными материальными и финансовыми трудностями. И тем не менее, анализируя ситуацию, в которой мы все оказались, я должен сказать, что в числе ошибок, допущенных демократами, была боязнь весной 1991 года пойти на открытую конфронтацию. Интеллигенция засомневалась, побоялась танков на улицах...

Нельзя сравнивать оппозицию в СССР с оппозицией, скажем, в Польше. Польская оппозиция выдержала военное положение и готова была взять на себя управление страной. В то же время в СССР не было ничего, кроме маленьких групп людей, называвших себя политическими партиями. Они боялись народа больше, чем коммунисты.

Вместо того чтобы использовать революционную ситуацию, чтобы создать революционные структуры, которые могли бы провести системную смену всего в стране, они пошли на ново-огаревский сговор, они погасили тот вспыхнувший внезапно энтузиазм, на который только и можно было рассчитывать.

Конфронтация же состоялась все равно, потому что власть в состоянии кризиса должна была что-то предпринять. Власть замахнулась и развалилась. В конце концов она свалилась в руки людей случайных, не имеющих ни малейшего представления о

том, что с ней делать; хуже того, людей, у которых не было в руках организационных структур. В итоге возник вакуум, который сам собой заполнился странной смесью бывших коммунистов, жуликов и черт знает кем. Они оказались повязанными в своем роде в коалицию. Оттуда и возникли все эти Ручкины и т.д.

Роковую ошибку допустила оппозиция сразу после августовских событий. Тогда все-таки шанс на реальную демократизацию еще оставался. Необходимы были очень радикальные действия. Провинция была практически не затронута августовскими событиями, так как и после путча реальная власть осталась в руках местной бюрократии, только пересевшей в другие кресла. Нужно было форсировать реформы, агитировать за них.

Огромной ошибкой демократов было то, что они фактически сохранили КГБ, только переименовав его, и сохранили самую зловещую его часть — ГРУ, которое, я в том уверен, стояло за спиной этого так называемого «путча». Я не могу сейчас доказать, у меня нет с собой документов, но я убежден, что у всех тех функционеров партии, которые потом почему-то прыгали из окон, были помощники, которые помогали им оттуда прыгать.

Далее, прежде чем распускать СССР, надо было сначала подумать, что делать с Советской Армией...

Сразу после путча было необходимо стремительно провести приватизацию, чтобы расширить социальную базу реформ.

Речь не идет о приватизации заводов или электростанций, речь идет о самой простой собственности: о жилье, о лавочках. Все это можно было бы приватизировать в течение 2—3 дней. А в результате приватизацию стали осуществлять то ли номенклатурно, то ли мафиозно.

В политике те 3 месяца, которые правительство просидело, так и не сделав ничего (занимаясь разделом партийной собственности и портфелей), дали передышку реакционным силам, дали им возможность перегруппироваться.

Непростительной ошибкой было введение колоссальных налогов. Такие налоги есть только в Швеции, и Швеция уже начинает банкротиться. У нас же получились шведские налоги на эфемерные заработки. В результате наш частник не похож на частника, это человек, который стремится урвать и убежать.

Ну и, конечно, правительство не получило той суммы налогов, на которую рассчитывало: это наивная вера всех социалистов в то, что им заплатят

столько, сколько они потребуют.

Не нужно бояться оказаться в оппозиции к Ельцину. Ничего страшного в этом нет. Если Ельцин действительно хочет реформ, критика ему не помешает. Но пока я не вижу у демократов понимания остроты ситуации и желания совместно решать проблемы. Пока население страны не захочет само себе помочь, ничто не поможет ни России, ни Москве. Нужно по крайней мере 6—10 тыс. человек, честных, смелых и умелых. Мы сейчас живем не в 60-е годы, когда достаточно было просто сказать правду, сейчас необходимо делать дело. Даже если кто-то из «честных» окажется мэром Москвы, пока вы сами не пожелаете себе помочь, никто вам не поможет. И пока я не увижу такого желания, я не могу дать свое согласие на выдвижение моей кандидатуры на пост мэра Москвы. Это было бы безответственно. Но если я опять почувствую, как я почувствовал в 91-м году, в апреле, ту же раскаленность страны, я тут же сюда примчусь. И вовсе не обязательно в качестве мэра.

— Ваше нынешнее отношение к президенту России Ельцину?

— Вы знаете, я так ни разу с ним и не встретился. Поэтому личных впечатлений о нем у меня нет. Мне кажется, внешность очень обманчива. Внешне Ельцин — человек решительный, крутой, крутолобий, но чем больше я его узнаю, тем больше мне кажется, что это человек, склонный к компромиссу. Я думаю, что он уже исчерпал тот лимит, который был историей ему отпущен. Мне кажется, что его звездный час был в августе прошлого года, когда он залез на танк и смог объединить страну. Это было лучшее, что он мог сделать.

— Если бы вы стали мэром Москвы, у вас в руках сосредоточилась бы практически необъятная власть, смогли бы вы пойти на компромисс и сотрудничать с депутатским корпусом?

— Правовая ситуация в Москве и других крупных городах, разумеется, абсурдна. У вас сейчас то, что называется политический запор. Позвольте вам сказать, что ни в одном городе из тех, что мне известны, городская власть не управляется... парламентом. Совет Большого Лондона до тех пор, пока его Маргарет Тэтчер не разогнала, составляли всего 32 человека. Это были не просто избранные люди, которые сидят и думу думают, как бояре, нет, между ними были распределены обязанности: один отвечает за санитарии в городе, другой — за строительство, третий — за образование и т.д. Мне кажется, кто бы ни был из вас мэром, он должен реформировать структуру городского уп-

равления, сделать ее реально работающей, а не просто полемизирующей сама с собой.

— Вот вы перечисляете «просчеты». А я понял, что у нас наверху дураков нет. И поэтому у меня такое впечатление складывается, что это все не просчеты, а расчеты.

— Это тот вопрос, над которым я всегда ломаю голову: кто над нами в России стоит — дурак или сволочь? Никак решить не можем. Маленький пример: поездка Ельцина в Соединенные Штаты, где он успешно выступал на совместном заседании обеих палат конгресса и сената. Однако весь этот эффект был перечеркнут одной маленькой деталью, историей с американскими военнопленными. Кто эту историю ему подsunул, никто не может мне сказать толком. А ведь здесь тот же самый вопрос: или дурак, или сволочь? Вот вы говорите, дураков у нас нет. Я сейчас просматриваю тысячи документов бывшего Политбюро: удивительные были дураки.

— Вы так же, как Гавриил Харитонович, рассуждаете о большом Нью-Йорке, большом Лондоне, забывая, что у нас — «совок», а у них — частная собственность. Я видел, чем занимается муниципалитет Нью-Йорка: их действительно 40 человек, у них забота — разделить бюджет между образованием, здравоохранением и уборкой мусора. У них никто не думает, допустим, как хлеб печь... Там давно уже все сделано, и 40 человек могут решать проблемы на уровне большого Нью-Йорка.

— Что касается вашего замечания по поводу Нью-Йорка, то это очень хороший пример. Вот и я вам о том же толкую, нью-йоркским властям не нужно решать проблему, у кого течет крыша, у кого сломалась канализация, — и вам не нужно. Вам нужно было приватизировать все жилье в Москве за две недели в сентябре. Вы же этого не сделали, и в результате у вас оказался не рынок жилья, а дефицит жилья. Дефицит, которым пользуются жулики, у вас квартира в Москве стоит, как усадьба во Франции. Таких цен просто нет в природе. Тем более это невероятно для разрушенного, полуголодного города.

— В первом квартале текущего года дефицит бюджета Москвы составлял 45 млн. рублей. В настоящее время планируется увеличение дефицита бюджета за счет увеличения штатного расписания управленческого аппарата. Каким путем вы, если бы стали мэром, могли бы ликвидировать дефицит бюджета, с учетом того, что к моменту вашего предполагаемого избрания он значительно увеличится?

Лев КОРСУНСКИЙ

— Начнем с того, что все крупные города имеют дефицит бюджета. От дефицита бюджета не смог освободиться ни один крупный город. Но в ваших условиях я вам скажу, что нужно делать. Вы знаете, существует такая наивная вера у многих экономистов, что чем выше они назначат налог, тем больше они соберут денег. Этот тезис был блестяще опровергнут в свое время Маргарет Тэтчер. Ее экономическая реформа включала в себя резкое сокращение подоходного налога. Противники реформы ожидали страшного дефицита бюджета, а оказалось совсем не так.

Вывод: когда налог слишком высок, люди находят способы уходить от уплаты. В наших условиях просто уходят в подполье. В западных условиях — нанимают хороших юристов, которые помогают обходить закон. В результате вы не получаете его и никогда не получите. Практика доказывает: сокращая налоги, реально можно получить больше денег.

— Вы знаете, что демократическая пресса ополчилась против представительных органов власти и наряду с правильной критикой лейтмотивом проходит такая идея, что вся законодательная власть, худо-бедно как-то выбранная, никуда не годится, а вся исполнительная власть насквозь демократична, хотя вроде бы всем понятно, что все эти так называемые исполнительные демократы — сплошь прежние первые секретари комитетов КПСС. Как вы к этому относитесь?

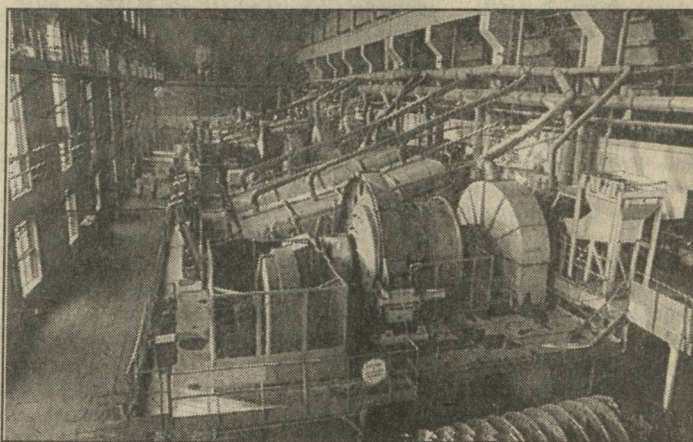
— Я, в общем, согласен с вами. Номенклатура реставрировалась в этих структурах. Однако что касается избранных структур, то они тоже избирались по очень ограниченному избирательному закону, и поэтому, мне кажется, необходимо улучшить избирательный закон. Потому что сейчас существует явный парадокс: например, съезд демократов России по своему составу все еще сплошь коммунистический, и это в стране, где коммунизм уже полностью рухнул и даже партия коммунистическая запрещена.

— Правда ли, что на вопрос, с чего бы вы начали, став мэром, вы буд-то бы ответили: «Разогнал бы этот Моссовет»?

— Нет, неправда. Я сказал примерно так же, как сказал здесь. Зашел разговор о Моссовете, и я сказал: да, нигде парламент не управляет городом и, конечно, реформы городского управления будут в любом случае.

ПОДЗЕМНЫЙ АТОМНЫЙ ГУЛАГ ДЕЙСТВУЕТ

*Таджикский уран —
основа для исламской
ядерной бомбы?*

Первое детище
атомного
ГУЛАГА —
Худжандский
горно-химический
комбинат

НЕМНОГО О СЕБЕ

В 1949 году СССР произвел первый ядерный взрыв, и в этом же году я был принят в только что открывшийся Среднеазиатский политехникум, приказ о создании которого лично подписал Лаврентий Берия. Было это в Таджикистане, в двенадцати километрах от областного центра Ленинабад (ныне Худжанд). «Голос Америки» уже в ту пору называл его Атомбадом. Тогда в городке были три приметные «точки»: гигантский тюремный лагерь, в два ряда опоясанный «колючкой», больница и наш техни-

кум, первым директором которого был майор НКВД Николай Митрофанов.

Готовили из нас геологов и маршейдеров, горняков, химиков-аналитиков и технологов для поиска, переработки и обогащения урановой руды, которая добывалась тогда в радиусе ста километров от города — на Табошарском и Адрасманском рудниках. Преподавали нам, шестнадцатилетним пацанам, профессора и даже один академик, доподлинные фамилии которых нам так узнать и не довелось. Только один из них — профессор Никифоров — однажды про-

говорился, что этапировали его к нам из Мордовии...

Закончил техникум я в 1952 году, с первым выпуском. Но по специальности — химик-аналитик — работать не пришлось, после пяти дотошных бесед в спецотделе послан был на курсы дозиметристов в Подмоскowie. Экзамены принимал у нас сам Курчаев (фамилию я узнал лет через двадцать, увидев в «Правде» фото академика).

Шесть лет после этого, словно подопытная морская свинка, я запускался с дозиметром наперевес впереди начальства. Довелось побывать не единожды в заводских цехах, в штольнях и штреках урановых рудников, на отвальных полях обогатительных фабрик первенца советской урановой промышленности — комбината № 6 Министерства среднего машиностроения. И если вместо хронометрического пощелкивания дозиметр начинал верещать, одного жеста моей руки хватало, чтобы высокие чины безропотно поворачивали назад, так и не дойдя до выработок и цехов, где под присмотром охранников трудятся политзаключенные: русские, украинцы, белорусы, советские немцы-фольксдойчи, крымские татары, калмыки.

Подвигли меня на эту статью два события: сильно поредевшая по сравнению с прошлогодней колонна ветеранов атомных испытаний из подразделения особого риска, которая медленно прошла по Невскому 9 мая вместе с ветеранами Великой Отечественной, и звонок из Гамбурга от коллеги: «Лев, посмотри в шестом номере «Штерна» статью Эриха Фоллата. Она о Таджикистане, где ты вырос и учился».

Вот почему на трех попутных машинах добрался я до Чкаловска, где прожил когда-то одиннадцать лет. Только начав расследование, узнал, что первый детсад моих двух дочерей, как и дом, где они родились, были заложены на лагерном кладбище, в братских могилах которого тайком хоронили эзков...

АТОМОБАД ГЕНЕРАЛА ЧИРКОВА

Генерал НКВД Борис Николаевич Чирков стал известен в чекистских кругах в ту пору, когда страна, смертельно зажата в ежовых рукавицах наркома, боролась с «врагами народа». Этот интеллигентного вида заместитель начальника казахстанского НКВД добился рекордного для тех времен результата: самые упорные «враги народа» сознавались в его кабинете в самых страшных злодеяниях через две, максимум три минуты. Нет, замнаркома не бил арестован-

ных, не держал их в карцере, не слепил их мощными лампами. Если и позволял «вольность», так одну — любил гасить «беломорину» в ноздрях арестованных. Для того чтобы «враг» сознался, Борису Чиркову требовались банальная табуретка и два дюжих сотрудника. Арестованного спиной укладывали на табуретку, на ноги и голову садились чекисты, и боль в ломающейся от их тяжести пояснице никто не в силах был выдержать.

Не повезло генералу Чиркову после XX съезда КПСС. Двое чудом оставшихся в живых реабилитированных политзаключенных поинтересовались в ЦК КПСС, жив ли их мучитель? Оказалось, что не только жив, но и процветает — стал Героем Социалистического Труда, генерал-лейтенантом, руководителем мощнейшего комбината по производству урана. Никита Сергеевич, припомнив тесную дружбу Чиркова с Берией, был безжалостен — организатора первенца советской атомной промышленности разжаловали и отобрали партбилет.

Но тогда, когда Атомобад — детище ГУЛАГа — расцветал, генерал Чирков был един в трех лицах: ему подчинялись концентрационные лагеря, чекисты и все заводы, монополю в ту пору производившие сырье для советских атомных бомб.

Еще в начале тридцатых годов в Табошарах добывали радий и стронций для московских, тогда не секретных, лабораторий. Первый урановый завод в Табошарах построили через год после окончания войны, затем возвели основной завод в Чкаловске, которым руководил Андрей Левицкий. Именно туда и перебазировали из северных лагерей политзаключенных — в основном инженеров-энергетиков, строителей, технологов. Затем концлагерь расширили, его дополнили «пэфэловцы» — узники проверочно-фильтровочного лагеря.

Власть за колючей проволокой была двойной. Гулаговская — отвечала за производство урана, политическая контрразведка постоянно фильтровала эзков, сутками допрашивая их. Военная «тройка» тоже без работы не оставалась ни на день: после сорок седьмого года меньше двадцати пяти лет срока не объявляли. Особенно для «власовцев», хотя из десяти осужденных едва ли один-два слышали в ту пору о существовании генерала Власова и РОА. Потом в подземном атомном ГУЛАГе появились невозвращенцы, которых союзники, освобождая из концлагерей, выдворяли на родину. Крымские татары и калмыки, определенные сюда на пожизненное поселение, работали в строительстве и на шахтах.

Особенно запомнились калмыки. От них впервые довелось узнать, что такое «итальянская забастовка». Возмущенные, что спецкомендатура отказалась селить их компактно, а разбросала по баракам в разных концах рудника Табошар, они в течение целой недели с утра исправно спускались в шахту и там отсиживали «всю упряжку», не выдав на-гора ни одной вагонетки руды.

И еще понял: ностальгия — болезнь смертельная. Скольких калмыков, ничем не болеющих, увозили ночью в «черных воронах» не на допрос, а на кладбище: сыны степей за неделю-другую чахли и безропотно отдавали Богу душу, не надеясь больше в этой жизни увидеть бескрайние просторы желтой калмыцкой равнины и услышать топот и ржанье табуна. Белая, без единого пятнышка, кобылица, подаренная тремя аксакалами Адольфу Гитлеру для победного въезда в Москву, обернулась для многострадального народа тысячами трупов. Сюжет этот я слышал только от чекистов, потому ругаться за его достоверность не могу.

Продукция Атомобода позволила Советскому Союзу уже в 1955 году начать серийный выпуск собственных атомных бомб. Лагеря стали закрываться после смерти отца всех народов, но чкаловские и табошарские заводы продолжали заниматься обогащением урановой руды.

ЧЕРНОБЫЛЬ НАЧИНАЛСЯ В ТАДЖИКИСТАНЕ

О болезни супругов Жолио-Кюри, работа которых с ураном и радием закончилась для них раком легких, знает весь мир. Но знает ли страна о тех тысячах людей, которые, добывая без всяких средств защиты уран — от «сухого» бурения гранодиорита (породы, содержащей уран) до работы на обогатительных фабриках, — умирали три, пять, восемь, десять лет спустя? А сколько погибло не только от силикоза, но и от «горняцкой чахотки», возникавшей от воздействия радона — радиоактивного газа без цвета, запаха и вкуса!

Первый удар испытали на себе «фольксдойчи», работавшие на бурении гранодиорита в шахтах Адрасмана, — сочетание мелкодисперсных частиц кремния, выделяемых при «сухом», без орошения, бурении, и радона, переполнявшего горные выработки, приводило к смерти на второй и третий год. Когда счет репрессированным немцам Поволжья, погибшим от силикоза, перевалил за тысячу, а вскрытия продолжали показывать, что легкие горняков изъедены пылью, что гипофиз и кора надпочечников у

Начинка атомной бомбы

них деформированы, — заволновался сам академик Александров. Начались работы по поиску защитных средств.

До аварии в Челябинске-65, которая произошла в сентябре 1957 года, еще было далеко. Да и кто мог предвидеть, что через много лет в мировой классификации ядерных катастроф «Хиросима — Нагасаки — Чернобыль» появится и Челябинск-65 — город, созданный в одно время с Чкаловском в Таджикистане и, вероятно, подпитывающийся его обогащенной продукцией...

О ЧЕМ НЕ УДАЛОСЬ УЗНАТЬ «ШТЕРНУ»

Кратко перескажу репортаж Эриха Фоллата в шестом номере журнала за нынешний год. Решив проверить, правдивы ли слухи о том, что Душанбе планирует продавать в Ирак и Иран обогащенный уран, немецкий репортер, представившийся дельцом, связанным с международной атомной индустрией, получив в Москве адрес душанбинской чайханы и пароль «Вы можете мне помочь?», вылетел в столицу Таджикистана. В чайхане к нему подошел мужчина, произнес пароль и пригласил пройти. Собеседник, вышедший на связь, прекрасно говорил по-английски и предлагал Эриху для продажи уран, обогащенный до восьмидесяти процентов. Вес — пятнадцать килограммов, хватит на одну атомную бомбу. Оплата? Десять тысяч долларов за пробную упаковку. Сырье — из Табашар. Согласие было получено. Договорились встретиться завтра, на том же самом месте...

На встречу с вчерашним собеседником Эрик Фоллат пришел, как и договаривались, ровно через 24 часа после окончания разговора, дожидаясь его более часа. Никого. Но «сюрпризы» ждали Фоллата в номере гостиницы «Таджикистан»: украденны

были не только одежда и продукты, но до последнего листика архивный материал.

Узнать о том, что это было: банальное ограбление или «шалости» местной госбезопасности, Фоллат решил у министра иностранных дел Таджикистана Лакима Каюмова.

Каюмов заверил немецкого журналиста — ни обогащенный уран, ни атомную технологию никто никому продавать не собирается. Фоллат, описав душанбинским коллегам «своего» торговца ураном, услышал в ответ, что это может быть, во-первых, провокатор, во-вторых, — человек из секретной службы или же действующий на свой риск ученый-атомщик. Вот почему «Штерну» не удалось узнать, продает ли Таджикистан обогащенный уран в Ирак и Иран.

Мне же думается, что сегодня, когда иссяк, и не только для Таджикистана, мощный поток самой дешевой в мире нефти, поступавшей из России, республике, где господствует одна монокультура — хлопок, где девятью три процента территории занимают горы, а овощеводство и садоводство едва может прокормить население, — только высокообогащенный уран способен дать валюту. Получать его можно там же, по старым адресам, — в Чкаловске и Табашарах, на тех же, до сей поры с особым засекреченным режимом, заводах Восточного комбината редких металлов, куда и сегодня приходится из Москвы указания на бланках... Министерства атомной энергетики и промышленности СССР.

В Чкаловске даже старые, испытанные друзья мотивировали коммерческой тайной свой отказ ответить на вопрос о том, сколько же ныне заки-окси урана-238 производит комбинат. Но, судя по тому, что за последние годы склад готовой продукции вырос раза в четыре (да и техно-

логия обогащения руды с тех пор усовершенствовалась), объем продукции возрос многократно. Если учесть, что завод выпускает как «ширпотреб» пятиокись ванадия для авиастроения и триокись вольфрама для высокопрочных инструментов, то доходы Таджикистана от продукции объединения «Востокредмет» могут быть миллиардными. Если, конечно, этот концерн, который и сегодня питается от всех республик СНГ (руду привозят из Бухары и Кзыл-Орды, серу из Навои, соду из Мангышлака, ионообменные смолы из Харькова, все остальное — из России), станет национальным достоянием Таджикистана. Уж тогда, можно не сомневаться, что из Афганистана и Ирана, из других мусульманских стран придут специалисты — для «изучения» опыта работы Чкаловского и Табашарского заводов. Или, в крайнем случае, для того, чтобы сделать заказ на его продукцию.

Как сообщает французская «Котидьен де Пари», в июле прошлого года командующий иранскими ВВС генерал Масут Саттори успешно провел в Москве переговоры по закупке сорочка восьми МИГ-29, двадцати четырех СУ-24, такого же количества МИГ-31 и сверхзвуковых бомбардировщиков ТУ. В официальном списке не фигурирует МИГ-27 типа «Флоггер ДИЖ», модифицированный для транспортировки и запуска тактических ядерных зарядов, но Иран его недавно получил. Так что слухи о наличии исламской атомной бомбы косвенно подтверждаются... Тем более, что в арабских странах, встревоженных ядерными устремлениями Ирана, не устают повторять о наличии у него «канбалах дхариех», что в переводе означает «атомная авиабомба».

В пору, когда Таджикистан стоит на пороге гражданской войны и первые, тщательно скрываемые жертвы ее исчисляются уже сотнями, неподалеку от Худжанда функционирует мощный атомный концерн — первое детище подземного атомного ГУЛАГа.

Кто защитит его от национализации Таджикистаном?

На кого он будет работать через год-другой?

Душанбе — Чкаловск —
Санкт-Петербург
«Час пик» — для «Столицы»

СОВЕТ БЕЗОПАСНОСТИ... ГОСУДАРСТВЕННОГО КОНЦЕРНА?

Фото ИТАР—ТАСС

Когда на телеэкране появился Ю.Скоков — человек, занимающий один из ключевых постов в государстве, я прислушивался к словам секретаря Совета Безопасности с должным вниманием — ведь публичными выступлениями он нас не балует, а по поводу его самого и руководимого им органа в последнее время возникла масса версий и комментариев. Причем комментарии эти позволяли думать, что Ю.Скоков если и не лежачий камень на пути реформ, то, во всяком случае, и не весьма активный их сторонник.

И вот Ю.Скоков в эфире. Он говорит (пересказываю своими словами) о том, что в системе руководящих инстанций не хватало органа, который бы вырабатывал основные направления политики, как внешней, так и внутренней, формировал бы общую стратегию развития страны. Органа, который, как Политбюро, определял бы Генеральную Линию. Именно этим будет заниматься Совет Безопасности. Аналогия с Политбюро принадлежит не мне, а Ю.Скокову.

История государств не вчера началась, и опыт государственного строительства в мире накоплен колоссальный и многообразный — почему же наши управленцы упорно

продолжают воспроизводить схемы из истории КПСС? Наверное, подобный вопрос возник у журналиста, бравшего интервью, и он спросил Ю.Скокова — а какая же тогда разница между Политбюро и СБ? Ю.Скоков признался, что сам навел журналиста на этот вопрос, и выдал заготовленный ответ: да, функции сходны, но разница-то в том, что Политбюро выполняло эти функции неконституционным образом, фактически — незаконно, а СБ — орган вполне конституционный, легитимный. Вот уж, что называется, успокоил. Впрочем, может быть, аналогии с Политбюро не стоит придавать большого значения? Может быть. Для этого хорошо бы

выяснить, какую именно Генеральную Линию намерен проводить высокий государственный орган. Явно дистанцируясь от правительства Е.Гайдара, от Гайдара лично и от правительственной программы реформ (поддерживая, конечно, реформы «в принципе»), Ю.Скоков констатировал: Наше хозяйство сложилось как огромный государственный концерт, и роль правительства в этом концерне — выступать его «исполнительной дирекцией». Правительство, по мнению Ю.Скокова, стало, наконец, эту свою роль осознать и действовать соответственно.

Здесь есть от чего прийти в задумчивость. Действительно, хозяйство наше «исторически сложилось» как государственный суперконцерт, где в советские годы Политбюро выступало как собрание владельцев контрольного пакета акций, а правительство — как технический орган, «исполнительная дирекция» (соответственно представительная власть — как декорация, призванная создать у рядовых акционеров иллюзию «причастности»). Именно такая форма собственности, хозяйствования и управления — антидемократическая и милитаризованная по своей экономической сути (а не по злой воле руководства КПСС, эту суть выражавшего) завела страну в экономический и политический тупик. Именно этот Карфаген тоталитаризма и милитаризма — государственный суперконцерт — должен быть разрушен реформами, которые проводит правительство Ельцина—Гайдара (но «военно-патриотическими» идеологами это отождествляется с разрушением государства как такового).

И вот высокий руководитель из «команды Ельцина» (а не из «команды Гайдара», как подчеркнул сам Ю.Скоков) указывает правительству его место — служить при государственном концерне «исполнительной дирекцией». Что это: заветные мечты вслух неисправимого ВПКашника? Или удовлетворение от того, что правительство «начало осознать» свою роль, имеет основания? Тогда у всех сторонников реформ есть основания для серьезной озабоченности. Тогда и аналогия с Политбюро становится более прозрачной и естественной.

Желающих преодолевать кризис централизованной экономики через укрепление позиций все того же централизованного управления (так и хочется сказать: планирования) становится все больше. Имеющий известное влияние в вы-

социальных сферах «Гражданский союз» (лидеры — А.Вольский, А.Рущкой, Н.Тракин) уповает в недавно представленной Альтернативной экономической программе на «выборочную поддержку наиболее перспективных и жизненно важных производств и отраслей». При этом «решать, кто наиболее перспективен, кому жить, а кому умирать, должны, по мнению авторов АЭП, правительственные органы» (а не потребители). Ну и, конечно, «прямое регулирование цен и введение прогрессивного налога на прирост фонда зарплаты» («Известия», 5 авг. 1992 г.). Понятно, что «выбить» правительственную поддержку и выгодную для себя политику цен смогут в первую очередь те отрасли и производства, которые традиционно имеют наиболее мощное лобби на Старой площади и Краснопресненской набережной. Сколько раз мы уже это все проходили...

Трагическая антиномия нынешних российских реформ: настоятельная, объективная необходимость скорейшего разрушения тотальной госмонополии наталкивается на столь же объективную невозможность такого разрушения без тяжелейших экономических и социальных потрясений. Хозяйство десятилетиями катилось по рельсам, ведущим к пропасти, но обладает колоссальной инерцией, и попытки на ходу перевести тяжеленный состав на рельсы, идущие перпендикулярно «инерционному» вектору, грозят тоже тем, что костей будет не собрать... Каждый из курсов, как радикально-реформаторский, так и реакционно-охранительный, взятые в чистом виде, ведут к одному и тому же катастрофическому результату, «оба хуже».

Ю.Скоков — руководитель, который, без сомнения, выражает консервативную политическую тенденцию, олицетворяет «инерцию» государственной экономики. Не будем торопиться с обвинениями: во многом благодаря этой инерции хозяйство худо-бедно работает, есть пища и тепло. Но попытки (вполне объяснимые экономически и психологически) сделать эту тенденцию Генеральной Линией, задвинуть реформаторов на роль obsługi... Интересно было бы знать: а что думает об этом сам председатель Совета Безопасности, по совместительству — президент России?

Илья РАСКИН

Уважаемые господа предприниматели!

10 тысяч экземпляров газеты «ЭХО», издаваемой на арабском языке, открывают Вашему бизнесу двери Арабских Эмиратов и стран Персидского залива.

Ваши коммерческие предложения, опубликованные в газете, через несколько часов будут прочитаны в указанных странах и в их посольствах на территории СНГ.

Новая рекламно-информационная газета «ЭХО» к Вашим услугам, господа! Удачи в делах!

*В газете «ЭХО» Ваши предложения
К успехам начинают продвижение.
И отзовутся эхом на Востоке
На Севере написанные строки.*

Звоните и пишите: 333025, г.Симферополь, ул.Киевская, 88,
комн. 67.

Тел.: 26-25-20, 27-74-70, 22-49-67,
телефакс: 253-086

ЛУКЬЯНОВ И БРАТ

949-70-73,
949-60-11.

факс 949-70-73.

**Невозможно оставить
без внимания
наши низкие цены на:**

- факсы японского и корейского производства
- телефоны ПНАСОНИК2365
- КАРТРИДЖИ ЕПС к лазерным принтерам

КУПИМ расходные материалы к аппаратам РИКОМ100, КАНОН1215, ФС-2(А30,А15)комплектацию к компьютеру 286,386

У «МММ»
НЕТ
ПРОБЛЕМ!

КУПИТЬ СЕГОДНЯ ВЫГОДНЕЕ, НЕЖЕЛИ ЗАВТРА!

**ВЫБОР ИМПОРТНЫХ ТОВАРОВ
ЗНАЧИТЕЛЬНО УВЕЛИЧЕН,
ЦЕНЫ СУЩЕСТВЕННО
НИЖЕ КОММЕРЧЕСКИХ!**

**ПРИГЛАШАЕМ ПОСЕТИТЬ
НОВЫЙ ВЫСТАВОЧНЫЙ ЗАЛ
«МММ»—ЭКСПО,
ТОРГОВЫЙ ЦЕНТР,
ФИРМЕННЫЙ МАГАЗИН
«МММ»—ОСТАНКИНО.**

**В оптовой и розничной продаже:
компьютеры и оргтехника, аудио- и видеоаппаратура,
электробытовая техника, модные одежда и обувь,
продовольственные товары, напитки.**

**УСЛОВИЯ ПОКУПКИ ДЛЯ ОРГАНИЗАЦИЙ
И ЧАСТНЫХ ЛИЦ—ОПТИМАЛЬНЫЕ:**

- ЗА РУБЛИ
- БЕЗ ПРЕДОПЛАТЫ
- ПО БЕЗНАЛИЧНОМУ И НАЛИЧНОМУ РАСЧЕТУ
- /ЗА НАЛИЧНЫЕ НА 8% ДЕШЕВЛЕ/

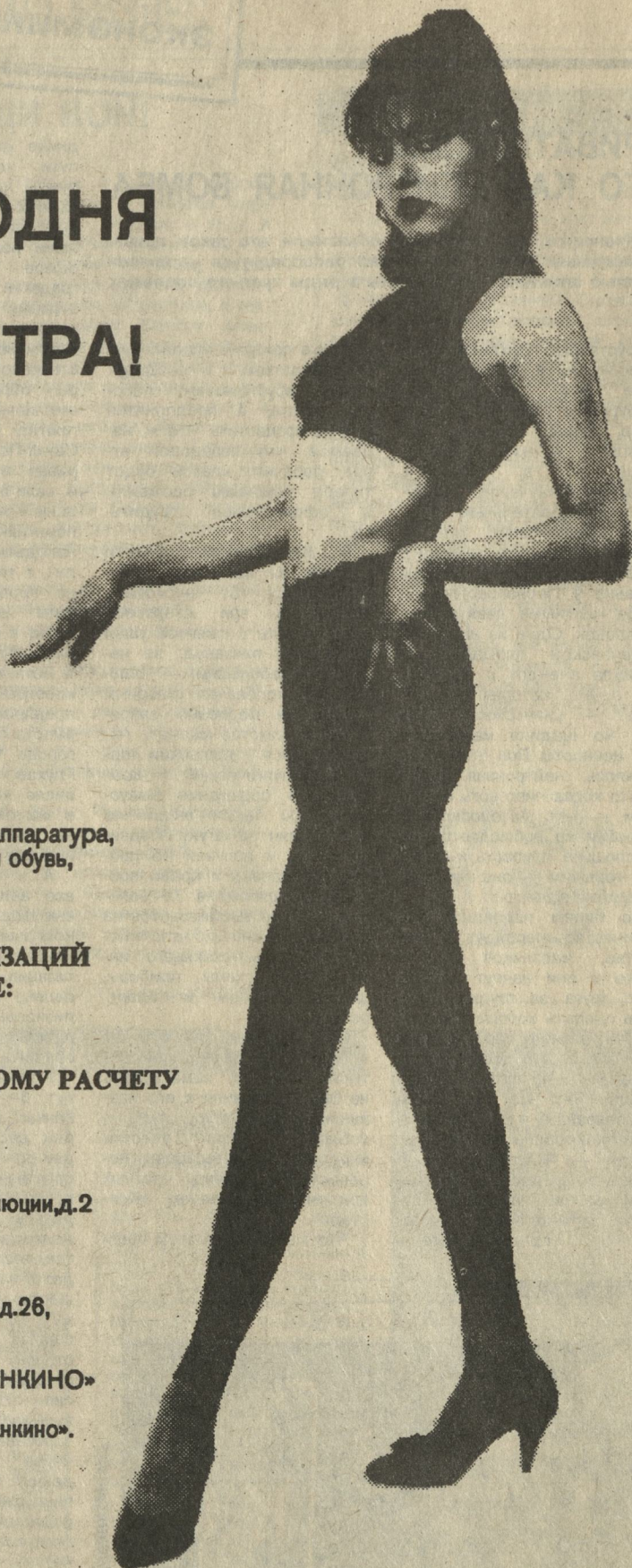
«МММ»—ЭКСПО пл. Революции, д. 2
/музей В.И. Ленина/,
3-й этаж. С 9.30 до 18.00,
кроме воскр. и понед.

ТОРГОВЫЙ ЦЕНТР Варшавское шоссе, д. 26,
м. «Нагатинская». С 9.00 до 18.00,
кроме субб. и воскр.

ФИРМЕННЫЙ МАГАЗИН «МММ»—ОСТАНКИНО
ул. Ботаническая, д. 29, м. «ВДНХ»,
тролл. № 73, 36 до ост. Гостиница «Останкино».
С 10.00 до 19.00, кроме субб. и воскр.

**111-00-65
111-20-70**

ПОЧТЕННЫЙ ПОКУПАТЕЛЬ ДОРОЖЕ ДЕНЕГ!

ПРИВАТИЗАЦИЯ? ЭТО КАК НЕЙТРОННАЯ БОМБА

Наконец-то нам доходчиво объяснили, что такое приватизационные чеки и как можно распорядиться кровными десятью штуками, чтобы встать в ряды третьего сословия.

Хрустящие бумажки еще печатаются, а в городе на Неве уже создали Петербургский инвестиционный фонд, дабы защитить интересы мелких вкладчиков и, в частности, вкладчиков-ваучеров. Будучи последовательным адептом приватизации, тем не менее замечу, что защищать надо и потребителя. Совсем недавно в Первопрестольной стали частными девять бензозаколон. Одна из них, близ Семеновской площади, напомнила анекдот о нейтронной бомбе, которая — помните? — уничтожала граждан, но щадила материальные ценности. При этом, объяснялось: нейтронная бомба — это когда пиво есть, а очереди — нет. Автомобилей у заправки не наблюдается, но не спешите припасть к шлангу с горючим — оно здесь по тридцатке за литр.

Но будем надеяться, что количество перейдет в качество, частных станет много и они начнут хватать друг друга за грудки, стремясь сделать хорошо тем, кто просто загнал свой ваучер. Тем более, что пошла в ход тяжелая приватизационная артиллерия. Что там хилая автозаправка! В Кузбассе приватизированы первые две шахты — «Октябрьская» и «Аларда», а также Черниговский разрез. Глава администрации Михаил Кислюк считает, что предприниматели,

которые придут к управлению производством, создадут новые обустроенные рабочие места, а предприятия начнут процветать. Что ж, надеемся, что передовой отряд рабочего класса будет теперь поменьше бастовать и эффективнее трудиться.

В Кемеровской области вообще на мелочи не размениваются. За несколько миллионов при стартовой цене в пять с лишним ушел Юргинский пивзавод, за четыре с небольшим — Мысковская колбасная фабрика. Провинция медленно запрягала, но быстро скачет. Акционируется Норильский горно-металлургический комбинат. В обращение выпустили 200 тысяч акций по пять тысяч за штуку. Подписался — и получишь 15 процентов годовых и право приобрести товары на 75 зеленых. В Орле выставляются на аукцион акции предприятия «Протон», выпускающего интегральные схемы, приборы, фототранзисторы и электронные игры.

Столица тоже не отстает — приватизировав более 180 тысяч квартир, замахнулась на ЗИЛ, прибавила к его названию аббревиатуру АМО и собирается при участии иностранных инвесторов перевести в разряд частных бриллиантовый завод «Кристалл».

Что же почем на этом праз-

днике жизни? Неисповедимы пути господни. Скромные суммы, которые выкладывают за фабрики и заводы, меркнут перед приватизационными рекордами в торговой сфере. Бывший калининградский магазин «Ткани», ставший «Люксом», дама-инкогнито приобрела за 30 миллионов 100 тысяч рублей, ставропольские «Хозтовары» обрели хозяина за 15 миллионов. Богатые лучше платят, решили власти Санкт-Петербурга, просматривая мексиканский сериал, и, если верить прессе, вздули цены за жилье в домах-памятниках. Голь перекатная: неподъемные суммы не осилит, а те, кто и без ваучеров не пропадет, смогут сохранить исторический жилой фонд и подсобят городскому бюджету.

Потянулись в глубинку иностранцы. Тряхнул мощной предпримчивый ливанец, а вместе с ним и бизнесмен из города Чайковского Валерий Глухов — они обошли на аукционе конкурентов и теперь в магазине «Подарки» будут за рубли торговать иномземным ширпотребом.

А к пирогу приватизации все активнее тянутся деловые люди. Госкомимущество с компаньонами учреждает коммерческий банк приватизации, вот-вот будет объявлено о создании специализированных фондов приватизации, куда можно будет сбавить свой ваучер.

К началу 1993 года возникнут 6—7 тысяч акционированных предприятий, в которых десятки миллионов людей должны иметь свою долю собственности, поведал на пресс-конференции председатель Госкомимущества Анатолий Чубайс. Ожидается, что в будущем году будет приватизировано имущество предприятий на сумму 4,6 триллиона рублей. Сделав призывный жест в сторону иностранных инвесторов, Чубайс заявил: Россия готова информировать весь мир о процессе приватизирования и распространить через торгпредства базу данных. Что ж, я за то, чтобы пиво было, а очереди — нет, разумеется, без нейтронной бомбы сумасшедших цен. Хочется, чтобы ячменный напиток был недорогим. Как, кстати, и бензин.

Александр АГОПОВ

1. Регистрация предприятий всех форм собственности за 3 дня. От заказчика — только желание. От нас — его исполнение.

2. Изготовление металлических значков и липких аппликаций (наклеек) по логотипу заказчика.

3. Изготовление полиэтиленовых пакетов с рекламным изображением.

4. Продаем технологическую линию по изготовлению стеновых блоков по новой технологии.

Состав: гипс + вода. Высокая прочность: дом выдерживает землетрясение 9 баллов.

5. Продаем офисную мебель.

6. Предлагаем для проведения семинаров, симпозиумов, конференций зрительный зал.

7. Продаем телефаксы Panasonic KX 50B — 86000 руб.

т.168-23-55,

Москва,
ул.Краснобогатырская,
д.10.

Захади, дарайго!

Фото Т.Шахвердиева

ХАСБУЛАТОВ: ЗАМ, ВЫЙДИ ВОН!

По коридорам «Белого дома» пронесся слух — Руслан Хасбулатов лишил своего заместителя Сергея Филатова почти всех полномочий! Прокомментировать это событие согласился член ВС РФ, председатель парламентской Коалиции реформ Вячеслав ВОЛКОВ:

— Действительно, Руслан Имранович подписал распоряжение о том, что его первый заместитель Сергей Александрович Филатов лишается им, спикером, всех своих основных полномочий. Увы, никакой это не слух.

— Каких именно полномочий?

— Теперь он не имеет права подписывать распоряжения ни о финансах, ни о заграникомандировках депутатов, и, что, на мой взгляд, самое важное — по всем вопросам экономической реформы обращаться придется уже не к Филатову.

— А кто теперь будет, как говорят в Верховном Совете, курировать реформу?

— Руслан Имранович поручил это дело Юрию Воронину, заместителю спикера по социальной политике. А как понимает реформу Воронин, известно — концепция Гайдара, видите ли, противоречит его убеждениям. Что же можно ждать от такого «куратора»?!

— Чем же навлек на себя Филатов гнев непосредственного «начальника»?

— Руслану Имрановичу не по душе последние действия и публичные заявления его первого зама. И он, надо признать, откровенно об этом говорил: вот, дескать, когда я был первым замом у Бориса Николаевича, мы действовали

в полном согласии, я целиком поддерживал Председателя, а Филатов вздумал идти поперек... Имеется в виду, в частности, неприятие Филатовым (и публичное заявление об этом) неправового, с его точки зрения, решения парламента по газете «Известия», а также явное нежелание Сергея Александровича, и в том числе как члена депутатской фракции «Демократическая Россия», становиться в оппозицию к правительству, чего всячески требует в последнее время спикер. Филатов, отражая и точку зрения нашей Коалиции реформ, справедливо полагает, что экономическим реформам, проводимым правительством Гайдара, следует содействовать, критиковать только по делу, а не по политическим соображениям.

— Действовал ли спикер законно, лишая Филатова полномочий?

— Да, согласно Конституции это в его компетенции.

— Значит, он фактически отстраняет своего первого зама от должности?

— Фактически — да, не дает ему работать. Но отстранить его юридически не имеет права, это решает только съезд, который избирал Филатова.

— Может быть, Руслан Имранович рассчитывает на добровольную отставку своего первого зама?

— Похоже... Но этого не случится. Во всяком случае, Коалиция реформ, фракция «Демократическая Россия» решительно против. Иначе придется ставить крест на наших реформах.

Григорий КРОШИН

ЦИТАТА

В.КАРЛОВ
Курск

Мы все жалуемся, что нам нечего экспортировать на Запад. И не обращаем внимания на то, что находится буквально у нас под ногами. Я предлагаю вывозить из нашей страны в теплые капиталистические страны снег. Обыкновенный русский снег. Только брать его надо не в городах и не возле промышленных предприятий, а на чистых снежных равнинах. Потом грузить в самолеты или на пароходы, снабженные специальными холодильными установками.

На Западе много богатых людей, которые могут позволить себе любую роскошь. В том числе устроить себе среди лета игру в снежки или катание на лыжах. Я считаю, что это очень перспективный бизнес. Со снегом у нас всегда проблем не будет. Даже если наступит всеобщее потепление климата, все равно в Сибири что-нибудь останется. А снег у нас очень высокого качества. Я думаю, не уступит любым зарубежным образцам.

ЭКО-НЕВИДАЛЬ

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЗАЕМ МЕСТНОГО ЗНАЧЕНИЯ

Первые в России местные облигации, на которые может пасть в виде выигрыша садовый участок, выпущены в Подмоскovie. Ценных бумаг напечатано на сумму 50 миллионов рублей — пять тысяч облигаций стоимостью 10 тысяч рублей каждая. Выигрыш — садовые участки общей площадью 3,5 гектара в 30–35 километрах от Москвы. По словам председателя правления акционерного ипотечного банка «Асикомбанк» Алексея Липко, заем обеспечен муниципальной собственностью и земельными ресурсами Пушкинского района. Полностью облигации погасят к 10 августа 1993 года. Тем, кому не улыбнется счастье, возвратят номинальную стоимость и выплатят дивиденды.

В МОСКВУ — ЗА 75, ИЗ МОСКВЫ — ЗА ТЫСЯЧУ

Анекдот о крокодиле, который от носа до хвоста — пять метров, а от хвоста до носа — шесть, напоминает ситуацию с авиаперелетом Оренбург—Москва—Оренбург. Приобретая билет в старинном уральском городе, надо выложить смешотворную сумму — 75 рублей, сообщает агентство «Акцент». Собираясь в обратный путь, придется облегчить свой карман на тысячу с лишним рублей. Ларчик открывается просто: топливо для самолетов оренбургский авиаотряд приобретает в своей области, где оно дешевле. В столице же о низких ценах приходится забыть.

ПОЧЕМ НЫНЕ МУЖИКИ?

Вслед за Москвой аукцион по продаже представителей сильного пола состоялся в Приморье. Шоу-программа «Аукцион мужчин» организована коллективом кинотеатра «Океан» в сотрудничестве с коммерческими организациями Владивостока и Москвы. В качестве живого товара выставлялись холостяки — более двадцати человек в возрасте от 20 до 50 лет. Самая высокая цена за право провести вечер в обществе приобретенного партнера — пять тысяч рублей. Торги решено сделать регулярными.

НПО «ИНТЕКС»

принимает

заказы

на 1993 год

на

проектирование

и

строительство

загородных

ВИЛЛ.

Тел. 189-39-66

БЮДЖЕТА НЕТ. И НЕ НАДО

Говорят, чтобы жить с умом и уверенностью в завтрашнем дне, надо знать свой бюджет. Лучше — на год вперед. Всем известно, из чего складывается бюджет: из доходов и расходов. Так вот, если доходы свои я худо-бедно, с учетом инфляции могу просчитать, то по части расходов у меня прямо-таки «черная дыра» в бюджете.

Ведать не ведаю — какая статья расходов взбредет мне завтра в голову.

И вообще — «жить по средствам» я не умею, часто занимаю деньги, которые сразу трачу, а значит, положение мое хронически нестабильное и ненадежное.

Страшно это? Да ничуть.

Поскольку, догадываюсь я, что все вокруг существуют подобным несерьезным образом.

Более того — весь город наш, столица, живет точно так же.

Об этом — разговор нашего корреспондента А.Ефимовой с первым заместителем премьера правительства Москвы Константином БУРАВЛЕВЫМ.

Фото Э.Кудрявского

— Константин Эдуардович! Лично я свой бюджет даже приблизительно назвать не смогу. А городская власть знает бюджет города на будущий год?

— У Москвы сегодня нет бюджета даже на год 1992-й.

— И как же мы живем при этом — наобум, на-авось?

— Да, как всякое общество, пребывающее в глубоком кризисе. То есть почти по законам чрезвычайного времени. Конкретно, в отношении бюджета это называется «по режиму укрупненных доходов и расходов».

— Чем отличается такой режим от нормального? Не верится, что «укрупненные» в данном случае значит — «увеличенные»...

— От обычного отличается тем, что не имеет достаточно подробной детализации, расшифровки статей. Причина в следующем: до июля Верховный Совет не утверждал бюджет государства и, соответственно, не мог быть сформирован бюджет территорий. Принимая какие-то решения в области городского хозяйства, мы оперировали словом «бюджет» только для удобства, для связки фраз. Бюджета как такового у нас нет до сих пор. Сессия Моссовета обязала нас подготовить его в сентябре.

— Но, по всем канонам, бюджет должен утверждаться за полгода вперед? Сейчас август — пора городу знать, каков будет его «карман» в 1993 году...

— Я долго просил депутатов рассмотреть подходы к формированию бюджета следующего года. Хотя бы подходы! —

чтобы определить социальные приоритеты, экономические направления. Но — до 1993 года руки не доходят. Пока еще идет работа над текущим бюджетом. А год уже прожит...

— Получается, работа над бюджетом у нас — это не прогнозирование, а своеобразное «подведение итогов»?

— Не совсем. Теперь уже есть основной нормативный документ — «Государственный бюджет» и есть порядок формирования местного бюджета. Определено, наконец, какой процент от государственных налогов остается городу, а какой — центральному правительству. И мы можем считать и планировать: в этом году будет собрано подоходного налога около 25 миллиардов рублей...

— А из чего вообще он получается, общегородской бюджет?

— Доходная часть бюджета складывается из налогов, поступлений, штрафов, акцизов. Сколько мы планируем собрать? Цифра сегодня обсуждается — скорее всего она будет колебаться от 115 до 125 миллиардов рублей. Следуя теории сбалансированного бюджета, мы предусматриваем и расходную часть в таком же диапазоне. Естественно, когда в сентябре соберутся депутаты на сессию, они к этой части добавят полтора-два процента. Они всегда требуют увеличить ту или иную статью расходов. Статьи выбирают, конечно, наиболее уязвимые: жилищное строительство, медобеспечение, социальная защита, по которым отказать в деньгах никак нельзя. И попробуй скажи: «Не могу выделить дополнительные средства на

экологическую, к примеру, безопасность, потому что их нет» — тут же попадешь в разряд врагов народа.

— Можно, конечно, запланировать любые расходы. А насколько при этом оправдываются доходные ожидания?

— Здесь-то и лежит самый большой камень преткновения в отношениях мэрии с депутатским корпусом. Депутаты считают, что правительство всеми силами укрывает, утаивает доходную часть. Говорят: «Вот мы подсчитали, налог с прибыли должен быть 45 миллиардов». Я отвечаю: «А если предприятия закроются?» «Нет, — твердят, — вы должны все равно собрать эту сумму — и желательно еще больше».

— Московские предприятия уже останавливаются одно за другим...

— Но этого никто не учитывает! Правительство России тоже присылает нам свои расчеты, так называемый категорический «взгляд сверху» на наши доходы.

— Вам спускают какие-то статьи в приказном порядке?

— Конечно! Старым казачьим способом: должны, мол, собрать столько-то — и баста! Весь управленческий механизм остался прежним, доперестроечным. Главными тормозами в наших попытках что-то в городе действительно реформировать выступают Минфин и Минэкономики. Мы на месте можем сколько угодно «создавать рыночную инфраструктуру», но, если, нам не позволяют иметь собственные реальные статьи доходов, мы ни на шаг не сдвинемся с этого места. Россия принимает решение, что доля Москвы от налоговых поступлений в госбюджет — 35

процентов. 65 — остается наверху. Говоришь — «мало», отвечают — «вводите местный налог, предусмотренный законом». Но когда общая ставка налога НДС — 28 процента, введение местного оборачивается скандалом. Чуть только мы попытались это сделать, как Константин Натанович Боровой забил тревогу: «Москва — зона неблагоприятная для предпринимательства!» И мы попали в тиски... При всем этом вопросы социальной защиты — удел местных структур.

— Если окажется, что доходные ожидания были завышены и расчеты не оправдались, — социальные программы выполнены не будут?

— Разумеется. Когда говорят «живите по средствам», это означает — «снижайте потребность в своих социальных программах». Но задача городской власти — прямо противоположная: бороться за выполнение социальных обещаний. Ну на что нам ремонтировать дороги — а ремонтировать надо, и мы будем...

— На какие же средства, если их нет?

— Перефразируя Ленина, наша главная цель сегодня — искать, искать и искать. Как теперь модно говорить — инициативные источники финансирования. Первый возможный источник — оптимизация (раньше это называлось снижением себестоимости): допустим, вчера мы тратили на километр дороги 9 миллионов рублей, а сегодня купили новый асфальтовый каток и расходует 7 миллионов. Второй вариант — нестандартные источники. Так, если мы до сих пор не брали плату за землю, теперь возьмем.

— Правительство в состоянии обеспечить гарантированное поступление налогов в бюджет?

— Государство, которое не может собрать налог, — уже не государство. Иного способа существования у чиновников, кроме как брать взятки и получать зарплату из налогов, то есть из бюджета, нет. Судя по тому, что мы содержим аппарат, и немалый, налоги в казну поступают нормально.

— Аппарат жив, значит, и мы еще «протянем». И нет ничего катастрофического, что бюджет у Москвы отсутствует?

— Я бы даже сказал — это хорошо, что окончательный и бесповоротный бюджет не сформирован. Потому что сегодня нужен механизм быстрого реагирования на нетрадиционные ситуации — когда у правительства развязаны руки и в течение дня можно перебросить деньги из одной расходной статьи на другую.

ВОЕННЫМ НЕЛЬЗЯ ДОВЕРЯТЬ ОРУЖИЕ. ДЛЯ ПРОДАЖИ

Социальная защита сегодня — очень выгодное дело для тех, кто хочет увеличить свой капитал. Все потенциальные и даже реальные рокфеллеры так и рвутся поучаствовать в чем-либо наглядно-благотворительном. Особенно перспективно помогать военным. В армии надолго хватит нерешенных социальных вопросов — да и деньги делать есть на чем. Идет, а еще больше — грядет вывод и сокращение войск. Надо строить жилье, надо трудоустроить уволенных в запас. И вот это «надо» решается подчас на конкурентной основе. В России насчитывается уже 64 организации, которые призваны служить опорой и поддержкой людей в погоне. И когда в начале нынешнего года появился Комитет по содействию военнослужащих при Министерстве обороны России, многие восприняли этот факт как торжество госмонополии... нет, не на решение социальных проблем, а — на военную коммерцию.

Создаются новые и новые фонды и ассоциации (учредителями при этом нередко выступают коммерческие структуры с надежной репутацией аферистов), в уставах у всех написана общая святая цель поддержки военнослужащих, и мечта, как правило, у всех одна — поучаствовать в торговле военной техникой...

О чем же мечтают те, ради кого, по сути, затевается эта «благотворительная» суеда? Да тоже, в общем-то, об одном — о собственных квадратных метрах. Поскольку большинство из них не имеет ни единого — ни во время, ни по окончании «безупречной службы в вооруженных силах».

И письма, которые шлют военные и их жены в Комитет по содействию или прямо Б.Н.Ельцину (откуда эта почта все равно попадает в комитет), похожи, как близнецы, и сюжетом, и стилем. Судьба — общая. С мая по июль комитет получил более трех тысяч «криков о помощи».

Из военного городка в Прибалтике пишет жена майора: «Не только у меня, но и у всех женщин нашей маленькой части глаза от слез не просыхают... Муж 17 лет отдал армии, служил там, куда пошлют. Мы — уроженцы Калининграда, объездили Архангельскую, Мурманскую области, Новую Землю, Карелию, наконец, оказались в Литве. Как мы жили — вспомнить страшно: клоповники, комнаты на две семьи, бараки с насквозь промерзшими стенами, с ином по углам. По два раза в год меняли место жительства... Не знаю, под каким кустом завтра с детьми окажемся. Мы все-таки люди, не собаки бездомные... Нас сокращают — командование советует нам

идти куда глаза глядят... Просто жить не хочется...»

Из Новороссийска пишет подполковник запаса: «Прослужил 27 лет, 13 раз доводилось менять место жительства. Постоянная неустраиваемость быта отразилась на здоровье жены. По переводу в воинскую часть Новороссийска в 1988 году включен в льготную очередь на получение квартиры. Но и по сей день перебиваюсь с семьей по частным углам. Расчет пенсии мне до сих пор не произведен, денег не получаю уже 10 месяцев. Семья — абсолютно без средств к жизни. Выброшен на улицу, как вонючий гад».

Отбивает телеграмму на имя президента председатель Союза офицеров и прапорщиков запаса города Казани: «Более 500 семей не имеют квартир, в 1992 году военные не получили ни одного квадратного метра. Просим убедительно рассмотреть вопрос о выделении 500 миллионов рублей для строительства жилья в республике».

Миллионы на это дело нужны и в Москве, и в Питере, и в Твери, и в Рязани. Откуда их брать? Госбюджет, увы, не резиновый, его всегда не хватает на всех. Фонды? Ассоциации? Военно-коммерческие союзы? Насколько они озабочены офицерскими бедами, насколько — собственным материальным положением — сказать сложно. О том, кем добываются и как распределяются деньги для защиты «защитников Отечества», рассказывает председатель Комитета по содействию при Министерстве обороны РФ Александр Темерко.

— Мы, как орган государственного управления, не можем доставать деньги иным путем, кроме как через Центральную финансовую структуру — Минфин России. Учитывая критическую ситуацию, президент пошел на то, чтобы выделить комитету средства для обустройства офицеров и уволенных в запас. Сумма немалая — 39,3 миллиарда рублей. Из них необходимо 16 миллиардов отдать исполнительным органам власти на местах, чтобы они смогли вернуть армии задолженность по жилью. 23,3 — на новое строительство и закупку жилья.

— И вам достаточно этих денег, чтобы всей армии бездомных выдать ключи от отдельных квартир?

— Разумеется, нет. За счет этой суммы в 92—93-м годах будет построено 3,3 миллиона квадратных метров жилья для военнослужащих и около двух миллионов — для отставников. Число бесквартирных офицеров в итоге уменьшится лишь на 20 процентов. В Москве сегодня 15 ты-

сяч семей не имеют своего угла, почти столько же — в Санкт-Петербурге. А вывод войск идет непрерывно. С властями обеих российских столиц мы находим общий язык. Скажем, 50 тысяч военных готовы в буквальном смысле слова перековать мечи на орала — стать фермерами. И мы уже договорились с петербургским правительством, что оно выделяет неподалеку от города земельные участки, и в будущем году там появятся две с половиной тысячи новых фермерских хозяйств.

— Известно, что и отставников, и тем паче — «выводников» из Западной Группы войск принимают на местах не с распростертыми объятиями, а, скорее, — в штаны...

— Увы, военных на родине встречают весьма негостеприимно. График вывода Западной Группы войск (ЗГВ) очень жесткий, срок, по международному соглашению, установлен предельный — до 1994 года. Людей надо где-то размещать, а этому противодействуют всеми силами, даже здесь, в Московском округе. Вот недавно мы выводили в Калужскую область одну из вертолетных частей — на площадку бывшего ДОСААФ. Имелись у нас на то все постановления правительства и Верховного Совета. Но у калужских чиновников были свои интересы. Сугубо меркантильные. Они уже поселили там какую-то коммерческую организацию и уступать территорию невыгодным квартирантам не желали. Администрация говорила, что она, мол, «за», но вот Советы — «против». А депутаты кричали о «самостоятельности», о том, что, по закону о самоуправлении, имеют право пользоваться свои владения по своему хотению... А у офицеров — зарплата в 4—5 тысяч, и обычно двое детей, и жена не работает. Приходится снимать комнаты у частников, это дорого, и конфронтация с «коренным населением» крепчает.

— Судя по письмам офицеров, одна надежда — на вас, ведь вы — исполнительный орган правительства в вопросах военного быта. Вам удастся как-то погасить «сопротивление на местах»?

— Тем областям, которые помогают нам размещать наших людей, мы отдаем наибольшую часть наших денег. Мы будем оказывать определенный финансовый лоббизм этим областям в правительстве, чтобы они получили какие-то льготы, приоритеты в своей деятельности. Из полученного российским правительством испанского кредита в полтора миллиарда

долларов 80 миллионов передано нашему комитету. На эти средства мы думаемкупить крупный кирпичный завод для Псковской области, организовать производство стройматериалов на основе нашей военной базы в Архангельской области.

— И все же, одними кредитами и щедротами нашей нищей казны всех армейских дыр не залатать. У вас в уставе есть такой пункт, как «использование внебюджетных средств». Что это за средства?

— Внебюджетные — не совсем верное название. Поскольку получать мы их будем за счет использования военной техники, которая создавалась на народные деньги. Предполагается, армия будет сокращена вдвое, будет высвобождаться определенная часть военного имущества и техники. Мы планируем организовать работу по ее реализации, в том числе за рубежом. Вырученные средства будут зачислены на специальные блокированные счета, валютный и рублевый, и направлены в качестве безалоговых инвестиций на социальные программы.

— Иностранцев покупателей, как правило, интересует техника с вооружением...

— Понятие «военное имущество» включает и оружие.

— А кто будет торговать? Комитет, который занимается социальными вопросами?

— Разумеется, я не собираюсь брать в руки ружье и идти на рынок. Для этого будет создана специализированная государственно-хозяйственная структура. А вот контроль над распределением заработанных ею денег — задача комитета.

— Эта структура будет все до копеечки отдавать в пользу нуждающихся офицеров?

— Да. Оставлять себе только сумму, предназначенную для оплаты персонала, и посреднический процент, величину которого назовет правительство.

— Как будет выглядеть цепочка «продавец—покупатель—посредник»? В случае торговли вооружением это, наверно, очень непростой механизм?

— Он будет примерно таков. Коммерческие организации внешнего и внутреннего рынка подают заявки на интересное их имущество в эту структуру. Она их систематизирует и направляет в установленном порядке в Генштаб Мини-

стерства обороны, который решает, можно ли продавать данный вид техники. Но непосредственно целесообразность той или иной сделки с зарубежным партнером определяет Комиссия по военно-техническому сотрудничеству правительства РФ.

— Будет какая-то квота, отпущенная правительством для торговли с помощью этой структуры?

— Нет, думаю это будет все высвобождаемое военное имущество, подлежащее реализации.

— Все фонды на вас сильно обидятся — они ведь тоже пытаются создавать при себе коммерческие конторы по торговле вооружением...

— Я убежден: продавать военную технику должен только тот, кто в ней хорошо разбирается. До недавних пор монополистом в этой области было Министерство внешнеэкономических связей, где три специальных управления. Узок круг этих специалистов, и очень тонкая вещь — рынок оружия. Если на него придут непрофессионалы, во-первых, они ничего не смогут продать. Во-вторых, они его просто испортят своим присутствием. Наконец, это чревато международными конфликтами. Данный рынок должен находиться полностью под контролем государства.

— Несчетное количество всяких фондов с нулевой отдачей — по-вашему, нормальное явление?

— В уставах всех фондов записано одно и то же. Они подчас дублируют друг друга. Ну и что ж? Помыслы хорошие, а в стране грядет безработица — вот люди и трудоустраивают себя в этих фондах как могут. Те же военные на пенсии объединяются по интересам и зарабатывают себе на пропитание — страшного в том не вижу...

— Я знаю, что каждый род войск тоже хочет торговать вооружением. Командование ВС, например, отстаивает для себя это право... Ваши старания упорядочить военный рынок наверняка наживут вам врагов и в войсках?

— Наживут — если мы не построим квартиры для этих войск. Если же мы доверим торговлю оружием самим родам войск, а у нас их пять, — тогда все военные окажутся в неравном положении. Сухопутные войска — самые многочисленные — станут менее «имущими», чем другие, поскольку стрелковое оружие и бронетанковая техника гораздо дешевле самолетов и подводных лодок. Больше всего «разбогатеют» ВВС и Военно-морской флот. Достаточно сказать, что один самолет типа МИГ-29 стоит несколько десятков миллионов...

Но главное — нельзя военным торговать! Задача офицера — защищать Отечество, а не «делать бизнес». Отрицательных примеров в последнее время достаточно. В округах и видах создавались коммерческие структуры — внезапно шла распродажа имущества и вооружения, причем далеко не только списанного. Сбывалось на сторону и последнее. Богатых людей в итоге стало больше. Но жилья для военных, естественно, не прибавилось. И президент России последним своим указом от 21 июля напрочь запретил вооруженным силам заниматься торговлей оружием...

Азлита ЕФИМОВА

Казарма — мой дом родной.

Фото ИТАР—ТАСС

Открыта подписка на журнал «Столица» на 1993 год!

Стоимость подписки,
объявленная редакцией:
на три месяца — 91 рубль,
на шесть месяцев — 182
рубля.

К этой цене местные
отделения связи приплю-
совывают свою надбавку.
Так, в Москве

стоимость под-
писки на «Столицу» с учетом
местной надбавки составляет:
на три месяца — 152
рубля, на шесть месяцев —
304 рубля.

При попытках взять с подпис-
чиков больше указанной сум-
мы просим обращаться в ре-
дакцию. Телефон: 928-27-69.

«Роспечать»

АБОНЕМЕНТ на газету		73746									
"Столица"		(индекс издания)									
(наименование издания)		Количество комплектов:									
на 19 _____ год по месяцам											
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Куда _____											
(почтовый индекс)						(адрес)					
Кому _____											
(фамилия, инициалы)											

ДОСТАВочная КАРТОЧКА

ПВ	место	ли-тер	на газету журнал	73746							
"Столица"				(индекс издания)							
(наименование издания)											
Стои-мость	подписки	руб.	коп.	Количество комплек-тов:							
	пере-адресовки	руб.	коп.								
на 19 _____ год по месяцам:											
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда _____	_____
(почтовый индекс)	(адрес)
Кому _____	
(фамилия, инициалы)	

Как и в прошлом
году,
для подписчиков
«Столицы»
редакция
приготовила
большое
количество
призов.

КУПОН ЛОТЕРЕИ

Фамилия, имя, отчество (полностью) _____

Адрес (с указанием почтового индекса) _____

В каком отделении связи оформлена подписка на «Столицу» _____

Дата оформления подписки _____

Условия лотереи — на обороте купона.
В первом номере «Столицы» за 1993 год
будет опубликован список победителей.

ПРОВЕРЬТЕ ПРАВИЛЬНОСТЬ ОФОРМЛЕНИЯ АБОНЕМЕНТА!

На абонементе должен быть проставлен оттиск кассовой машины.

При оформлении подписки (переадресовки) без кассовой машины на абонементе проставляется оттиск календарного штампа отделения связи. В этом случае абонемент выдается подписчику с квитанцией об оплате стоимости подписки (переадресовки)

Для оформления подписки на газету или журнал, а также для переадресования издания бланк абонемента с доставочной карточкой заполняется подписчиком чернилами, разборчиво, без сокращений, в соответствии с условиями, изложенными в каталогах Роспечати.

Заполнение месячных клеток при переадресовании издания, а также клетки «ПВ—МЕСТО» производится работниками предприятий связи и Роспечати.

Вырежьте купон, правильно заполните его, наклейте на открытку или почтовую карточку и вышлите на адрес редакции: Москва, 101425, ГСП, К-51, Петровка, 22, редакция журнала «Столица». В розыгрыше призов примут участие только те читатели журнала, которые оформили подписку в период подписной кампании, то есть с 1 августа по 31 октября включительно. Выдача призов — только по предъявлении квитанции о подписке.

ПРИЗЫ ДЛЯ ПОДПИСЧИКОВ «СТОЛИЦЫ»

Холодильники, телевизоры,
часы женские и мужские,
электрические самовары,
электробритвы,
платки пуховые,
конфетницы хрустальные,
наборы (скатерть и
салфетки), матрешки,
термометры комнатные,
изделия из Хохломы,
альбомы для
фотографий,
нож и открывалка
«Хохлома»,
денежные призы —
все это

вы можете выиграть,
отправив по адресу
редакции правильно
заполненный
КУПОН ЛОТЕРЕИ.

У ВАС ЕСТЬ ВОЗМОЖНОСТЬ СЭКОНОМИТЬ!

Страховая
компания

АСКО

для подписчиков

«Столицы»,

проживающих

в Москве

и Московской

области,

предлагает льготные

страховые полисы

со скидкой 50%

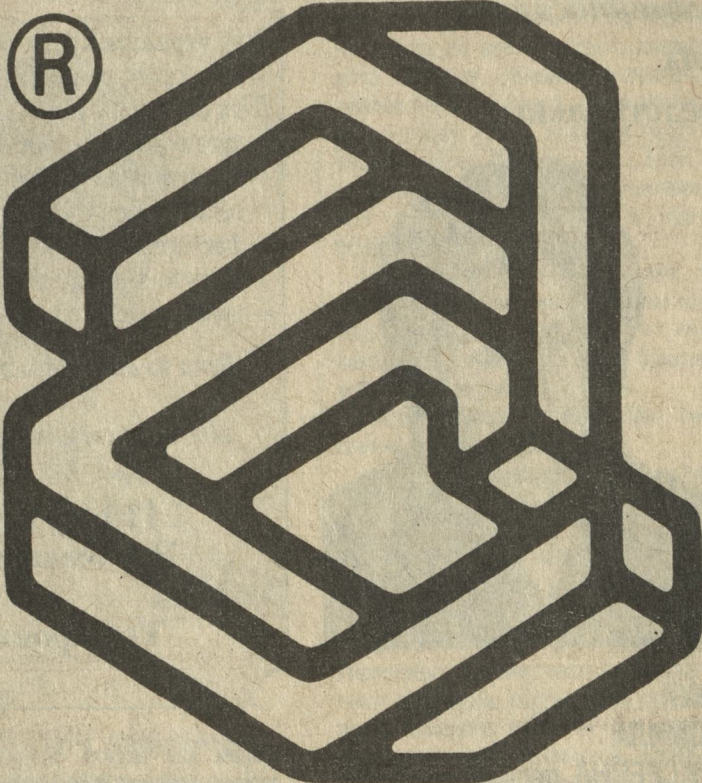
Заклучить льготный
договор страхования
от несчастного случая

смогут те,

кто подписался

на наш журнал

на полгода

АСКО

В № 32 с.г. опубликованы условия льготного страхования от несчастного случая для подписчиков «Столицы», а также перечень структур АСКО по Москве и Московской области, где Вам оформят *льготный страховой полис.*

МЫТИЩИНСКИЙ КОММЕРЧЕСКИЙ БАНК ВЫШЕ ПРИБЫЛИ — ТОЛЬКО СТАБИЛЬНОСТЬ!

**Мытищинский
коммерческий
банк
представляют:**

**МАЗУР
ЛЮДМИЛА
АЛЕКСЕЕВНА, первый
заместитель председателя
правления:**

— С первых дней работы банка мы взяли курс на создание устойчивой, конкурентоспособной и перспективной банковской структуры. Разумеется, такая программа потребовала значительных финансовых затрат, широкомасштабного освоения рынка банковских услуг, развития филиальной сети банка. Время и практика работы нашего банка подтвердили правильность выбора стратегических и тактических приоритетов. За неполные два года общая сумма баланса выросла более чем в 25 раз, капитал банка — в 14,5 раза, прибыль — в 28 раз. На 1 июля 1992 года сумма баланса превысила 2,5 миллиарда рублей. Уставный фонд банка оплачен в размере 85 миллионов рублей.

Визитная карточка

Банк учрежден крупными предприятиями и фирмами Московского региона 12 октября 1991 года.

Банк осуществляет:

- кредитно-расчетное обслуживание предприятий и организаций;
- кредитование и венчурное финансирование проектов;
- совместное участие в хозяйственной деятельности;
- факторинговые и лизинговые операции;
- участие в создании новых коммерческих структур;
- прием и размещение на выгодных условиях вкладов от населения.

Банк на основании лицензии от 11 октября 1991 года получил право на осуществление всех видов валютных операций.

Мытищинский коммерческий банк эффективно использует кредитные ресурсы и обеспечивает своим пайщикам высокие дивиденды.

**141008, г.Мытищи Московской области,
НовоМытищинский проспект, дом 30/1,
АО МКБ.**

**Телефоны: 581-75-52 факс: 583-12-72
581-73-53 581-84-60**

Цифры, как видите, убедительные. И в первую очередь они свидетельствуют о том, что мы не только выстояли в конкурентной борьбе с другими коммерческими банками, успешно преодолели «инфляционные барьеры», но и уверенно смотрим в будущее. В 1992 году банком произведена эмиссия ценных бумаг: акций на сумму 85 миллионов рублей, депозитных сертификатов с доходом 60 процентов годовых, облигаций и сберегательных сертификатов — 35 процентов годовых. Высокая рентабельность работы банка обеспечивает нашим акционерам высокие дивиденды на вложенный капитал. За 1991 год они составили 29 процентов, а за первое полугодие 1992 года — 50 процентов.

Мы твердо придерживаемся концепции, в соответствии с которой клиент может и должен получать банковские услуги независимо от формы собственности и «территориальной прописки». Банк все увереннее заявляет о себе за пре-

делами Московского региона. Начато создание филиалов. Только в этом году уже открыто пять, три в Москве, два — в Мытищах. К слову сказать, развитие филиальной сети даст возможность улучшить банковское обслуживание рядовых вкладчиков, к которым мы относимся с не меньшим уважением, чем к крупным госпредприятиям или коммерческим фирмам.

Стабильность в условиях экономического кризиса — вот кредо Мытищинского коммерческого банка сегодня. Мы готовы рассмотреть любые интересные проекты, требующие привлечения кредитных ресурсов. Мы гарантируем высокие проценты по вкладам юридических лиц и рядовых вкладчиков, а также получение высоких доходов по ценным бумагам, выпускаемым банком.

Приглашаем к сотрудничеству всех, кто захочет стать партнером или клиентом Мытищинского коммерческого банка.

**ЖИЛИН
ДМИТРИЙ
АЛЕКСАНДРОВИЧ,**
начальник отдела
международных расчетов и
внешних связей:

— Внешнеэкономическая деятельность играет важную роль в работе МКБ. Прибыль банка в валюте, например, составляет 20 процентов от того, что мы получаем в рублях. Это дает нам возможность предоставлять клиентам большой перечень услуг по операциям в валюте. Как с наличными суммами, так и безналичными.

Немногие банки в Московском регионе осуществляют валютное кредитование. Наш банк входит в их число. Активные операции ведем мы на валютной бирже, продаем и покупаем наличную валюту. Банк проводит также различные валютные гарантийные операции, выступает в роли поручителя. Любой обладатель, скажем, долларов или марок может открыть у нас личный валютный счет. Совсем недавно Мытищинский коммерческий банк получил право на установление прямых корреспондентских связей с зарубежными банками. С двумя из них мы уже работаем, что позволяет нашим клиентам и партнерам сократить сроки проведения платежей до двух-трех дней. Значит, имидж нашего банка в деловом мире станет все выше. В предпринимательских кругах знают, что Мытищинский коммерческий банк — надежный партнер. С нами успешно работают сингапурская фирма «Унипак» (реализация электронной техники), СП «Димор», холдинговая компания — торговый дом «Родити» (сеть ва-

лютных магазинов) и многие другие.

В перспективе планируется открытие новых корреспондентских счетов в солидных западных банках. Расширение перечня услуг по операциям в валюте. В этой связи хотел бы обратиться к предпринимателям, обладающим перспективными валютными проектами. Двери нашего банка всегда открыты для тех, кто готов к длительному взаимовыгодному сотрудничеству. Мы же со своей стороны готовы делать все, чтобы нашим партнерам и клиентам было удобно и интересно с нами работать.

**ИВАНОВ
ВЛАДИМИР
ВЛАДИМИРОВИЧ,** начальник
отдела вычислительной
техники и автоматизации
производства:

— Как и во всяком банке, мы сегодня ускоренно проводим автоматизацию банковских операций. Но избавление от рутины, сокращение числа служащих, занятых обработкой информации, для нас не самоцель. Мы решаем другую задачу. Компьютеризация банковских служб должна поднять весь банк на новую ступень развития, открыть, если хотите, новые возможности для творчества в сфере банковских операций. Например, когда мы приступили к компьютеризации операций по вкладам населения, естественно, хотели ускорить работу и сократить штат операторов. Но получили новые возможности: оперативно моделировать и внедрять новые виды вкладов. Первой пробой стал так называемый

«супервклад» — программа, в ходе реализации которой банк в течение июня привлек от населения (под максимально высокими процентами, само собой разумеется) около 18 миллионов рублей.

Наш банк одним из первых перешел на новый вариант работы по основному виду банковской деятельности — «Операционный день банка». Используя параллельные с Госбанком России базы данных, мы можем контролировать состояние наших лицевых счетов. Создание филиалов тоже выдвигает определенные задачи. Решая их, мы переходим на работу по схеме «общего динамического баланса». Дневные операции филиалов (не в конце дня, как в других банках, а сразу же) по модемам будут проходить через центральный блок, что открывает перспективу для своевременной корректировки тактики и стратегии банка в целом.

Что касается клиентов банка, то в ближайшее время мы начинаем осваивать новый вид сервиса — «home banking», то есть оказание банковских услуг по телефонным каналам.

Быстро управлять балансом, быстро принимать решения,

оперативно вмешиваться в ситуацию — такие требования предъявляет сегодня время к работе коммерческого банка. Мы сумели найти свое место на рынке услуг, своего клиента. Но надежная репутация — не повод почивать на лаврах. И, понимая это, специалисты Мытищинского коммерческого банка делают все, чтобы подтвердить справедливость принципа, ставшего для них своеобразным руководством в повседневной работе: «Выше прибыли — только стабильность».

**Мытищинский
коммерческий
банк**

ПРОЛЕТАРИЮ СНОВА НЕЧЕГО ТЕРЯТЬ, КРОМЕ СВОИХ ЦЕПЕЙ

Несмотря на бодрые заявления представителей Центрального банка о скором конце дефицита «налички», денег в провинции по-прежнему не хватает. А поведение людей, которым по многу месяцев не платят «кровных», становится порой непредсказуемым.

Рабочий инструментального цеха НПО «Дзержинский» (что в городе Дзержинске Нижегородской области) Анатолий Борисов рано утром явился в цех. Но к работе не приступил, а, наоборот, приковав себя цепью к станку, объявив голодовку. Предварительно Борисов побывал в городской мэрии, где оставил заявление с изложением своих требований. Рабочий настаивал на немедленной выплате зарплаты (кстати, только ему одному, а не всему коллективу) за май и июнь, с пятидесятипро-

центной компенсацией за задержку.

Начальство предложило Борисову успокоиться на майской зарплате — без компенсации. Тогда Анатолий ужесточил требования: не хотите пятьдесят процентов, тогда давайте семьдесят!

На третий день голодовки, с наступлением уик-энда, рабочему пришлось покинуть цех, дабы не возникло неприятностей с охраной. Рабочий отправился домой, где наконец-то поел.

Возобновлению «акции» рассерженного рабочего воспрепятствовал профсоюз. Профсоюзные деятели предложили Борисову оформить командировку в Москву и отправиться в Белокаменную на поклон к кому угодно, хоть к Гайдару. Наверное, профбоссы считают, что цепь на дверной ручке у премьера поможет «выбить» наличные деньги для всего «Химмаша».

Андрей СМЕРНОВ
(ИА «ПАС»)

ВЫПИТЬ ПИВА ТЕПЕРЬ МОЖНО ДАЖЕ В МЕДВЫТРЕЗВИТЕЛЕ

Среди клиентов медвытрезвителей тоже попадаются состоятельные люди. Усвоив эту истину, в Сочинском вытрезвителе повысили плату за услуги: визит в данное заведение обойдется теперь любителям выпить в пятьсот рублей.

Коллектив медвытрезвителя старается компенсировать рост цен качеством обслуживания: вводятся консультации нарколога, доставка клиента домой, лечебный массаж. В порядке эксперимента по утрам всем «большим» в качестве лекарства дают на выбор или крепкий чай, или холодное пиво.

Смогут ли обыкновенные алкаши (а ведь это основной контингент вытрезвителей) платить по полтысячи за подобный сервис? Едва ли.

Ничего другого не остается, кроме как отлавливать богатых клиентов, что, согласитесь, дело тоже довольно хлопотное.

Дмитрий ЕРМАКОВ

СКОЛЬКО СТОЯТ ДВЕ КОПЕЙКИ?

Если курс рубля по отношению к доллару с каждым днем падает все ниже и ниже, то курс двухкопеечной монеты (в простонародье «двушки») по отношению к доллару остается неизменным. И более того, в аэропорту Шереметьево-2 неизвестный гражданин иностранного государства уже обращался к окружающим с необычной просьбой: продать «двушку» за один американский доллар.

В аэропорту же города Челябинска зафиксирован иной курс — одна «двушка» идет за три рубля. Именно за эту сумму можно приобрести монетку у одинокой старушки, которая ведет бойкий обмен прямо у телефонных аппаратов.

Виктор ЗОЛУТУХИН

НЛО НАМ ПОМОЖЕТ...

В Пермской области, неподалеку от города Чусового, случилась крупная экологическая катастрофа. Лопнула нитка нефтепровода, и густой черный поток (около одиннадцати тысяч кубометров) устремился в реку Чусовая. Чусовая, одна из красивейших рек Урала, была загрязнена на сорок километров. Вода в реке горела.

По иронии судьбы, а точнее, по логике всех российских катаклизмов, система, с помощью которой диспетчер может привести в действие заглушку нефтепровода на расстоянии, отреагировала «отменно»: сигнал закрытия сработал наоборот — на открытие заглушки.

Авария была локализована иными способами. При этом не исключено вмешательство инопланетных сил. Как свидетельствует документ, подписанный главой администрации Чусового Юрием Лобановым, во время второй аварийной ночи над районом разлива нефти пролетел НЛО. Впереди — светящаяся точка, как бы рассекающая воздух. Позади — вторая точка и два мигающих крас-

ных огня. Один из очевидцев этого полета рассказывает, что объект длиной примерно в восемьдесят метров двигался вдоль реки к месту катастрофы, потом он начал менять форму, как бы «подергиваясь», у него появились крылья. Утром при осмотре с вертолета выяснилось, что нефтяное пятно, имевшее сутки назад злое черное цвет, вдруг как бы утратило концентрацию и

стало синим.

По статистике уфологических центров, явление НЛО часто сопутствует земным бедам: светящиеся объекты видели накануне землетрясения в Армении и в период ликвидации аварии на Чернобыльской АЭС. Помог ли НЛО жителям Чусового, или нефть рассосалась сама собой — можно только гадать.

Юрий БЕЛИКОВ

Рис. А.Зайца

ХОТИТЕ ПОПЛАКАТЬ? ПОЖАЛУЙСТА, НА СТЕНЕ...

Доска бесплатных откровений, созданная по волеизъявлению народа, появилась в городе Унеча Брянской области. На ней каждый желающий мог написать все, что думает о правительстве, о проводимых Гайдаром экономических реформах и вообще о том, куда мы катимся и с какой скоростью. Писали такое, что становилось страшно за наших правителей. Просуществовала доска бесплатных откровений, уже прозванная в народе «Стеной плача», очень недолго. Однажды ночью она бесследно исчезла. Поговаривают, ее увезли в Москву — показать президенту.

Андрей ВОРОБЬЕВ
«Брянский комсомолец»

«РАБЫНЯ» НА ЭТОТ РАЗ МАРИАННА

Умиление героями сериала «Богатые тоже плачут» не знает предела. Их именами нарекают не только новорожденных, но и всякую живность. Так, под городом Порховом Псковской области на подворье одной из сельских жительниц собралось все знаменитое семейство «богатых»: в хлеву мычит корова Марианна, а забияка-пес Альберто гоняет по двору шкодливую кошку Эстерситу.

Анатолий ТИХАНОВ

НО ЗАЧЕМ ЖЕ СТУЛЬЯ ЛОМАТЬ?

Чувство обиды на коммунистическую партию, видимо, будет еще долго жить в сердцах бывших советских граждан. В Черниговском пригороде подвергся организованному нападению четырех рабочих охотничий домик, в котором раньше отдыхала украинская партийная номенклатура. Погром ни в чем не повинного сооружения, совершенный с помощью топоров, окончился полным

уничтожением дорогостоящей мебели и дверей, а также тремя годами лишения свободы для каждого из приверженцев «классовой борьбы».

ИА «НЕСТОР»

ЖИРИНОВСКИЙ НАС ВСЕХ В ГРОБУ ВИДАЛ

Если верить газете «Либерал» (которая, как известно, является органом партии Владимира Вольфовича Жириновского), опубликовавшей в 3—4 сдвоенном номере адреса и телефоны всех своих филиалов, то псковский телефон 386-82 принадлежит филиалу Либерально-демократической партии России. В действительности же по этому номеру отвечает... похоронное бюро города Пскова. Почему в газете был дан телефон именно похоронного бюро, а не какого-либо другого учреждения, остается только гадать. Независимые эксперты утверждают, что это тонкий намек Владимира Вольфовича на то, что он в гробу нас всех видал.

Интересно было бы проверить, все ли опубликованные в «Либерале» телефонные

номера имеют столь же печальное происхождение или все-таки есть что-то повеселее?

Анатолий ТИХАНОВ

КОНТРАБАНДА ПРИНИМАЕТ ЗВЕРСКИЕ ФОРМЫ

Контрабанда, как известно, не знает ни меры, ни границ. Золотой бум на белорусско-польской границе сменился телевизионным и водочным. Однако сейчас, похоже, пришли новые времена. Гражданин Беларуси Н. был задержан на таможне при попытке вывоза в Польшу козы. Чтобы находящаяся в багаже коза не подавала голоса, предприимчивый хозяин предварительно напоил ее водкой. Зачем вез животное за «бугор» — не говорит.

Владимир ПАНАДА

НЕ СОТВОРИ СЕБЕ КУМИРА...

Заключенные, как давно известно, проявляют порой заведомую смекалку и фантазию,

особенно в вопросах побега. Несмотря на господство традиционных методов в «нарезании винта», некоторые пытаются подражать своим кумирам, предпочитая нестандартные способы.

Например, в одной из колоний Забайкалья заключенный перебрался на волю через высокое здание администрации «зоны» (стояло у самого забора) — взобрался, как Кинг-Конг, на небоскреб.

Не понадеявшийся на такое везение другой забайкальский зэк рыл подкоп, решив, видимо, испытать на практике способ графа Монте-Кристо. Надо сказать, что, когда «землекоп» попался, коридор «во глубине сибирских руд» был уже порядочный — девять метров. До воли оставалось еще восемнадцать.

А в Хабаровске некий квартирный вор, очевидно, насмотревшись голливудских боевиков, решил, спасаясь от преследователей, перебраться на крышу соседнего дома по проводам. Но Сталлоне из него не получился: на середине пути вор «выдохся» и провисел на проводах, выкрикивая нецензурные выражения, до прибытия милиции.

Сергей ТЕПЛЯКОВ

ОЧЕНЬ ЛИЧНОЕ МНЕНИЕ

Александр КАСАТОВ

СКАЗКА ПРО БЕЛОГО БЫЧКА ДЛЯ ДЕТЕЙ И ИХ РОДИТЕЛЕЙ

Что будет, если в наши дни крошка-сын действительно придет к измученному демократией отцу и действительно спросит кроха: «Что такое «хорошо» и что такое «плохо»?» Что тот ответит?

В 60—70-е годы все, за редким исключением, черпали познания из «Правд», из «Голубых огоньков». Героями там были шахтеркомбайнерыврачиполярникипрофессорамузыканты. На их примерах и объяснялось, что такое «хорошо» и что такое «плохо». Делалось это довольно доходчиво и, знаете, во многом правильно.

А теперь? Вот кроха спросит: «Кем быть?» Как объяснить? Ведь мудрость жизни мы черпаем оттуда же, только теперь это называется «Ъ» и «Вид» (названия-то стали какие-то... рыбы, что ли, ультразвуковые). А там теперь кто главные действующие лица?

Так что, быть крохе, что ли, банкиром-коммерсантом? Так ведь рано или поздно придется давать на лапу, а это нехорошо. Рано давать нехорошо, поздно — еще хуже, может оказаться, что уже и не нужно. Плохо это, как ни крути.

Депутатом-политиком? Так ведь самому брать придется. Рано брать нехорошо — можно рано скурвиться. Поздно, когда ты уже ничего не решаешь, — уже никто и

не даст. Это тоже плохо.

Писателем-ученым? Еще хуже. И своих денег не будет, и никто особенно не даст. Тоже это нехорошо как-то: без денег. Плохо. А если из писателей-ученых переметнуться или в банкиры-коммерсанты или в депутаты-политики (а примеров искать долго не придется), то будет такой же результат, как и с теми.

Пойти разве во врача-учителя? Бастовать каждый квартал?

Пусть уйдет в себя? Угнетает плоть, укрепляет дух? Так ведь в РПЦ—КГБ, в истинной, катакомбной — толков пять, не меньше, какой самый правильный? А тут еще импортные христиане, какие-то корейцы-протестанты...

Так кем быть? Что такое хорошо и что такое плохо? Капкан какой-то. Вот военным в любой точке нашего СНГ быть плохо, это уж точно.

Печально, но пока что хорошо, пожалуй, как и раньше: дипломату за границей, лучше всего, конечно, в очень дальнем зарубежье. И пока так будет, столько можно говорить: ничего у нас не изменилось. Все плохо.

Мне еще хорошо, у меня дочь. Главное, удачно ее выдать замуж. Хотя опять же за кого? На колу мочало, начинай сначала.

Денис ГОРЕЛОВ

НЕТ, СУХОВ, ПУЛЕМЕТА Я ТЕБЕ НЕ ДАМ

Культура южных штатов
на российском черноземе

Богатые суки! Мы убиваем богатых сук!
(рокеры, фильм «Жажда смерти»)

Пол Керси не таков, чтобы позволить разбить
свою жизнь вдребезги. Он начнет собирать осколки.
(оттуда же)

Сделай себе одолжение — отвали.
(ответ рокерам, «Обрученные страхом»)

Преступление казалось многим кратчайшим путем к тому,
чтобы раздобыть денег на выпивку и кайф.
Но были честные мечтатели, готовые не пускать
лису в курятник. Они стали теми корнями, из которых выросла
нация.
(экскурсовод, «Жажда смерти»)

В «Московском комсомольце» трехмесячной давности друг мой Артем Рондарев интересовался: почему тинэйджерство (в истинном смысле — люди от 13 до 19 лет) променяло протест против буржуазной культуры, обыденности и достатка — на жвачку и бейсболку; почему антикрасная рок-революция не стала «нон-стоп», поменяв знак?

Ответ в самом вопросе: предмет протеста — класс горожан-собственников — у нас только складывается вместе с подобающим консервативным мировоззрением. Довольством «сам собой, своим обедом и женой». Работой, домом, флагом, семьей, одеждой, мебелью и собакой. «Я и мой пес слушаем «М-радио!» — согласитесь, это реклама для людей с годовым доходом, а не с серьгой в ухе.

Это мировоззрение только начинает не бояться само себя, насмешек и подрастающего поколения.

Я из таких. Мне надоело вникать в проблемы ублюдков только потому, что им нет двадцати пяти. Мне есть. И когда домосед Бронсон в «Жажде

смерти» выходит на полночный моцион всадить пулю в лоб очередному нонконформисту с ножом, которому нелегко быть молодым, я полностью на его стороне.

Люблю, знаете ли, фильм с дурацким названием «Рожденные неприкаянными». Ездит там свора на мотоциклах, девочек насилует. Весь город думает об их обездоленном детстве, о классовой борьбе, побудительных мотивах и о том, сколько у нас, американцев, свободы на душу населения. И рано запирает двери на ночь. И вдруг в это царство согласия приходит дембель из Вьетнама с винчестером, три раза говорит «убирайтесь», а потом вышибает мозги старшему. Переводит ствол на следующего и предупреждает: «Теперь ты главный. Раз». И весь каз.

Таких в старину шерифами ставили. Или директорами школ.

Такие люди живут в ладу с родителями, видясь с ними только в праздник за индейкой. У них пара любимых рестораничков рядом с домом, хозяйева которых — закадычные дружки. Для них Рэмбо — недоумок,

которого можно уважать разве что за медаль, но при этом мог бы и мыться почаще. А еще они терпеть не могут: красных, цветных, волосатых, алкашей, феминисток, бездельников и иногородних. Истинные правые. Против таких протестуют американские хипы. Оно и понятно: когда эта культура дистиллируется, она обычно обростает канарейками, кошечками на календарях, влюбленностью в президента, ежевечерними латинскими сериалами, ку-клукс-кланом по ночам и именными маузерами на стенах. Одним словом, эту культуру можно обозначить как офицерскую, где бы носители ни трудились: достаток, порядок, уют, семейность, народность, недалекость, шкала ценностей и система координат. Если живопись — то реалистической школы, больших размеров и в фигурной раме. Если голосовать — то с утра и за Руцкого. Ранние подъемы, лыжные прогулки и т.д.

Нам это пока не грозит: переходный период мутантами славен. Сегодня у нас вполне хватает дельных человек, работников-обывателей, которые чтят Сергея Довлатова и Михаила Лермонтова больше, чем генерала Ли, президента Ельцина, художника Глазунова, Хуана Педро Санчо Лопеса, даже с его несравненной подругой Соледад Исабель Пендосо.

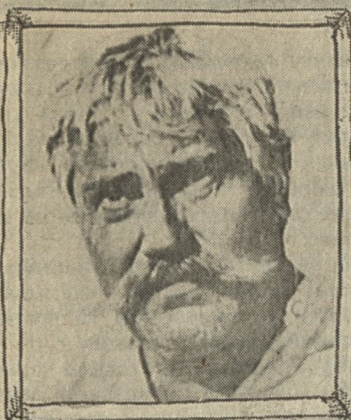
Они и есть соль. Мещане, корневые ребята.

Так уж повелось, что наиболее корневыми всю жизнь оказываются пионеры-переселенцы, начинавшие все с нуля — с первого столбика, вбитого в прерию. Не зря Бронсон, потеряв семью, едет приобщаться к истокам в Техас, на Большую Американскую Родину. А там ему и говорят: «У вас нельзя с оружием — у нас можно. Зато у вас вечером на улицу не выйди — обязательно пристанет кто-то с цепью и дурными мозгами. А у нас эти мозги давно бы уже на деревьях висели». Тихая, спокойная, уверенная жизнь.

Так же и советские офицеры, которых швыряет из песков в снега, и везде они обоснуются, освоются, козочек и детей пустят. Так же и любой наш человек сегодня — начинающий с ничего свой дом и свое дело. Для него домашний консерватизм — иммунитет, защита от лавин будоражащей новизны — информации, цен, войн, законов, лиц. «Что новенького?» — спрашивает ЛенТВ. «Все новенького», — хмуро ворчит оседлый и идет гулять с собакой.

И смотрит на эту улицу, как на зоопарк. Сплошные новаторы и нигилисты. Гордый вызов нового поколения матрешечников, знающего по-русски слова «мальборо» и «клево».

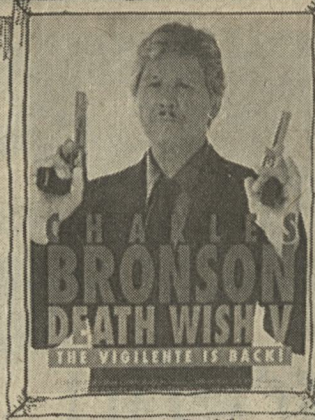
ДОСКА ПОЧЕТА

П.А. ВЕРЕЩАГИН,
заслуженный
таможенник

АРНОЛЬД ШВАРИТСКИЙ
министр
физкультуры

ПОЛ КЕРСИ,
ст. инженер

Они на дух не переносят красных, цветных, волосатых, акашей, феминисток и дездельников. Они истинные правые.

Фотоколлаж А. Зайца

В «Окнах ТАСС» фотоочерк: «Молодежь — проблемы, поиски, решения». Ну, вот у этих с коляской, понятно — проблемы. Удачи, братки. Пусть вам всем троим улыбнется. А какие могут быть проблемы у оболтуса в высоких кроссовках, торгующего шинелями на Арбате? Он денюгу делает, какие проблемы? Ну, попозировать нашим и западным козлам с фотокамерами. Насвистеть про свой антикоммунизм и большую семью, которая на него, кормильца, не нарадуется. Это наша надежда — молодые предприниматели. Только деньги их — левые, пустые, как и все левое. Думаешь иногда: пройти бы по Арбату андроповской облавой да всех, кто в берете, шинели, бескозырке загрести в войска: любишь кататься — люби сапожки.

А вот антипод его. Прочитал за всю жизнь три книжки — «Мастера с Маргаритой», «Степного волка» да «Игру в бисер» — и теперь спокойно может всех презирать. Мы, волосатые, сталкеры-первопроходцы, с Богом разговариваем, самосовершенствуемся. Панки-роки и сценический псевдоним «Свинья». Помните, как Данди-крокодил пришел в бар к бунтующей молодежи? Ему: «А МЕНЯ — ЗОВУТ — ГОВНО-ОО!» — «Привет, Говно».

А вот ребята на молниях — такие все развинченные, такие сексуальные, с черными красивыми глазами и большим количеством волос. Они на тебя просто смотрят: «Ты один в вагоне, выходи на станции, подонок, а то кранты...» Что, испугались? Это опять из «Жажды смерти». Наши кожаные-цепные пока в зачаточном состоянии, но времени не теряют, ждите.

А вот салатно-розовые на колесиках: «Хай, тины, все сюда! Мы приш-

ли в этот мир, чтобы сделать его проще и доступнее! Надо же научить воющее взрослое поколение, как правильно жить!» В тинэйджере главное — пафос. Иначе, если мир забыл на минуту, что он лицезреет Тинэйджера, все эти рабы могут сразу на х... идти — они никогда не жили свободными. Главное, с роликов не слезать. В этом наша большая сила.

А вот гардемаринки, ленивая девчья кодла в штанах, — большое дитя города, в котором на десять девочек по статистике девять ребят, — это вот сборная десятых. Крашенные, жалкие и очень кусачие, с лесбийским комплексом атаки (привет амазонкам). И каждая в свои шестнадцать считает, что прожила жизнь, — только потому, что ей целку поломали — иначе не назовешь — и что влюбилась в Цоя, которого теперь можно звать Витей и костерить авторов любых газетных упоминаний о нем, рвущих ревнивое сердце: «Не трогайте Витю, ему и так досталось!» (Я кумиров-то не зря объединяю: по опросу «Совзкрана» 89-го года, лучшие актеры — Харатьян, Жигунов, Шевельков и Цой. Компания — убиться можно. «Пусть тебе пошлет аллах парня в джинсовых штанах».)

А вот еще сокровище — zenки нальет, фуру набекрень: «Я два года фланги топтал, расступись, рвань». Замри перед погранцами. Я в свой праздник могу себе позволить. В день десанта на кого ни глянь — все до одного из Афгана. Все там, в песках, жизнь клали за тебя, подлеца. Хотя, по самым скромным подсчетам — хорошо если каждый десятый. А засветят милицейской дубиной — ревут ревмя, вырываются и объясня-

ют надрывно, что «праздника хотелось». А напишешь как есть — от целых пограничных округов протесты приходят: «Мы думали, ты пацан, а ты ни хрена не пацан...»

Я ни хрена не пацан. Я в 19 лет был командиром боевой машины, в 22 имел собственную полосу в газете с полуторамиллионным тиражом, в 24 — читал репортажи по радио «Свобода». Меня никто не спрашивал: а что это вы лежите в углу в вонючих джинсах и с закатившимися глазами? Может, вас взрослые напрягают? Может, у вас суицидальные настроения, не позвонить ли в Склиф? А на венах вот у вас порезы — это от житейской неприкаянности или от Советской Армии? А вот вы напились — может, вас домой отнести? — только бляхой не машите сильно.

У них проблемы. У них неуспокоенность. Они в речку камнем или в окошко птиц — это запросто. Но на вопрос «ты кто?» долго ковыряют в носу и наконец с традиционным вызовом отвечают: «Человек. Мало?» Мало, братан. Чтобы так гордо звучать, надо сначала что-то уметь делать руками или головой. А до основного принципа западной жизни — «делать все быстро, не задевая других» — еще расти и расти. И Бронсону для воплощения этого правила еще убивать и убивать.

В общем, Сухов, хочешь на старости лет по пустыням шлаться, рэп плясать и о Боге раздумывать — валяй. А пулемета я тебе не дам, и телеканала не дам, и пятачка в ладошку.

Любишь свободу — все четыре стороны твои.

Татьяна БЕК

«ЭТО ТЫ, ЭТО ОН, ЭТО Я»

Вслед за Есениным — «я люблю этот город вязевый». Но что случилось с моей ненаглядной Москвой! Годами немые троллейбусы; повсюду — завалы мусора; на каждом углу стихийные толкучки не для бедных и не для слабонервных. И еще — отчетливо меняющийся обиходный словарь, в котором прежде маловероятное «бартер», «приватизация», «аренда» стали не менее расхожими, чем недавно — «слет», «патруль», «контроль». Интересно, что активисты первого и второго помета — как правило, одни и те же люди. Комсомольские и партийные боссы стали лидерами предпринимательства. Вот это и настораживает отчасти, ибо — как говаривал вожь — кадры решают все. А кадры, стало быть, остаются те же. В частности, в родимом Союзе писателей бывшие ретивые соцреалисты и пролетарские интернационалисты срочно пытаются распродать помещения — распродают под кооперативные магазинчики и иные материально более перспективные конторы.

Скоро журналов у нас, похоже, не будет, поскольку они начальству невыгодны, но пока мы их еще читаем. И, едуци в сильно обвешаном московском метрополитене, я с радостью вижу в руках у пассажиров — через одного — опять же сильно поблекшие, но несдающиеся обложки: «Знамени» и «Октября», «Дружбы народов» и «Нового мира».

Представьте, — как ни странно — и стихи еще пишутся, и их читают, и они по-своему выражают время.

*Недотепа, затурканный шкет,
От рождения виновный и грешный,
Персонаж картотек и анкет,
Производное тли кагэбэшной,
Обреченный метаться влостью,
Обходиться изглоданной коркой,
Уловлять шелестенье бумаг,
Быть поскребышем, карлой, шестеркой,
Безответным объектом вора,
Сиротой посреди мирозданья
Это ты, это он, это я,
Это мы накануне восстанья.*

Такие вот стихи прекрасного и незаслуженно оттесненного в тень поэта Леонида Григорьяна. «Это он, это ты, это я», — бормочу и повторяю, выходя из метро «Сокол» на площадь с пожарной каланчой и церковью, где последнее время расположилось множество профессиональных нищих с плакатиками и без оных, каждый со своим закрепленным местом и четкой субординацией.

«Мы разучились нищим подавать...», — писал советский стихотворец в 20-е годы. Теперь — научились — снова. Подаем охотно, деловито, безо всякой сентиментальности. Тоже одна из примет наступившего настоящего.

Все это — мой родной город, а за углом и мой родной квартал, где я родилась и выросла в серой кирпичной пятиэтажке, на совесть построенной пленными немцами. Рядом стояли черные бараки, где мы играли в войну и в казаки-разбойники, а также в сумерках учили друг друга ужасным словам и жестам. Во двор часто забредали горбатые и мучительно таинственные старьевщики, а еще — продавцы самодельных игрушек. Бумажных вееров, обезьян или набитых опилками шариков на резинке, хлопушек, визгливых «уди-уди», грохочущих трещоток, «тещиных языков» и прочих нищих драгоценностей, которые можно было купить за старый рубль или обменять на пустую бутылку. Сердце мое уходило в пятки, когда я слышала со дна двора их призывные крики и стремглав, как на крыльях, летела вниз с высокого четвертого этажа.

А если кто-нибудь выходил из парадного с яблоком или с грушей, то

мальчик из подвала по кличке Пузень неизменно и торжественно кричал: «Оставить огрызок». Огрызок оставляли. Часто дрались из-за марок и этикеток. Носили байковые варежки на веревке, которую перекидывали через шею, чтобы рукавицы не потерялись.

На переходе всегда продавалось лучшее в мире кисленькое ядовитокрасное мороженое по 70 копеек в вощеном бумажном стакане.

Через дорогу протекала славная речка Таракановка, которой давным-давно нету на белом свете: загадили и загнули в подземную трубу.

Сердце переполнялось ужасом и сиротским предчувствием грядущих бед, когда возле «Бакалей» я видела безногих инвалидов на шарикоподшипниковых тележках. Они, особые люди с сильными испитыми лицами, мощно отталкивались от мостовой тяжелыми, похожими на гири, деревяшками; пили; матерились; вспоминали фронт... Ближний парк назывался именем Чапаева, тогда еще не ставшего главным героем фольклора, и под жуткими гипсовыми фигурами и дивными деревьями мы зарывали незабвенные «секреты», «секретики». Берешь фант, сверху кладешь стеклышко, посыпашь это дело землей, а потом тихо от земли очищаешь — и тебе открывается твой же собственный клад!

Теперь эта улица моего детства с нежным названием Песчаная носит имя вождя немецкого пролетариата Вальтера Ульбрихта (наверное, как своеобразный привет пленным немцам, улицу построившим?). Нет — повторяю — ни речки, ни старьевщиков, ни копеечных игрушек. Как писал Арсений Тарковский: «Все меньше тех вещей, среди которых//Я в детстве жил, на свете остается». Где вы, малюсенькие телевизоры КВН с огромными подслеповатыми линзами? Где вы, трюпичные морковно-оранжевые абажуры? (Мы с родителями жили так скудно и нелепо, что один из таких абажуров пошел мне на праздничную новогоднюю юбку — она получилась яркая, нарядная, с бахромой! Был это 54-й год.) Где вы, фестивальные значки в виде цветка с разноцветными лепестками, коньки-гаги и коньки-снегурочки, и флаконы из-под невыносимо душистой «Красной Москвы», и огромные, как шкаф, фанерные чемоданы?

Это точно: я старею — и отсюда столь острая ностальгия по убогим декорациям городского детства.

В пору фальшивой послесталинской оттепели я была совсем девочкой, и сладкий ветер ее обмана навеки взбудоражил мою немудрую душу... Помню, как возвращались из лагерей,

хромая и напряженно улыбаясь, совсем еще не старые, но как бы уже древние старики и старухи с отбитыми почками, с полунезрячими глазами, с глубокими морщинами. И когда я теперь читаю в «Независимой газете» откровения бравого авангардистского мальчика-с-пальчика, который пишет, что «ровесники Октября», к счастью (! — Т.Б.), большей частью погибли на войне и в ГУЛАГе», — мне этого лихого юношу по имени Дмитрий Галковский не более чем жалко, ввиду его полной богооставленности. Уж он-то отравлен тоталитаризмом похлеще всех ленинцев и сталинцев, вместе взятых. И очередная конъюнктурная свержидея заслоняет от него страшную живую жизнь в ее объеме: с измученными лицами, с опухшими пальцами, с осипшими голосами...

Вот одно из таких лиц: незабвенный Камил Икрамов, попавший в лагерь из ремесленного училища, шестнадцати лет отроду, как сын врагов народа, сменивший затем тринадцать лагерей, тюрем, пересылок, перенесший дистрофию с фурункулезом последней степени и в 55-м году счастливым бездомником и отщепенцем вернувшийся в Москву. Вернулся навеки полуслепым, ненормально добрым, всеобщим наставником и опекуном. «Я знал, что умру, — говорил Камил, вспоминая лагерную жизнь, — это было странное ощущение. Не страх, не сожаление. Просто спокойно ждал — когда». Мы — его близкие и друзья — знали, что и потом, в моменты полного, казалось бы, благополучия и покоя, Камил был болен этим удивительным предощущением: вот, мол, пока жив, но лишь неведомо — когда... «Ничего не могу с собой сделать, — говорил он, — после освобождения живу, как на премию». Он после лагеря радовался каждой краюшке, улыбке и табуретке — сохраняя при этом гордость, юмор, достоинство, — но всегда пронзительно ощущал эфемерность покоя и уюта.

Он просил: «Когда я умру, пусть у меня на могиле будет надпись: «Он был самым счастливым человеком». Ощущение счастья у Камилы заключалось в отсутствии конвоя.

Писатель Камил Икрамов успел завершить прекрасную книгу «Дело моего отца» — она вышла в свет за месяц до камиловой смерти. Его жена Оля рассказывает, что об обстоятельствах смерти матери Камилы — блестящей ученой-аграрницы Евгении Львовны Зелькиной — они, родные, узнали, лишь когда Камилы не стало: человек, хранивший страшную версию, рассказать ее сыну не мог — язык не поворачивался. Ее — жену Акмали Икрамова и маму мальчика

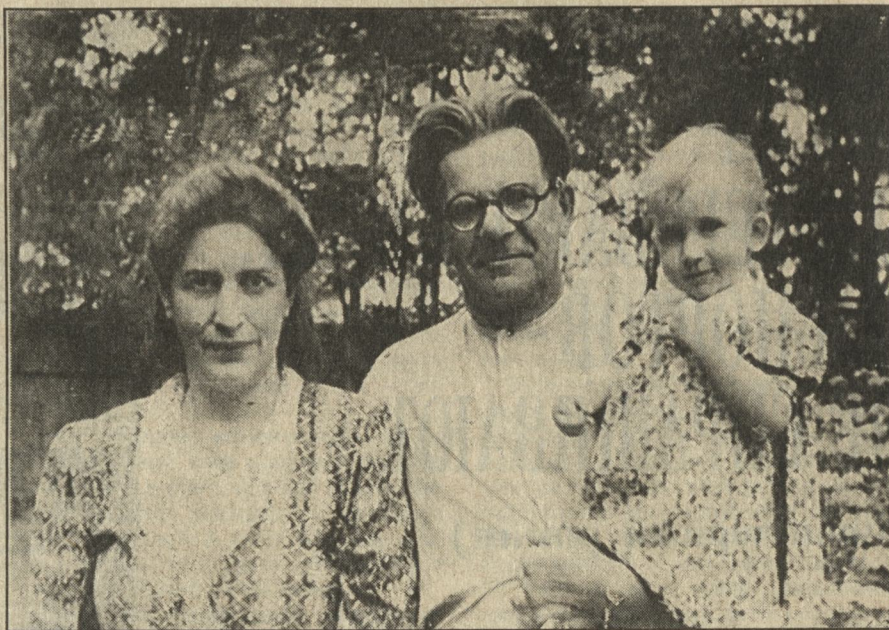

Фото из семейного альбома. Татьяна Бек с родителями. 1952 год

Камила — в одном из ГУЛАГов Сибири посадили в бочку с водой и заморозили... Вот оно, какое это самое «к счастью», которому так радуется независимая крошка Цахес Галковский. Увы, постсоветские метастазы еще долго будут поражать наследников своей глухотой. Но ведь не только глухота и злоба окружают нас в этой жизни — есть и такие лица, как у Камилы Икрамова, выплавившего из мытарств и трагедий безграничную доброту и отзывчивость. Никогда не забуду его крупную, неуклюжую, свободную фигуру: он, как обычно — с чужой рукописью в папке, идет все по той же улице к моему отцу. Этакий узбекский Пьер Безухов.

Знаете, все мы жили в лагере — тюремном ли, военном ли, пионерском, — где по законам лагеря были и ээки, и топтуны, и надсмотрщики, и беглецы, и бунтари, и просто светлые люди. Нынче ворота распахнулись, но камеры, коридоры, проволока остались, и воздух прежний, и память, и прошлое, и хлам повсюду, и мы сами. Мы не змеи, чтобы легко и безнаказанно сбрасывать кожу — дескать, нашего прошлого как не бывало. Не отрекаясь от страшного и постылого и все равно живого опыта, в который мы вписаны всеми генами, и темным детством, и зрелым унижением, — так, лишь не отрекаясь, можно пытаться жить по-новому. Я в этом уверена.

И еще я хочу, чтобы у сегодняшних здешних детей тоже были свои неотравленные речки, и деревья, и фантики, и секреты.

Вот по тому же Чапаевскому переулку прошел маленький мальчик лет восьми, похожий на еловую шишку — крепкий, корявый, веселый, — с редкими зубами и драными коленками. Он, слегка шепелявя, объяснял дружку, что скоро они с папкой поедут в Пермь: там дешевые сигареты — а потом в Одессу: перепродавать их втридорога. «Теперь надо бизнесом заниматься», — говорил он очень серьезно, подталкивая носком, как шайбу, банку из-под гуманитарной тушенки. «А мы козу завели на балконе. Молоко», — отвечал ему второй бизнесмен, похожий, напротив, на стручок акации, — долговязый и длинноногий.

Но вдруг — резко прервав деловой диалог — оба опрометью кинулись на красный свет: догонять малолетнюю девочку с желудево-рыжей дворнягой...

Завершая эти заметки, я вспомнила строфы Блока с его мистической надеждой и с его, вопреки всему, приятием страшной яви:

*Принимаю пустынные веси
И колодцы земных городов!
Осветленный простор поднебесий
И томления рабских трудов!*

*...И смотрю, и вражду измеряю,
Ненавидя, кланя и любя:
За мученья, за гибель — я знаю —
Все равно: принимаю тебя!*

Елена САЛИНА

КОГДА ОТСТЕГИВАЮТ БАКСЫ, ПАСПОРТОВ НЕ СПРАШИВАЮТ

(авантюрный роман)

Светка обожает поспать до одиннадцати, любит ликер «Адвокат» и богатых чеченцев. В общем, пока ей везет на хороших людей, но и вмешательство темных сил не исключено. Те же коллеги — народ молодой, наглый, за словом или чем другим в карман не полезут. А уж клиенты и вовсе разные. Лучше работать в паре с надежным мужиком. Хотя где их сейчас взять, надежных-то?

Когда перевалило за тридцать и второй муж, вслед за первым, оказался выброшенным за борт семейного корабля, она отчетливо осознала, что комната в коммуналке, развеселая соседка и 400 рэ из постылой НИИшки — единственные осязаемые ценности, которыми она будет обладать до костлявой старости, если не оседлает судьбу. «Что я умею? — спросила себя Светочка (а для кого и Светлана Ивановна) и грустно констатировала: — Ничего. Разве что массаж?»

Руки всегда были крепкими, и навыки кое-какие имелись, а тут настало время, когда на курсы стали брать всех желающих, без меда и иных сложностей. Два месяца — и бумажка в кармане. Оставалось только найти клиентуру.

Объявление в газете сработало мгновенно. Всю первую неделю телефон дымился, а соседка ругалась очень плохими словами. Но Светочка терпела. «Как я хорошо заработаю!» — мечтала, исписывая листочки блокнота телефонами и назначая сеансы. Слегка насторожило лишь то, что звонили почему-то в основном мужчины. Только три женских звонка. Одна предложила работать вместе — Светочка не поняла, как это. Вторая хотела проконсультироваться по поводу своего ожирения. А третья

спрашивала: стоит ли ей самой пойти на массажные курсы, на какие именно и вообще, прибыльное ли это дело? «О, да, конечно, — вздохнула Светка. — Столько клиентов! И такие чудные все!»

Спустя год она отвечала уже по-другому. Если вы готовы днем и ночью обслуживать больных, идиотов, интеллигентов, извращенцев и просто сексуально озабоченных мужчин, тогда да. Вперед! И научитесь непременно урологическому и эротическому массажу. И держите под рукой что-нибудь тяжелое.

...Первый клиент пришел с букетом. Долго расспрашивал, как добраться. Она так волновалась — заблудится, — даже встречать на улицу выскочила, в белом халатике, запыхавшаяся, счастливая.

Клиент по-хозяйски осмотрелся и, вывалив на стол бутылку, сказал: «Давай выпьем». «Да нет, ну что вы, а как же массаж», — запричитала потрясенная Светочка, а он на своем стоит: выпьем, мол, и все.

Уговорила. Только спину смогла сделать, он как вскочит: выпьем давай, и баста, не бойсь, дескать, я все равно много заплачу. И четвертой сует в салатницу.

Делать нечего. Выпили по первой — мужик сразу скис, закручинился. «Горе у меня, понимаешь, в жизни, —

говорит, — с женщинами у меня, понимаешь, не того...»

Ну, Светка вошла в роль, куда там сексопатологу, советы разные умные стала давать. А мужик совсем утонул в своей тоске, все, болезнью, ничем.

Поздно уже, подружка прикатила в качестве «скорой помощи», а он все сидит. Поднял голову, повел мутным глазом и заявил вдруг: «Я устал и спать хочу». Светочка вздохнула и пошла за раскладушкой. Спасибо подружке — вцепилась в раскладушку и завопила: «Да ты что? С ума сошла? Он же у тебя тут совсем поселится! А ну давай, дядя, проваливай, все расходятся по домам!»

Так и волокли его по лестнице вдвоем. А он, пьяный-пьяный, а четвертой из салатницы прихватил...

Потом всякого хватало. Кому женщина срочно нужна — жена в отпуске, кому просто пообщаться, пусть по телефону, кого из дома выгнали. Светочка всем терпеливо объясняла, что не по адресу, что подобных услуг не оказывает, а они звонили и звонили.

Однажды приходит Светка, а клиента соседка на кухне принимает. Тот — ростом с сидячую собаку, кудри до плеч — писателем оказался. Сгонял за бутылкой, раскрыл портфель, битком набитый отвергнутыми творенья-

5454-200. 2 тона пропал большой белый пушистый, самец. Помогите найти за вознаграждение. Тел. 157-47-30.

КУПЛЮ
0004-2625. Диктофон. Тел. 93-40.

1151-105. Выдаю...
«ВМ-12», автор...
портную мебель.
7582-57.
Делю.

ПРЕДЛАЖУ
0800-28. Обмен парней. Тел. 2407-13-34.

ПРОДАЮ
0930-2625. Диктофон. Тел. 93-40.
6690-13125. Многофункциональный суперопределитель номера новейшей модели (с гарантией). Тел. 372-94-70.
9-50. Холеридж, стиральная машина. Тел. 353-32-25. Дом. Тел. 138-90-41.
9-100. Щенков Виктор. Тел. 146-34.
2-150. Щенков Елена — менеджер, клиент-персонал всех отделов. Тел. 490-10-44, 233-90-62.

ВЕСЕЛИ
349.
1-100. Тел. 154-8.

РАЗНОЕ
1-60. Продаю или меняю...
162-69-66.
6236-50. Квартиры. Тел. 338-50-98.
6234-50. Квартиры. Тел. 421-07-25.
6263-100. Квартиры. Тел. 382-42-58, 487-48-07.

ПРИГЛАШАЮ
9339-80. Помощники по дому и...
963-47-11.
6236-50. Квартиры. Тел. 338-50-98.
6234-50. Квартиры. Тел. 421-07-25.
6263-100. Квартиры. Тел. 382-42-58, 487-48-07.

ХОТИТЕ ОТКРЫТЬ СВОЕ ДЕЛО?
СНИМУ
Квартиры. Тел. 924-...
41-30. Квартиры с телефонами с...
Тел. 307-...

ми, и стал поэмы свои, одну за другой, читать. «Тоже человек», — подумала Светка и мешать не стала. Так у соседки и прижился. Дня на три.

Какой-то чукча прямо с вокзала с чемоданом притащился — ночевать негде, прочел телефон в газете. А о чем речь — моя твоя не понимает.

Кавказ попер. Асланы, Махмуды, Магометы. Всз хатат пэрсональный массажистк.

Попадались, конечно, и нормальные. Разные: смешные, чопорные, бесцеремонные, благодарные, благоухающие дорогими одеколонами и очень грязные, скупые и щедрые, молодые и старые. И цены выросли. Раньше за сорок рублей Светочка полтора часа вкалывала, да еще по вызовам ездила. Потом ствольник стала брать. Но вперед никогда не прошила, а некоторые и отдавать забывали.

Научилась голоса по телефону различать. Тут своя психология, чтобы впустую время не тратить.

— Массаж делаешь?

— Делаю.

— А берешь дорого?

— Дорого.

— А переспать с тобой можно?

— Запросто. Триста долларов и импортный презерватив.

Как ветром сдувало. Но фразу последнюю она долго репетировала, прежде чем произнести впервые решилась.

Подружки пугали: трахнут по голове и комнату обчистят, ты хоть на улице встречай, смотри, кого в дом ведешь. А что, их видно, что ли?

На улице не встречала, однако собственную систему безопасности придумала. Открывает дверь, а сама в телефонную трубку, будто мужчине: «Да, пришел. Нет, охранять не надо, нормальный парень. Если что, связь та же...»

Может, действовало. А может, просто не за тем шли. Но часики золотые, с бриллиантом, фамильная драгоценность, уплыли как-то незаметно из дома. И пара колечек. А пожаловаться... Кому пожалуешься? Два-три романчика посерьезнее, как будто завязались, да все не то. Сами понимаете, что это не просто.

А один клиент пожалел Светку-трудягу и предложил вместе работать. «Возьму, — говорит, — тебя в свою команду. Будем вместе квартиры сдавать. Побольше заработаешь». И стала Светочка маклершей. И начался новый этап в ее биографии.

Поначалу делали так. Светка обклеивала нужные командиру станции метро своими телефонами («сниму квартиру»), а потенциальных квартиродержателей направляла к шефу, он и сдавал. Посреднические — среднемесячную

квартирплату — делили пополам. Только с командиром многие делились, много мавров на него работало, а Светке мало доставалось. Приличная квартира тогда за три тысячи в месяц уходила. Значит, полторы вынь да положь начальнику — Светка честная всегда была. И за науку шефу до сих пор благодарна. Опытный мужик.

Придут вместе на Банный. Там суета, толкучка, все шныряют, выспрашивают друг у друга, деньги делают. Он взглядом толпу окинет: «Светик, общаться здесь можно только с двумя людьми. Все остальное здесь — шушера».

Или подкатит какой-нибудь фраер навороченный, весь в коже и ондатре, бицепсами играет: «Да мы! Да не обидим! Сколько скажешь — выложим. Только срочно!» А шеф: «Светик, пошли отсюда. Это кидала с Варшавки, я его знаю. И чтоб с ним ни-ни».

Светка договорится с шикарными нанимателями, уже садится в «Мерседес» ехать квартиру смотреть — шеф тут как тут: «Лапушка, никогда ни в одну машину не садись. Только своим ходом, на метро». Светка возмущается, — как так? почему? — а он ей тихоночно: «Человеческое мясо очень вкусное».

Многому научил. Но работать она стала самостоятельно. И с душой. Слова командира туда глубоко запали: «Мы с тобой честные посредники. Если клиента квартира не удовлетворила, мы возвращаем деньги». Правда, такого у Светочки еще ни разу не случилось.

Другое случилось. На Банном подскакивает коллега: «Речной вокзал есть?» Есть. Подводит парочку нанимателей, значит, отстегни половину. А она и сама на них через три минуты вышла бы. Коллеги возмущаются: дай ему ствольник за беспокойство, и пусть гуляет. Но Светка честная. Она не подглядывает в чужие блокнотики, не ворует листочки с телефончиками и клиентов не кидает. Другие кидают.

Договорится маклер с хозяином вроде бы сдать его квартиру. Приведет жильцов, покажет, тем все понравится, договорятся о завтрашнем переселении. Оплата — по факту сделки. Выйдут на улицу, маклер требует расплатиться, сделка-то состоялась. На следующий день довольные постояльцы приедут за ключом, а хозяин как ни в чем не бывало: гости нагрянули, или тетка заболела, или просто сдано уже. Несостоявшиеся жильцы за головы хватаются: а как же маклер? А маклера хозяин знать не знает, впервые видел — и привет. Выручку пополам.

Еще на разнице цен играют. Допустим, хозяин хочет 4 тысячи, а кварти-

ра вполне может уйти за 6. Находишь нанимателя на год, требуешь 24 тысячи вперед (2х12), а остальное пусть платит хозяину. Если хозяин строптивый попадется, придется с ним поделиться. Но хозяин и так доволен — он свое получил.

А можно себе квартиру снять, если есть наличные. Однажды Светка так делала. Сняла подешевке и пересдала азербайджанцам. Но там такой вертеп открылся, что соседи взвыли и пришлось долго с хозяйкой отношения выяснять.

Зато чеченцы встречаются — что надо. Чистенькие, одеты с иголочки, работают в СП и не жмутся. Тысяч пятьдесят Светочка заработала на них за полтора месяца, да быстро растратила. Не держатся в ее руках деньги. То пусто, то густо — никакой стабильности. И хоть цены растут (до 20 тысяч в месяц сейчас двухкомнатная квартира стоит), зато процент со сделки падает — больше половины среднемесячной оплаты уже не дают.

Бывают, конечно, и проколы. Одну бабульку месяц уговаривала: в гости ходила, торты носила, внуков нянчила — заказ поступил выгодный на тот район. А бабка покочевряжилась и передумала. Несчастный случай. А то просят наниматели: уговорите хозяев подешевле, а мы вам процент надбавим. И такой случай был. Сбила цену до полутора тысяч — совсем даром, — а они не надбавили. Даже спасибо не сказали. Такие люди.

Зато с некоторыми клиентами Светочка очень даже в хороших отношениях остается. И про жизнь поговорить может, и совет даст, и слушать умеет. Ласковая, обходительная, доверие вызывает на все сто. Смеется: «Я очень дешевый посредник. Вам другого такого не найти». И договор заключит — все честь по чести, — кипа бланков подходящих всегда при ней. Конечно, филькина это грамота, без нотариуса, да все ж лучше, чем ничего. Все паспорта на стол кладут, данные записывают.

Вот только, когда она видит очень много денег, слегка шалеет. «У тех, кто отстегивает баксы, паспортов не спрашивают». Но тех, кому нужна «непаленая» квартира (чтоб не была на примете у милиции), пока еще сторонится. От греха подальше.

Недавно мы встретились случайно в метро. Я спросила: «Светка, ты счастлива?» Она уклончиво так: «Жить можно». И заулыбалась вдруг: «А я ведь теперь сваха!»

Она еще и брачную контору открыла.

ВСЕ НА ПРАЗДНИК «СТОЛИЦЫ»!

В субботу, 5 сентября, в ЦПКИО им. Горького (ст.м. «Парк культуры»)

1. У ГЛАВНОГО ВХОДА

- 1) Конкурс детского рисунка на асфальте (11.00).
- 2) Парад старинных автомобилей (11.00).

2. ЭСТРАДА У ФОНТАНА

- 1) Открытие праздника «Столицы» (13.00).
- 2) Музыкальный марафон: от «Буратино» до «Альфы» и «Рондо» (14.00—18.00).
- 3) Вертолетное шоу (11.00—13.00).

3. ФОНТАННАЯ ПЛОЩАДЬ

- 1) Ярмарка народных ремесел (11.00).
- 2) Продажа книг и сувениров (11.00).

4. МУЗЫКАЛЬНАЯ ЭСТРАДА

- 1) Большая цирковая программа, парад дискотендов, викторина, аукцион (11.00—18.00).

5. ЦЕНТРАЛЬНАЯ ЭСТРАДА

- 1) «Бомонд» Матвея Ганалопольского (14.00).
- 2) Дискутируют звезды политики (15.00).
- 3) Рекламные шоу Юрия Горького с участием фирмы «Грегори» (16.00).

6. ЭСТРАДА ОБСЕРВАТОРИИ

- 1) Боевые искусства в «Русском стиле» (14.00).
- 2) Сатирики, юмористы, барды (16.00).

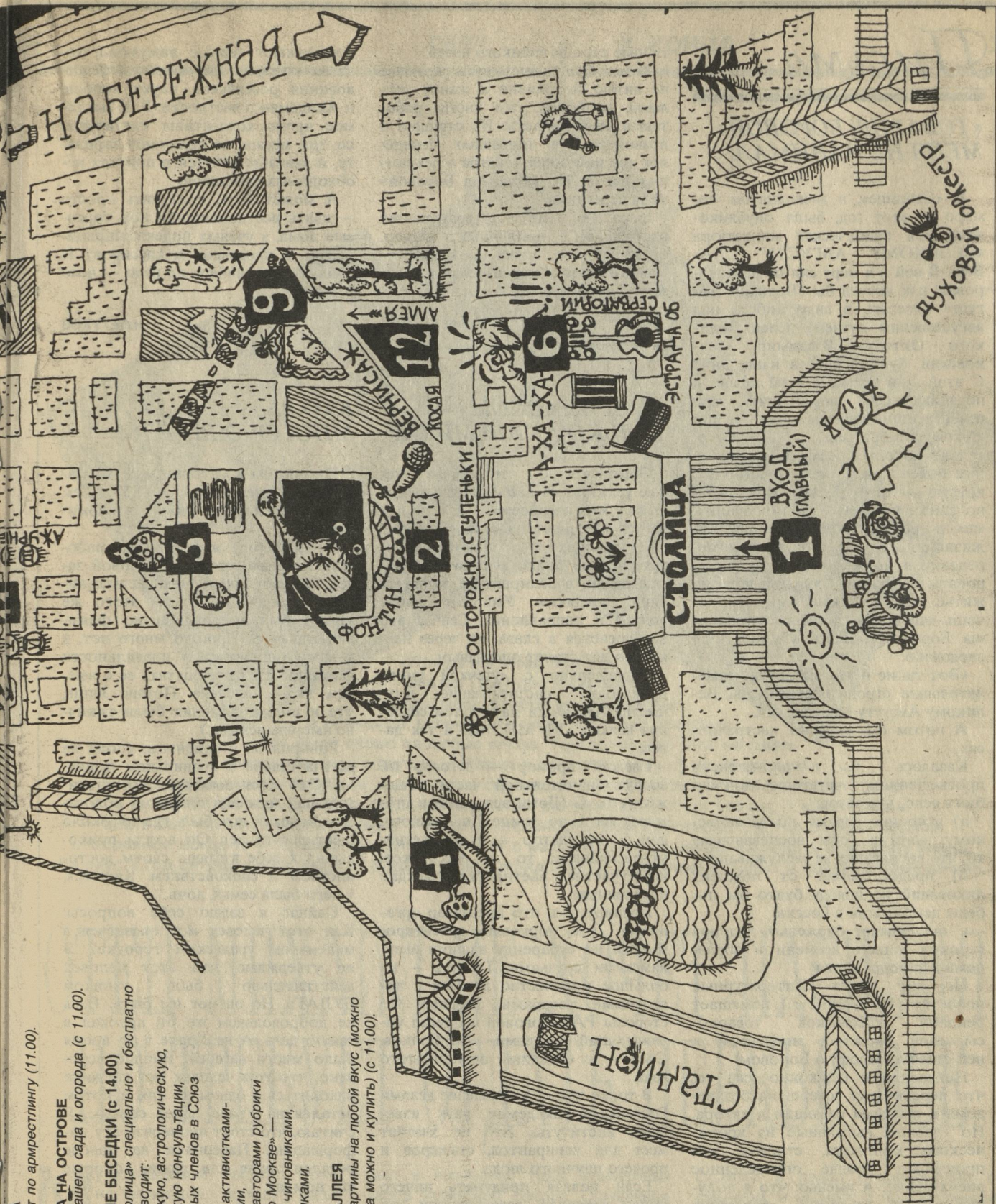
7. ЭСТРАДА БОЛЬШОГО МАССОВОГО ПОЛЯ

- 1) Звезды эстрады, кино, театра, TV (14.30—19.30).
- 2) Дискотека (19.30).

8. НАБЕРЕЖНАЯ

- 1) Праздник в небе, на воде и на суше: кану-поло, гонки на ялах, картинг, выставка служебных собак, воздушные бои самолетов (10.00—19.00).

- ПАВИЛЬОНА**
1) Чемпионат по армрестлингу (11.00).
- 10. БЕСЕДКА НА ОСТРОВЕ**
1) Все для вашего сада и огорода (с 11.00).
- 11. АЖУРНЫЕ БЕСЕДКИ (с 14.00)**
Журнал «Столица» специально и бесплатно для Вас проводит:
1) юридическую, астрологическую, экономическую консультации,
2) прием новых членов в Союз графоманов,
3) встречу с активистками-феминистками,
4) беседы с авторами рубрики «Прогулки по Москве» — краеведами, чиновниками, общественниками.
- 12. КОСАЯ АЛЛЕЯ**
Вернисаж: картины на любой вкус (можно посмотреть, а можно и купить) (с 11.00).

Письма

«ТОВАРИЩ БОРОВОЙ» МЕНЯ НЕ НАНИМАЛ!

В «Столице», в двенадцатом номере за этот год, была опубликована моя ироническая миниатюра «ВЕЛИКОМУ АВГУСТУ СЛАВА». В ней я в меру сил пофантазировал: как воспел бы «Великий Август» (имелась в виду победа над августовским путчем) певец Великого Октября Владимир Маяковский, будь он жив в наши дни? С этой — и только с этой целью я позволил себе переиначить три известнейшие строфы: одну — про «близнецов-братьев», относительно которых неизвестно, кто из них более ценен «матери-истории», другую — про «трамвы», моментально поехавшие «уже при социализме», и третью, советующую «делать жизнь с кого». Эту свою третью переделку я должен сейчас процитировать: «Юноше, обдумывающему житье, совета не жаль дарового: хочешь карьеры — делай ее с товарища Борового». Далее в миниатюре следовало:

«Вот такие и многие другие замечательные строки посвятил бы Великому Августу Маяковский.

А потом бы, конечно, застрелился».

Казалось бы, мало-мальски просвещенному читателю должно быть ясно, что автор:

а) искренне горюет по Маяковскому, многие годы воспевавшему то, что воспевания не заслуживало;

б) предостерегает от похожих ликований по поводу будто бы победы демократии в России;

в) не считает биржевых лидеров героями нашего времени и образцами для подражания.

Но вот газета «Литературные новости» (№ 6, 1992 г.) помещает рекламу Российской товарно-сырьевой биржи и эпиграфом к ней ставит... строфу о Боровом!

Некрасиво и незаконно уже то, что перепечатка совершена без ведома и согласия редакции и автора. Но главное: вырванные из иронического контекста, строчки эти производят вполне определенное впечатление. А именно: что я получил заказ «воспеть» «товарища Борового» — и с немалым рвением выполнил задание. Мало того, строфа подписана так: «Г.Дробиз при участии В.Маяковского», из чего следует, что этот Г.Дробиз — развязная и бесцеремонная личность, нагло использовавшая хрестоматийные строки великого поэта.

Хотел бы подчеркнуть, я вовсе не питаю неприязни к жанру рекламы, наоборот, сам иногда работаю в этой области. Не отрицаю и правомерности шуточных переделок тех или иных текстов в рекламных целях. Но «товарищ Боровой» меня не нанимал!

Выражаю глубокое возмущение отсутствием приличных манер, нравственного слуха и художественного вкуса у людей, делающих газету «Литературные новости».

Герман ДРОБИЗ

Екатеринбург

ЗА ПРИЛАВКОМ — ТОЛЬКО АКАДЕМИКИ?

Общеизвестно, что сейчас ученые уезжают из нашей страны, «кто на год, кто насовсем»... Те, которые не уехали, сидят на скудном пайке. Поступающих в естественно-технические вузы считают сумасшедшими, в аспирантуре остаются лишь «чудики». Умирают целые школы и направления. Сейчас это не бросается в глаза, но через несколько лет станет очевидным.

Параллельно с «утечкой умов» происходит растаскивание имущества Академии наук путем создания всяких СП, МП, А/О и так далее.

Свежий пример — договор об аренде значительной части общежития ДАС (Дома аспиранта и стажера) № 1 по улице Дм.Ульянова, дом 5. Арендатор — то ли вьетнамско-российское, то ли российское, но с участием вьетнамских граждан предприятие...

Планируется, что арендатор организует Дом торговли, ориентированный на субаренду нашими вьетнамскими друзьями. То есть — на большое количество лавочек с восточными товарами. Здорово! Со стороны РАН договор подписал управляющий делами В.Е.Волков. Срок — с середины августа этого года.

В то же время Управление делами Российской академии наук извещает институты, что не хватает мест для аспирантов, стажеров и прочего научного люда.

Если нельзя придумать ничего умнее торговли помещениями, то, может быть, лучше поначалу сдать старое здание Президиума, что на Ленинском проспекте? Ведь кроме этого комплекса у него есть еще и здания по улице Вавилова, на Октябрьской площади и так далее. К ним, как в старые добрые времена,

подъезжают черные лимузины, хозяева которых жалуются на бедствования российской науки вообще и Академии в частности. В то же самое время коллективы институтов по три месяца не получают зарплату, и завлабы мечутся в поисках необходимых реактивов.

А может быть, поступить просто — сдать все помещения под торговые дома, а ученых переквалифицировать в продавцов и кассиров? И придумывать ничего не надо — дело верное.

Н.ПЕТУХОВ

КТО ВЫ, МИСТЕР ЭДВАРДС?

Прочитала в «Столице» № 11 материал «Американцы в ГУЛАГе». Хочу поделиться своим воспоминанием.

В 1970 году я поступила работать на Златоустовский часовой завод, в сборочный цех. Начальником механического цеха этого же завода был американец по фамилии Эдвардс. (Прошло много лет, и я могу ошибиться в правильности фамилии или даже спутать ее с именем этого человека. Помню лишь, что и имя, и фамилия были типично американскими.)

Говорил он с акцентом, слова не всегда ставил в правильном порядке. Это был высокий, представительный мужчина с седыми волосами. Возраст его был где-то около шестидесяти лет. Он всегда приковывал к себе взгляды своим достоинством и спокойствием. Кажется, у него была семья, дочь.

Сейчас я задаю себе вопросы: Как этот человек мог оказаться в маленьком уральском городке? Я не утверждаю, что этот человек действительно был узником ГУЛАГа. Но он мог им быть. Ведь не добровольцем же он приехал в такую даль. А на Урале в то время было много лагерей. Вполне вероятно, что этот человек мог когда-то находиться в одном из них, а потом остался на Урале, завел семью... Я считаю, что стоит проверить эту информацию. Наверняка на заводе остался архив или люди, которые его помнят.

Л.СУРКОВА

Никель, Мурманская обл.

Это — учитель Г.И.Шатковский

Это — священник отец Михаил

«Убийца вы, отец Михаил», —
сказал Григорий Иванович.

Наташа, жена, второй месяц лежала
в больнице, ребенка нерожденного они потеряли,
и он имел право на любые слова. Только на дом этот не имел
права и потому, подумав, добавил в точности, как ему подсказывали:

«Вы душу живую загубили, и я на вас в суд подам». Отец Михаил, обычно невозмутимый
и хозяйственный, даже со стула приподнялся, руками замахал: да что вы, живите здесь.

Знать бы, что затеянная им тяжба — ведь по справедливости действовал, хотел вернуть церкви
отобранное когда-то — приведет к такому! Да Бог с вами! И ушел со двора. Казалось, и раздору конец.
Но спустя год ситуация обострилась. А Бог — он не заглядывает в документы о жилых и нежилых помещениях.

ОТЕЦ МИХАИЛ НЕ ХОЧЕТ НАСИЛИЯ, НО ТРЕБУЕТ ОТДАТЬ ЦЕРКВИ ВСЕ

Муниципальный округ Косино-Ухтомское больше напоминает деревню или дачное местечко, случайно оказавшееся в черте города. Здесь, на озере Белом, строил Петр I свою флотилию. А неподалеку, в озере Святом, по преданию, затонул храм.

Но не царями и преданиями славится в наше время означенный населенный пункт. Действующим чудом

был в последние годы концертный зал в Успенском соборе. Очищенная, восстановленная жителями Косино и учениками местной музыкальной школы, церковь приняла под свои своды редкую по звучанию музыку. Особая акустика сразу выдвинула этот зал в число ценнейших, и репертуар обычно подбирался соответствующий. Как взмывал под своды торжественный и беззащитный звук

скрипки и падал одновременно со смычком, и скрипач с просветленным лицом читал молитву Богородице, а потом вновь пела скрипка, здесь знали задолго до того, как религию объявили синонимом культуры и торжественно отметили 1000-летие крещения Руси. А как звучали детские голоса — все тех же ребят из музыкальной школы — и хоры, исполнявшие духовную музыку!

Последний концерт в Успенском храме состоялся год назад. До сих пор в школу звонят и интересуются репертуаром. Директор школы Альберт Артович Князев не может и не хочет об этом говорить. Зал отдан церкви, и дело с концом, и спорить бесполезно — решение Моссовета. На заседании было сказано однозначно: отдать церкви все.

За два года существования прихода в Косино церковь действительно получила практически все. Три храма в ограде — Успенский, Никольский и старая деревянная церквушка XVII века. Здание земской школы — через дорогу. Отец Михаил договорился о территории под строительство административного здания. Для маленького, по его собственному признанию, прихода он вообще поразительно много добился. До правительства Москвы дошел, помощью Патриарха заручился, чтобы концертный зал убрали из церкви. Храм молитвой наречется, а не вертепом (в смысле — не театром), вот пусть здесь и молятся. Хозяйство у церкви крепкое, огородик с капусткой-морковкой, на задах — вагоны с гуманитарной помощью. Все есть, кроме малого — офиса, или административного здания. Оно-то и стало предметом тяжбы.

Дом в полуквартале от церкви когда-то был домом священника. Теперь его занимают три семьи. Но две семьи живут здесь на законных основаниях, а третья, семья учителя Григория Ивановича Шатковского, — на птичьих правах. Когда педагога с именем приглашали сюда на работу в новую экспериментальную творческую школу, Григорий Иванович, уже достаточно наскитавшийся по углам с женой и двумя детьми, поставил условие: работать буду, но найдите хоть какое-нибудь жилье. Тогда часть дома была свободна, и, по договоренности администрации школы и комитета самоуправления, Шатковские поселились здесь. Правда, договоренность эта не была подкреплена документально — договор на аренду школа с РЭУ не заключила. Но все остались довольны: школа получила уникального учителя, автора оригинальных методик по развитию творческих способностей у детей, дети — друга и дом, куда можно прийти в любое время рисовать, сочинять, музицировать, а семья — пристанище.

Как выяснилось, временное. В прошлом году в сопровождении пред-

ставителей районной власти у Шатковских появился отец Михаил. Он деловито осмотрел две комнатки и кухню-запятую, заглянул на терраску, постучал каблуком по половицам, поинтересовался отоплением и с досадой покачал головой на трещину. И предупредил, что дом придется освободить. А потом посыпались письменные предупреждения РЭУ и милиции — выселим. Если надо — силой. Тогда Шатковские и потеряли будущего ребенка.

Зима прошла спокойно, а весной вновь появился отец Михаил. В июле церковь собиралась отмечать праздник иконы Косинской Божьей матери, на торжества был приглашен сам Патриарх, и хорошо было бы принять его в новом помещении. И вариант для переселения семьи нашелся — в дом-барак, в квартиру, требующую ремонта. А прописки опять не гарантировали. Наташа вновь ждет ребенка, и Шатковский переезжать отказался — а вдруг и тот барак кому приглянется?

Отец Михаил не хочет насилия. Но и ждать не хочет — отдавать церковь все, так уж все. РЭУ кипит от праведного гнева: живут три года без прописки да еще права качают. Лучше бы вовремя заключили договор об аренде. А теперь и договора не будет — дом отойдет церкви. Шатковские просыпаются в комнате, стены которой сплошь покрыты детскими рисунками, и гадают, сколько им еще жить в этом незавидном доме с удобствами во дворе и водой в колонке.

А на все это смотрит тихим ликом Косинская Богоматерь, которую тоже вернули церкви — в два этапа. Сначала ученики музыкальной школы вместе с Князевым обошли старожилов, выяснили, где икона, нашли ее в запасниках музея, добились реставрации, а потом уже отец Михаил через Министерство культуры испросил разрешения на возвращение иконы в храм.

Они могли бы сотрудничать — учитель и священник. Но «церкви нужно отдать все»...

Ксения КЛИМОВА

Алексей МИТРОФАНОВ

НА ГРАНИ ФОЛА*

Евгений Павлович Паремусов горд тем, что 34 года состоял в КПСС, из них все 34 был партийным пропагандистом. Любит ссылаться на Карла Маркса и Юрия Щекочихина, а Юрия Лужкова мечтает увидеть на скамье подсудимых. Я не хотел делать его главным героем этого материала. Так получилось. Когда он, скромный и на вид ничем не примечательный мужчина, вышел из редакции, коллеги спросили у меня, кто это был. — Так, один депутат, — ответил я. — Лидер местного самоуправления. Захочет, скажет своим вооруженным помощникам — они любого из собственной квартиры выкинут... Ответил — и сам испугался.

* Фол — грубый, недозволенный прием в игре. От английского «foul» — нечестный.

Итак, Евгений Павлович Паремузов, депутат Ленинского районного Совета, заместитель председателя комиссии по жилью и нежилым помещениям, председатель подкомиссии по нежилым помещениям, председатель территориальной депутатской группы микрорайона № 17 «Остоженка» и председатель Совета территориального общественного самоуправления «Остоженка».

А.М.: Как вы стали депутатом?

Е.П.: Мы шли под лозунгами «Демократической России». Поддерживали Попова, бились за него, не жалея своего живота... Я постараюсь избежать неприличных выражений. Когда мы баллотировались, я, в силу своих демократических воззрений, принимал участие в работе клуба избирателей. Ведь, еще будучи партийным пропагандистом, я имел несколько жутких конфликтов с администрацией — наши семинары проходили на грани фола. Вообще-то я шестидесятилетник.

Но сейчас наш народ переживает величайшую трагедию. Не было в истории случая, чтобы лидеры в массовом порядке предали движение. Разве мог я представить, что Попов окажется таким... Даже не знаю, какие слова назвать...

Здесь я прерву политические рассуждения своего героя (которым он предается довольно часто) и расскажу об истории микрорайона № 17. Он ограничен улицей Остоженкой, Кропоткинской набережной, Соимоновским и Новокрымским проездами. Он — один из немногих районов московского Центра, практически не пострадавших от многочисленных реконструкций. Видимо, дело в том, что его берегли под строительством огромного комплекса — парадного выхода к Дворцу Советов. Возвели лишь среднюю школу на месте главного храма Зачатьевского монастыря и еще несколько домов. Но с приходом к власти Горбачева потребовалось роскошное жилье для свежепереведенной в столицу номенклатуры. Был выбран 17-й микрорайон. Создали архитектурное бюро «Остоженка», которое за счет ХОЗУ Совмина СССР разработало технико-экономическое обоснование реконструкции. Но удалось построить лишь один дом, в Савельевском переулке. В народе его называют «Дом Рыжкова».

А.М.: Когда организовался Совет самоуправления?

Е.П.: В марте 1991 года.

А.М.: И как проходили выборы?

Е.П.: В каждом избирательном округе, а их у нас 5, мы провели собрания жителей. Вывешивали объявле-

ния, и люди приходили. Кто хотел, тот и приходил. В каждом округе выбрали по 20 делегатов и наметили по 7 кандидатов в будущий Совет. И на конференции преспокойно выбрали 35 человек. Через год провели первовыборы...

Одна из особенностей Закона «О местном самоуправлении в РСФСР», на который все время ссылается депутат Паремузов, состоит в том, что в нем не предусмотрен порядок делегирования и инициаторы выборов могут воспользоваться произвольной, наиболее удобной для себя процедурой. Группа жильцов, усомнившаяся в законности вышеозначенных действий, написала заявление в комиссию Моссовета по законности, правопорядку и защите прав граждан: «На собраниях присутствовали отдельные жители (не более 2—3%), которые не представляли интересы подъездов, домов, кварталов. Во время проведения выборов на конференцию делегатов, «избранных» вышеуказанным способом, не было мандатной комиссии или иного органа, который бы подтвердил полномочия делегатов». Член комиссии депутат Галактионов направил депутату Паремузову письмо: «Прошу Вас представить в комиссию протоколы проведения конференции, а также документы, подтверждающие полномочия ее делегатов». Письмо до сих пор без ответа, несмотря на телефонные напоминания депутата Га-

лактионова.

А.М.: Есть ли в Москве территории, не охваченные системой территориального общественного самоуправления?

Е.П.: Есть. Очень много.

Я спросил у депутата Галактионова:

— Выходит, в этих свободных от самоуправления зонах каждый может собрать, например, окрестных алкоголиков, подарить им по бутылке спирта, провести конференцию, стать председателем Совета самоуправления и распоряжаться недвижимостью?

— Да, но ведь нужно согласие депутатов...

— Значит, еще несколькими депутатам по две бутылки?

Галактионов промолчал.

А.М.: Что было после выборов?

Е.П.: Мы сразу почувствовали, что не обладаем реальной властью. И средств у нас нет. По существу, мы не являемся никем и ничем. Но в законе «О местном самоуправлении...» законодатель предусмотрел наделение Советов определенными возможностями для работы. В частности, в статье 37, пункт 1, сказано, что муниципальная собственность территории является достоянием данной территории. Отсюда следует, что никто не имеет права распоряжаться этой собственностью без жителей данной территории.

Это так, но вопрос — что считать территорией. В Постановлении «О

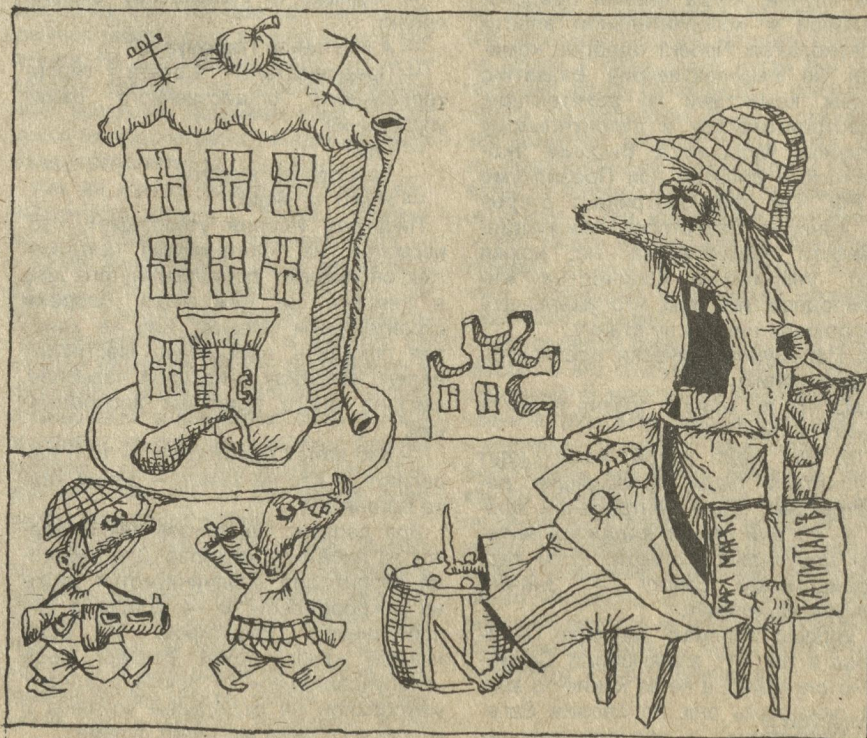

Рис. А. Зайца

разграничении государственной собственности в Российской Федерации на федеральную, государственную и муниципальную собственность» говорится, что передача жилого и нежилого фонда в муниципальную собственность районных (в городах) Советов народных депутатов не предусматривается. И уж тем паче в собственность Совета микрорайона.

Существует множество других «условностей», ставящих действия Паремужовского Совета более чем под сомнение. Он, однако же, продолжает доказывать свои права. Для чего?

Е.П.: Мы хотим провести комплексную реконструкцию микрорайона. У города денег нет. Они есть у инвесторов, которые за два года бесконтрольной работы разбогатели. Так вот, мы освобождаем дом, перемещаем население в другие дома нашего же микрорайона, этот дом реконструируем за счет инвестора и отдаем ему за это первые этажи. Примерно так.

11 февраля 1992 года правительство Москвы выпустило постановление № 59 «О реализации программы комплексной реконструкции и застройки микрорайона № 17 «Остоженка»: «Для решения поставленных задач... образовать Генеральную дирекцию «Остоженка». Установить, что Генеральная дирекция «Остоженка» является самостоятельным хозрасчетным подразделением префектуры Центрального административного округа». Это решение — тот редкий ныне случай, когда мнения представительной и исполнительной власти не расходятся. Проект одобрен комиссией по перспективному развитию Москвы, комиссией по архитектуре, градостроительству и строительному комплексу Моссовета, Высшим экономическим советом при Президиуме ВС РФ... Он предусматривает открытый конкурс инвесторов, жизнедеятельность микрорайона на время работ, увеличение количества жителей вдвое, при том, что уменьшать жилплощадь никому не станут.

Но Паремужов всячески противится постановлению 59.

А.М.: Что вы имеете против проекта правительства Москвы?

Е.П.: Все дело в том, кому будут подчиняться люди, проводящие реконструкцию. Если центральной власти — то они станут выражать интересы центральной власти. Если территориальному совету — значит, жильцов, населения.

Я хорошо понимаю депутата Паремужова и тех, кто его выбирал. Совершенно случайно, а не за какие-то заслуги оказались они, по словам Евгения Павловича, в «бриллиантовом»

микрорайоне. К тому же заселенном лишь вполовину своих возможностей. И велик соблазн объявить все это своей собственностью, жить в роскоши и не думать о менее удачливых москвичах. У центральной же власти болит голова за весь город, придется делиться, и потому лучше объявить себя феодальным государством, а городское правительство на всякий случай дискредитировать, благо во всеобщем развале это вовсе не трудно.

А.М.: Вам известно о бумаге, которую направил в райсовет писатель Анатолий Иванов?

Е.П.: Да, почему-то он не посоветовался с нами. Мы звали Иванова, но он тогда был в отъезде. Я очень расчитываю на писателя Иванова.

Автору «Вечного зова» и «Теней, исчезающих в полдень» удалось собрать под своим обращением 17 подписей. «На деле это означает откровенную спекуляцию землей, зданиями, продажу жилых домов вместе с жильцами местным и иностранным толстосумам с принудительным выселением людей», — пишет он о проекте московского правительства. Вряд ли кто-то из иностранных, а тем более местных толстосумов захочет купить дом вместе с писателем Ивановым, но тем не менее...

— Вы категорически против привлечения инвесторского капитала? — спросил я у писателя.

— Можно его привлекать, надо реставрировать памятники. Но наш дом не требует капитального ремонта.

— Однако у Паремужова схожий проект.

— А кто такой Паремужов?

— Председатель Совета территориального общественного самоуправления.

— Где?

— Там, где вы живете.

— Я его не знаю.

Писатель Иванов утверждает, что, несмотря на «деревянные потолки» (так он именует перекрытия), его дом в ремонте не нуждается. Вопреки строительным нормам. Ему не хочется покидать привычную шестикомнатную квартиру, с которой, наверное, связано много приятных воспоминаний:

— Кто хочет выселяться — того выселяйте, а кто не хочет — зачем тех-то выгонять?

Зря депутат Паремужов так надеется на писателя Иванова. Для писателя территория ограничивается даже не микрорайоном, и не домом, а его собственной квартирой. И если каждая «территория» создаст свое «самоуправление» — боюсь, раздерут микрорайон на отдельные вотчины и из каждого окна выглянет пулемет.

Кстати, насчет пулеметов.

Е.П.: Эта реакционная шушера... Они раздают помещения направо и налево. Хорошо, наш район создал службу безопасности. Ведь у нас огромное количество помещений незаконно захвачено. А служба безопасности приходит, предъявляет документ и выкидывает.

А.М.: Она вооружена?

Е.П.: Обязательно, а как же! У них все есть.

Поскольку депутат Паремужов считает свой Совет законным балансо-держателем муниципальной собственности микрорайона, «незаконно захваченными» являются все помещения, занимаемые не по его воле. Райсовет, создавший службу безопасности, во всем Паремужова поддерживает, даже делегировал ему права управления недвижимостью (самому райсовету, впрочем, не принадлежащие). И поэтому по приказу депутата Паремужова вооруженные вышибалы могут ворваться в любое помещение и провести его экспроприацию.

Я не хотел делать Паремужова главным героем этого материала. Дело не в нем. На его месте мог оказаться Репазумов, Музопаров — кто угодно. А Евгений Павлович — человек, в некоторых ракурсах даже симпатичный. Он верен своим избирателям, верен своим покровителям, верен своей идеологии и, несмотря ни на что, играет свою, в общем, непростую роль.

Но в городе должна быть одна власть. Чтобы не было стенка на стенку, квартал на квартал, чтобы автоматчики одного избирательного округа не устроили перестрелку с пулеметчиками другого. Чтобы организация, реконструирующая остоженские переулки, подчинялась правительству города, а не сотне «явившихся по объявлению». Тем более, как показывает практика, люди дельные, и, стало быть, занятые, «по объявлению» являются редко.

Но пока Евгений Павлович Паремужов ходит по разным инстанциям, ругает правительство и уже начавшую действовать Генеральную дирекцию «Остоженка», районные вооруженные силы ждут приказа (по моим данным, они базируются в трех местах: в детской художественной школе по улице Крыленко, 12, в Новодевичьем проезде и во дворе райсовета), и неизвестно, чем все это может закончиться.

КАПИТАЛИЗМ С ЧЕЛОВЕЧЕСКИМ ЛИЦОМ

«Деньги — вода в цветочной вазе: ее надо часто менять, чтобы она была свежей» — так считает Анита Роддик, женщина, которая хочет изменить мир. Она мечтает осуществить свой замысел не обычным путем — с помощью политики или армии, а через сеть магазинов, которые торгуют косметикой. Невероятно? Эксперты из лондонского Сити тоже считали, что это невозможно, до тех пор, пока ее фирма «Боди шоп», в которую были вложены миллионы, не начала приносить доходы, не оставшиеся не замеченными другими солидными предприятиями. Скоро, в сентябре, Анита Роддик впервые представит русское издание своей книги «Душа и тело», ставшей бестселлером в Англии и Австралии и посвященной жизни и коммерческим успехам автора. В Россию Роддик приедет, чтобы выступить на конференции, посвященной второй годовщине со дня смерти отца Александра Меня, с докладом «Человек, наука и вера».

Анита Роддик уверена: служащие ее магазинов должны осознавать, что их обязанности гораздо серьезнее, нежели просто сбыт товаров. Магазины «Боди шоп» с их узнаваемыми зданиями темно-зеленого цвета, аккуратными цветочными клумбами открыты в сорока одной стране мира. Там можно купить мыло, шампунь, эфирные масла, другие косметические средства. Звучит музыка — не оглушающий рок, а мелодии, которые успокаивают и поднимают настроение. В магазине есть отдел, где вы можете оставить отзывы и предложения. В продаже имеются готовые подарочные корзины с различными товарами производства «Боди шоп».

Родилась Анита Роддик в 1942 году в семье итальянского иммигранта, владельца кафе в тихом маленьком городе на морском побережье южной Англии. С переменным успехом занималась она преподаванием в школе и путешествовала в компании хиппи, затем увлеклась бизнесом. Педагогический опыт помог ей найти

путь к необычному миру, придуманному ею самой: капитализму, которым можно управлять в одиночку. «Я всегда действовала, — рассказывает она. — Помню, когда работала на «Шелтера» (организацию, помогавшую бездомным в 60-е годы в Англии), была еще студенткой». Позже Анита стала инициатором кампании помощи бездомным в Англии. Она спонсирует газету, где эти бездомные сотрудничают. Они же занимаются ее распространением. Цена каждого экземпляра — 50 пенсов, из них распространитель оставляет себе 17.

Служащие «Боди шоп» имеют право высказывать свое мнение о делах и проблемах фирмы. «На доске объявлений, — рассказывает Анита, — мы вывешиваем темы и вопросы, обсуждавшиеся в прошлом месяце, на которые руководство должно дать ответы. Замечания бывают очень грубыми, однако я считаю, что это хорошо. Люди должны чувствовать, что они имеют право высказаться. Такие отношения с работающими в конце концов окупаются. Наши служащие знают, что могут сделать больше, чем просто продавать нашу продукцию. Например, сами решают: нужно ли ехать на работу в одно из наших новых предприятий за границей».

Как ей удастся совмещать жизнь промышленного магната с делами семейными? «Не забывают, — отвечает Анита, — с мужем живем вместе целую вечность — 22 года, у нас две дочери. Мой муж, Гордон, — полная мне противоположность. По характеру я экстраверт и непоседа. Он гораздо спокойнее, более уравновешен и выполняет мужскую рутинную работу: устанавливает и закрепляет связи с предприятиями, на которые я выхожу. Другими словами, я «зачинатель» любого дела, а он его «продолжатель». А для успеха равно необходимы оба качества».

В какой степени образ жизни зависит от богатства? «Я приобрела состояние в довольно зрелом возрасте, когда уже знала свое место в жизни, все это не слишком повлияло на меня». Аните было 40 лет, когда ее дела пошли на взлет: «К тому времени я уже многое узнала: рождение детей, смерть близких, трудности». В течение последних трех лет она как прези-

дент фирмы получает скромное, по западным стандартам, жалование: менее 100 000 фунтов стерлингов в год. Основу ее состояния, по последним данным, составляют акции компании на сумму более 150 млн. фунтов стерлингов. «Мы получаем дивиденды, — говорит она, — на равных условиях со всеми акционерами. Раз в год мы собираемся вместе и планируем, что будем делать с доходами: у каждого — по 40 тыс. фунтов стерлингов. Мы вкладываем деньги в такие важные дела, как, например, научные исследования по СПИДу».

Поездка Аниты Роддик в Россию связана с тем, что она хочет узнать страну в первую очередь с практической точки зрения. Возможно, начать с открытия небольшой фабрики по производству мыла, которая будет иллюстрацией ее идеи о «человеколюбивом капитализме». «Я хочу, чтобы русские поняли: капитализм — это не грабеж и разрушение. Капитализм — это успешная торговля, которая вовлекает людей в такой обмен, когда они сами получают доход. Капитализм — это маркетинг и распределение. И если, скажем, у вас возникает дефицит, выход прост: начать самостоятельно производить и продавать», — говорит Анита. Она презрительно относится к тем, кто считает, что бизнес — это только деньги и финансовое планирование. «Чтобы достигнуть успеха в бизнесе, необходимо вооружиться идеями и действовать смело».

Что касается планов на будущее, Анита говорит о них однозначно: «Всегда быть с компанией. В моих жилах течет кровь — человека. Мое естественное состояние — постоянное движение. Мне необходимо действовать, мне нужны знания. Я часто как бы включаю внутри себя сигнал тревоги: «А жизнь-то одна, и как можно пренебрегать теми уроками, которые она преподносит?» И, конечно, я чувствую себя счастливым человеком, когда над чем-то работаю, а не валяюсь на морском побережье. Мне хочется побывать везде, быть и наблюдателем, и просто женщиной...»

Е.РЕНИЕВА

АТВ показало документальный фильм режиссера Алексея Габриловича «Мой друг стукач». Его герой — достаточно известный в журналистских кругах публицист, чье имя как-то незаметно исчезло со страниц газет еще несколько лет назад. Его история — такая, какой она предстала в фильме, — вызывает сложные чувства. И, как ни странно, вовсе не по поводу КГБ, заставившего миллионы граждан следить друг за другом. Здесь и без фильма все ясно.

Совершенно неожиданно для авторов картина оказалась, на мой взгляд, совсем о другом. И драма героя куда глубже, чем драма подлости. В ней видится драма более общая и всеохватывающая, та, что и теперь мешает нам всем окончательно уйти от «проклятого прошлого».

Потому что для этого нужно уйти не от Системы. Для этого пришлось бы уйти от самих себя. Но сначала — вспомним историю, которую нам рассказали.

В.КИЧИН

Алексей ГАБРИЛОВИЧ

МОЙ ДРУГ СТУКАЧ

Большую часть сознательной жизни Димка провел под крылом тетки, народной артистки. Он вырос в Центре и выглядел типичным «мальчиком из Центра», существовало такое понятие. Эти мальчики и одевались богаче, и читали больше, и болтали бойчее. Но даже среди них Димка выделялся умом и красотой.

Окончив школу, он без блата поступил на сценарный факультет Института кинематографии. Беспечно шествуя по жизни, попивая с друзьями вино, без сожаления оставляя за спиной женщин, сгоравших от любви к нему, он талантливо писал статьи в газеты и журналы, с успехом сочинял сценарии документальных фильмов и телепередач. Старые знакомые до сих пор вспоминают, каким блестящим парнем был Димка.

Мы учились на одном курсе, а потом работали вместе, и в то время были с ним особенно близки. Как-то в приступе откровенности, под величайшим секретом он рассказал мне, что КГБ делал попытку завербовать его в стукачи, но удалось отмотаться.

Я давно не видел Димку, лишь изредка общался по телефону. Нашел его сильно похудевшим. Сохранило прежнюю красоту лицо, но хромота, результат давней травмы, усилилась, и заметно дрожали руки. Он представил меня Раечке, женщине средних лет, с осанкой бывшей балерины.

По Димкиной просьбе Раечка без лишних слов отправилась в магазин за выпивкой.

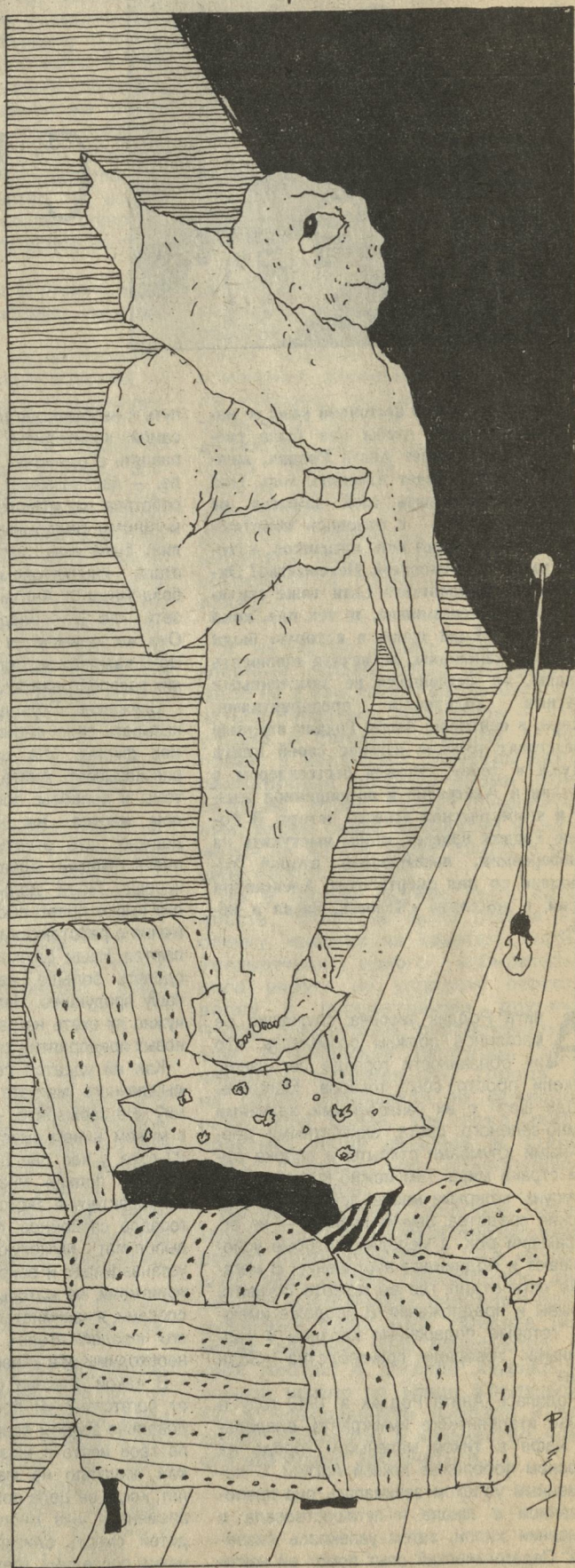

Рис. П. Стуенко

— Она мой ангел-хранитель, — сказал Димка, — мы подали заявление в загс...

Димка был женат один раз. Тот союз оказался непрочным. Брак длился чуть более двух недель.

Раечка принесла бутылку шампанского, бутылку коньяка и бутылку водки.

Никогда в Димкином доме не наблюдал я такого обилия выпивки и жратвы. И квартира выглядела прибранной, и Димка умытым, хотя и трясло его, как в ознобе, пока не выпил пару стопок.

Он ничуть не смутился, узнав, что я хочу снять в фильме рассказ о том, как его вербовал в стукачи КГБ, и с готовностью согласился рассказать об этом в деталях. Реальность оказалась драматичнее версии, которую он излагал прежде.

Это было летом 1965 года. Димка только что перешел на работу из АПН в газету «Советская культура».

Перехватив с утра в соседней рюмочной стаканчик портвейна, он пребывал в отличном расположении духа, когда в редакции раздался звонок и его позвали к телефону. Твердый мужской голос, прозвучавший в трубке, пригласил его спуститься вниз, в скверик у пруда.

Редакция находилась тогда на Чистых прудах, рядом с кинотеатром «Колизей», где ныне театр «Современник».

Мужчина, ожидавший Димку, внешнею напоминал комсомольского вожака. Присев на лавку, протянул удостоверение КГБ и приступил к делу, существо которого сводилось к следующему: Родине, в лице Комитета Госбезопасности, необходима помощь в наблюдении и получении информации о некоторых иностранных гражданах.

Димка сообразил: его вербуют в стукачи. Он вспоминает:

— Колени у меня задрожали так явно, что Гэбист спросил: «Чего вы дрожите? Чего испугались? Вас рекомендовали надежные люди из АПН. Вы умны, талантливы, легко сходитесь с незнакомыми людьми, имеете друзей среди иностранцев. Вам не составит труда иногда выполнять наши поручения...»

Вербовщик подчеркнул, что речь идет только об иностранцах, о «своих» разговора нет.

Димка читал и слышал, как вербуют в тайные агенты, но то было в книжках и байках, а теперь это происходило с ним, среди бела дня, возле родной редакции.

На следующую встречу его вызвали в номер гостиницы «Москва». Гэбистов было теперь двое. Нажимали мягко, без хамства и угроз, уговаривали, как бы по-дружески. Но Димка всем своим существом ощутил: петля затянута, выхода нет.

— Страх вынудил меня уступить, — вспоминает Димка, — животный страх. Чего боялся? Ну, во-первых, страх бывает безотчетным... Боялся увольнения с работы, боялся, что посадят за антисоветскую болтовню. Болтали и мы тогда не меньше, чем теперь. Страх, ничего больше. А ты знаешь, я парень неробкий.

Подтверждаю, Димка не трус.

Получив кличку «Викентьев», Димка приступил к выполнению первого задания — писанию отчетов о встречах с приятелем, американцем по имени Александр, собиравшем в Москве материалы для книги о советских ученых.

Доносить на Александра было нечего. Он не вел антисоветской пропаганды, не распространял листовок и брошюр, не искал контактов с людьми, известными своим негативным отношением к системе, не ввязался с взяточниками и фарцовщиками. С Димкиной точки зрения, не делал ничего, что могло бы взволновать КГБ. Но ему было приказано, и он писал, честно излагал содержание невинных бесед, которые они вели с Александром. Через некоторое время американец отбыл. Очарованным общением с Димкой, он несколько лет присылал ему рождественские поздравления и мелкие подарки — галстуки, носки,

зажигалки. Он и по сегодняшний день не знает, что Димка стучал на него.

У себя на родине Александр издал книгу «Комиссары и наука», в которой заклеил невежественных коммунистов, руководящих советской наукой. Но об этих его исследованиях в Москве Димка ничего не знал.

Следующим был англичанин, попросивший познакомиться с режиссером Марленом Хуциевым. Димка просьбу выполнил и отметил факт знакомства в соответствующем донесении. Это была единственная информация, которой он обогатил КГБ.

Потом его вывели на красавицу японку. Задание пришлось по душе: Димка вознамерился японку трахнуть, но выяснилось, что она имеет постоянную сексуальную связь с итальянцем, что также стало известно органам из Димкиного сообщения.

Он вспоминает, что все «клиенты» запомнились ему симпатичными, лояльно настроенными к нашей стране людьми. И говорили в основном о кино, музыке, живописи, балете, о чем он и писал в доносах — больше доносить было нечего.

Какую корысть имел он от своих хозяев? Никакой! Дважды получил под расписку тридцать и сорок рублей (Димка до сих пор помнит суммы) за ресторан, угостить японку и американца. И еще ему сказали: «Захотите поехать за границу — сообщите нам. Трудностей с оформлением не будет». Но Димка за границу не оформлялся и обещанным благодеянием не воспользовался.

Прошел год, может быть, чуть больше. Димку снова пригласили в номер гостиницы «Москва». На этот раз с ним беседовал строгого вида мужчина, представившийся полковником КГБ. Он предложил расширить сферу общения, перейти от иностранцев к соотечественникам. Димка устроил истерику и наотрез отказался стучать на своих.

С тех пор, утверждает Димка, КГБ его не беспокоил.

— Ясно, что иностранцы были пробным камнем. И потом, не забудь, шестьдесят пятый год, КГБ еще не успел набрать второе дыхание. Случись такое несколькими годами позже или раньше, они бы меня не выпустили.

Объективно Димка никакой подлости не совершил. Никого не подставил, не посадил, ничью судьбу не искалечил, но мысль, что он был Иудой, не давала покоя. Усмиряя муки совести, он болтал направо и налево о своих отношениях с КГБ, сочинив версию, которую я запомнил: «уламывали, но не сломили». К сожалению, сломили. Он и не нужен был им вовсе, какой из него агент! Не нужны были и «клиенты», к которым его приставляли. Но для обслуживания механизма тотальной слежки не хватало профессионалов и опытных любителей, вот и попадали в сети такие лопухи, как Димка. Ничтожный винтик. Его без труда скрутили, без сожаления вышвырнули.

В КГБ о нем забыли. Но Димка о своей «службе» забыть не мог. Злоба на себя, досада на малодушие и трусость перерастали в ненависть к системе, где каждый пятый взрослый — стукач. А в том, что это именно так, Димка теперь не сомневался. Он бросил постоянную работу, стал жить халтурами, которые подбрасывали ему приятели из редакций и с телевидения. И прежде неравнодушный к выпивке, он сделал ее главным содержанием жизни. Однажды после сильной поддачи, лежа без сна, он закрыл глаза и вдруг увидел свою комнату, переполненную народом, сидящим за накрытым столом. То были знакомые люди, он отчетливо слышал их голоса, ясно видел лица. Перепуганный Димка разлепил очи. Никого. Ночь, темнота. Снова закрыл — та же картина. Тут он понял, что «поехала крыша», начались галлюцинации. Вызванная «Скорая» немедленно отвезла его в «психушку».

— Психушка — та же тюрьма, — вспоминает Димка. — Врачи с пациентами, как надзиратели с заключенными.

Грубость, жестокость, равнодушие. Им начхать, принимают больные прописанные лекарства или спускают в унитаз. Никто за этим не следит. Большинство не принимает, считая таблетки отравой... И живет «психушка» по уставу тюрьмы...

Димка говорит, что психиатры считают алкоголизм болезнью неизлечимой. Можно ликвидировать психические сдвиги, вызванные алкоголизмом, поставить, так сказать, на место «сдвинутую крышу», но болезненную тягу к спиртному медицина победить бессильна.

Выйдя из «психушки», Димка запил хлеще прежнего. Он и в молодые-то годы неохотно поднимался с дивана, а теперь вовсе перестал выходить на улицу. Набрав в библиотеке груды умных книг, принялся за чтение. Сосед по лестничной клетке доставлял водочку, и Димка, лежа под хмельком, читал. Когда поджимало безденежье, наспех сочинял халтурку. Потом померла тетка, некоторое время существовал на оставленное ею крошечное наследство. С пьянством и не пытался бороться. Интерес к жизни был утрачен, происходящее за стенами комнаты вызывало раздражение. За уходящими днями, месяцами, годами следил как бы в полусне...

Временами Димка прерывает рассказ, рыдания душат его.

— Стал плаксив, как Максим Горький, — оправдывается он.

Рассыпалась компания старых друзей. Он легко переносил одиночество, но постоянно быть одному тоже невыносимо, и он нашел себе пристанище и новых приятелей в пивном подвале, именуемом в народе «Ямой», на углу Пушкинской улицы и Столешникова переулка. Тут он свой человек, его знают, уважают, здороваются. Местным алкашам было известно, что двери Димкиной хаты никог-

да не затворяются. В любое время можно было зайти «раздавить» бутылку, все лучше, чем в подъезде. Димка без опаски впускал в дом незнакомых — чего опасаться, когда брать нечего. Посетители наливали ему, и он был доволен.

Раечка вошла в его жизнь полгода назад. Энергичная, деловая. С ее появлением жизнь Димкина преобразилась. Доступ в квартиру случайным приятелям из «Ямы» был закрыт, хотя Димка продолжал ежедневно посещать любимое заведение. Раечка поняла, что борьба с алкоголизмом бессмысленна. По мере сил ограничивала дозы спиртного, не допуская скатывания в запой.

Лежа на диване, заваленном книжными томами, пьяненький Димка благодарным взглядом встречает Раечку, прибегающую из магазина, убирающую дом, приготавливающую пищу. Сам он передвигается с трудом. Хромота усиливается.

— Она у меня деловая, — говорит Димка с уважением. — Я за жизнь не заработал столько денег, сколько она заработала за полгода...

Я искренне рад за Димку, но червь сомнения точит меня: ни шуб, ни шмоток от Диора Раечка от него не дожде-тся. Квартира ей не нужна, есть собственная на Смоленской площади, которую она выгодно сдает иностранцам. Неужели только любовь и сострадание привели ее сюда, обихаживать и содержать алкоголика и калеку? Спрошу ее об этом.

Надеюсь снять для фильма Димкино бракосочетание в загсе и свадьбу, где мы будем дружно кричать молодоженам: «Горько!»... Надеюсь снять счастливые Димкины глаза, пусть и с алкогольной поволокой, но все же счастливые... Надеюсь...

Валерий КИЧИН

«ЛИШНИЙ ЧЕЛОВЕК» НА RENDEZ VOUS

(Необходимый комментарий)

Как легко понять из прочитанного, все это было написано до съемок фильма — перед вами литературный сценарий. Фильм, появившийся на телеэкранах, многое высветил по-иному.

Во-первых, там нет радужного хеппи-энда. Нет и Раечки — наверное, устала надеяться еще до съемок. Есть небритый, запущенный, расправшийся человек неопределенного возраста в пижаме и с нателным крестом, с сильно трясущимися руками и невнятной речью. Пьяный, склонный к истерике. И вот в таком состоянии он рассказал эту историю вербовки, которую вы уже знаете.

И стало совершенно ясно, что КГБ тут, в общем, ни при чем. Конкретно — вся эта трагикомическая вербов-

ка, так ничем существенным и не закончившаяся. Стало ясно, что скорее всего герой картины спился бы и без всякого КГБ. Его грехопадение для него — лишь способ самооправдания и в этом смысле закономерно. Люди подобного склада обычно ищут повод обосновать свое ничегонеделание, пьянство и нескончаемые медитации на вышеупомянутом диване. Комплекс Обломова — еще Гончаровым подмеченная национальная черта. Виноваты всегда «обстоятельства», «общество», «среда». Эти «обстоятельства» нужны позарез, без них пришлось бы признать неприятную истину: ну не умеют такие активно строить собственную жизнь, отвечать за нее, отстаивать ее достоинство не в словесных баталиях, то бишь

«идейных спорах», а в реальном созидательном деле.

И потому так много людей у нас ищут «врагов». То «сионисты» мешают, то мировой империализм, то «коммуны». Побриться мешают, подмести подъезд своего дома, работать не левой ногой, а двумя руками, да еще непременно — руками умелыми.

Так что КГБ для героя картины подвернулся весьма кстати. Отныне он до конца своих дней будет считать себя жертвой режима и страдальцем, которому сломали жизнь.

Хотя его не пытали, не сажали и даже, по его собственному признанию, при первом решительном отказе — отступились. Да и не «предал» он никого — судя, опять же, по рассказу. Скорее, даже защитил доброе имя

всех этих американцев и японок. Чего ж так мучиться?

Да и сломана жизнь явно задолго до той встречи на Чистых прудах. И боюсь, не «обстоятельствами». Им самим.

Точно так же, как октябрьский переворот начался не с штурма Зимнего — тоже достаточно трагикомичного, — а с Радищева, Чернышевского, с декабристов, которые «разбудили Герцена», с «лишних людей», которые были «лишними» практически при любом режиме.

Трагедия России в том, что они на каком-то историческом этапе взяли верх и сделали «лишними» всех тех, кто мирно пахал и сеял, строил и изобретал не «во имя всемирного счастья человечества», а для того, чтоб накормить и обогреть себя, свою семью, своих близких, и эти маленькие усилия каждого в своем деле и составляли всегда прогресс и счастье того самого человечества.

Когда эти «лишние» трудяги стали окончательно исчезать с лица одной шестой части Земли, с ними исчезли и последние приметы благополучия.

Воцарились «люди с дивана», люди ослепительных теорий и полной неспособности что-либо делать. Они и заменили реальное дело этой злойшей мышью: возней: маршируем, «грозим шведу», комплексуем, бахвалимся, осуждаем, прославляем, поем величальные, изучаем труды, воспитываем в духе, вербуем... Одни доносят, другие доносы подшивают. Одни сажают за письмо, за телефонный разговор, анекдот. Другие бесслыно ненавидят на кухнях, не находя ровно никакой поддержки в предпочитающих коммуналный продавленный диван массах. И возник мир абсурда, равного коему и впрямь не знает человечество.

После фильма еще раз убеждаешься — там просто это наглядно показано, что эти два полюса: власть и такие ее жертвы — не более чем стороны одной медали. И они нужны друг другу, просто не могут врозь существовать. Ибо они — порождение одного маразмизирующего типа сознания.

Не потому ли, свергнув одну власть, ее оппоненты сегодня куют практически такую же.

То есть по-прежнему ничего не куят. Ибо умеют только разрушать. По-прежнему не вставая с дивана. И от этого наши митинги, накаленные идейные споры сегодня, как и вчера, — ни у кого! — не содержат ровно никакой реалистической деловой программы. Только — обвинения. Только — жалобы на разнообразные внешние силы, вечно мешающие достичь особой, лишь России присущей душевной гармонии, построить свет-

лое будущее в одной отдельно взятой стране.

У демократов — жалобы.

У более зубастых и менее щепетильных людей с партийно-административных диванов — угрозы.

И над всем этим — все более очевидный распад не только общества, но и составляющих его личностей. В этом смысле фильм о раскаившемся стукаче важен просто потому, что в его герое этот распад выражен нагляднее. Потому что он, герой, всегда, везде, совсем «лишний». Быть «лишним» — его кредо, удобная позиция, его профессия. Он не живет. Исполняет назначенную себе Роль. Вдохновенно и даже по-своему счастливо.

Когда-то «на театре жизни» играл журналиста.

Потом «агента», что дало массу приятных мазохистских ощущений, кульминационному всплеску которых мы и стали нечаянными свидетелями. Очищаться перед камерой соглашается именно так: пьяным, распавшимся, с показательной дрожью во всех членах.

Так — и только в России! — нищий на тротуаре обязательно обнажит грязную культю, омерзительную, но — убедительную, унижающую, удовлетворяющую потребность мазохиста.

На участливое режиссерское: «Ты же трясешься весь!» — герой почти радостно отзывается: «Да! Трясусь!» Мол, чем хуже, тем лучше.

Он год назад окрестился. Но, зная Димкин характер, можно с уверенностью сказать: молитва для него лишь новый способ самоедства. Не очищение, не просветление тут результатом, а все те же пьяные слезы, иступленное самоуничтожение. И это, конечно, путь не к храму, а — в бездну.

Интересно, что в фильме возникли эпизоды, не предусмотренные сценарием. Сам режиссер, Димкин друг и однокурник, появляется в кадре с рюмкой в одной руке и шкаликом в другой. Если в начале картины он пытался уговорить друга вернуться к жизни («Ты же умрешь, Димка, ты понимаешь это?»), то потом, отбросив эти неубедительно звучащие слова, впадает в тот же Димкин тон, в ту же привычную и комфортную истерику. И начинается исповедь новая, выводящая тему фильма далеко за пределы частного случая.

— У нас разная жизнь, Димка, но все равно чувство глубочайшего одиночества и бессмысленности прожитой жизни не покидает меня ни на минуту. Когда я вижу тебя в таком виде, ты понимаешь, Димка, я трясусь вместе с тобой. Нас можно, конечно, назвать вшивыми интеллигентами, слабаками, мелочью, которая не су-

мела справиться с трудностями жизни. Может быть, это и справедливо. Но моя жизнь тоже не состоялась. Может быть, мы могли бы сделать что-то большее и значительнее... Слишком много времени потрачено на чепуху, на бессмыслицу, на какую-то пропагандистскую гниль, на бред. Ты что думаешь, я не пью, да? Все время прячу рюмку, когда я дома, чтобы домашние не видели, не расстраивались. Улететь, улететь, чтобы не видеть все это. Да, Димка, мы слабаки. Ну, что же, кто-то в жизни должен быть и слабым.

(Наливает, выпивает.)

Интересно, что этот монолог, как бы адресованный только Димке (даже съемочная группа удалена), все-таки снимается камерой и входит в фильм, адресованный миллионам. Есть в этом какая-то сложная двойная бухгалтерия души — та же, что движет Димкой. Культя обнажается непременно для зрителей. Без аудитории этот акт бессмыслен. Между тем в монологе этом вся поэзия метаний, столь любезная сердцу профессионально «лишних людей»: «Улететь, улететь...», «В Москву, в Москву...», «где оскорбленному есть чувству уголок...», «Мисюсю, где ты...».

Романтика надземных порывов души в высотах, откуда все земное, повседневное, рутинное кажется пошлым и недостойным человека. Нужно «что-то большее и значительнее».

Но без земного и рутинного — не будет ни дома, ни зерна, ни Конституции, ни справедливого государства.

Последний эпизод. Доснят сразу после августовского путча. На тех же Чистых прудах. Димка трезв, выбрит, в чистом костюме, элегантен, изыщен — другой человек. (Трагизм преображений входит в мазохистский комплекс.)

— Димка, — говорит режиссер. — Если бы мне десять дней назад сказали, что рухнет весь этот большевистский бред, я бы не поверил. Скажи, нам с тобой найдется место в этой новой жизни?

— Нам с тобой? — переспрашивает Димка. — Вряд ли. Хотя черт его знает... Мы же не пробовали..

Мы же не пробовали — вот исчерпывающая формула сознания.

Теперь август 92-го. Попробовали. С тем же сознанием.

И вышел снова — сущий бред.

Я ТАК ХОЧУ, ЧТОБЫ ЛЕТО НЕ КОНЧАЛОСЬ...

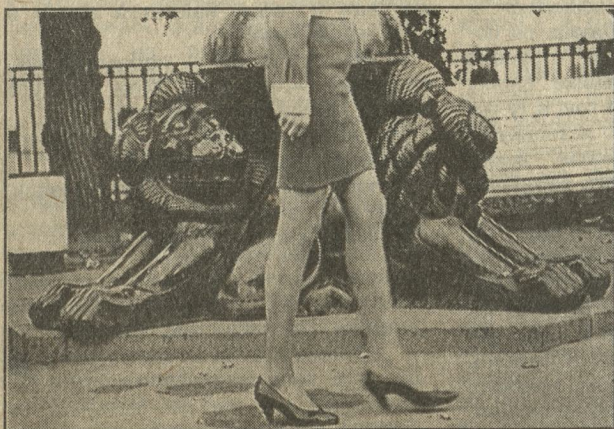

Фото
Александра
ТЯГНЫ-РЯДНО

Есть женщины в русских селеньях. И в больших городах тоже, оказывается, женщины есть. Как ни странно. Зимой их присутствие почти неощутимо: от пяток до колен — теплые сапоги, от колен до глаз — мех, от глаз до макушки — опять мех. Зато с приходом тепла...

С приходом тепла женщины вытаскивают из-под снега, скидывают темные футляры, распускают волосы, расцвечиваются яркими платьями, взбираются на каблучки-шпильки (или, наоборот, надевают мягкие тапочки без каблука). И каждый раз

поражаешься: до чего все-таки их много! Какие они все-таки разные! Молодые и не очень, ослепительно красивые и красивые не ослепительно, надменные и доверчивые, легконогие, загорелые, улыбочивые.

Да-да, летом все женщины улыбаются. Или не улыбаются, а просто щурятся на солнце. Приятнее думать, что улыбаются.

Летом женщины становятся, как никогда, беззащитны — по причине облегченного туалета. Особенно беззащитны они в переполненном общественном транспорте: «Мадемуазель, после такой поездки я, как чест-

ный человек, вынужден сделать вам предложение...»

Вон той дамочке, видимо, тоже предложение сделали... Месяцев этак восемь назад. И ведь поди ж ты, выглядит вполне счастливой, хоть пеленка и стоит нынче сотню. Летом на улицах обнаруживается такое невообразимое количество беременных гражданок, что «демографический кризис» и «вымирание нации» кажутся смешными придумками ученого зануды, которому лень выползти из своего прохладного кабинета и втиснуться в троллейбус.

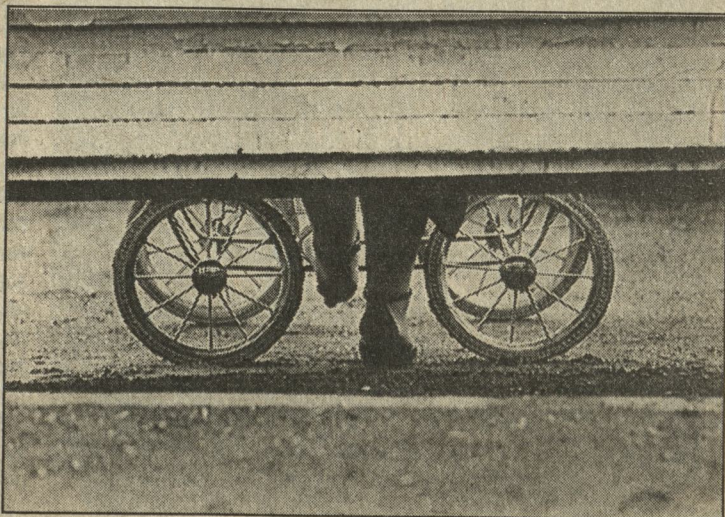
Кто сказал, что в столице летом ма-

ло зрелищ? Подумаешь, ленкомы-сатириканы на гастроли разъехались! Нечего по театрам рассиживаться. Отправляйтесь лучше на бульвар — созерцать женщин. Причем бульвар не обязательно должен быть московским. Подойдет бульвар в Питере, в Сочи, во Владивостоке, а также главная улица в деревне Собакино. Лучшего зрелища никакой Гранд-опера вам не предложит.

Жаль, теплых дней в России намного меньше, чем, скажем, в Бразилии. А я так хочу, чтобы лето не кончилось... Вопрос женской половине населения: угадайте, почему?

Кирилл РЫБАК

В А Л Е Р И Я

Ей везло. Впервые в жизни повезло — с родителями. Валерия выросла в уютном городе Саратове, в семье академических музыкантов. С пяти лет занималась музыкой. Окончила музыкальную школу по классу фортепиано. Но петь хотелось больше, чем играть.

Вторым везением было то, что родители Валерии не стали силком навязывать дочери свой путь. Не хочет дочь становиться профессиональной пианисткой — что ж, не нужно, насильно мил не будешь. Пусть станет хорошей певицей.

Семнадцатилетняя Валерия приезжает в Москву — и новое везение. Не имея среднего специального образования, она сумела поступить в высшее учебное заведение — Государственный музыкальный педагогический институт имени Гнесиных, что — огромная редкость.

И вновь неожиданный фарт. Подруга Валерии в то время пела в одном элитарном московском клубе — «Таганка блюз». Ей нужно было уехать куда-то, и она попросила Валерию заменить ее на время. Та поначалу отказывалась — петь в ресторане, перед жующей публикой, как можно... но, наконец, неожиданно для себя согласилась. Словно чувствовала — что-то должно произойти.

И действительно, в тот вечер в зале (опять же совершенно случайно) оказался западногерманский продюссер Франк Моно (тот самый, который основательно сотрудничал с группой «Скорпионз»). И через несколько дней Валерия была в ФРГ, делала первые пробные записи.

И началось — записи, записи, пробы, клипы... Джинглзы — музыкальные заставки вроде «Европа плю-ю-юс»... Но только не концерты.

— Я не работаю концерты, — объясняет Валерия. — Времени жалко. Нужно делом заниматься.

Одна только популярная среди музыкантов фраза — «работать» концерты — уже многое объясняет. Увы, прошли те времена, когда известные артисты разъезжали по забытым городам и деревням, где все им были рады и под каждым им кустом был готов и стол и дом. Сейчас все стараются побольше содрать со «звезды», и желательно в валюте. Чтобы окупить все расходы, приходится в этих турне «работать» минимум по 40 выступлений в месяц, возить с собою фонограмму (брать весь ансамбль — дорого), да и петь под ту же фонограмму, не «вживую» — скучно. Вот и отношение к гастролям — как к денежной халтуре, творчеством там и не пахнет.

Но это не для Валерии. Все, что она делает, конечно же, должно приносить ей дивиденды. Но далеко не в первую очередь финансовые. Главный дивиденд — самореализация. Сознание того, что она хорошо делает любимое дело. А деньги — их все равно все не заработать. Но иногда они приходят сами. Случается, позвонят с какой-нибудь богатой фирмы: «Нам нравится, как вы поете, мы очень хотим вам помочь». Начнешь с ними разговор о взаимных обязательствах, о рекламе... «Нет, — отвечают, — нам от вас ничего не нужно. Вы нас неправильно поняли, мы хотим помочь бескорыстно. Вас такая-то сумма устраивает?»

И неизвестно, что радует больше — сумма или сам звонок.

Многие коллеги недолюбливают Валерию. И есть за что. Мало того, что она не «промышляет» коммерческими вояжами, так Валерия еще и не завсегда тайствует ни в одной музыкальной «тусовке».

— И слово какое-то противное, — говорит она, — «тусовка». Нет, не хочу.

Но здесь, пожалуй, и «не хочу», и «не могу». В отличие от большинства своих коллег Валерия не курит, совсем не употребляет спиртного, даже пива и шампанского, не ест и мяса. Не переносит мата. И не только мата — многие слова, ставшие в последнее время «литературными». Изредка зайдет в какое-нибудь общество по делу — на пятнадцать минут. Не жалуется и рестораны.

— Я не понимаю, как можно петь красивые, благородные песни, а потом «отдыхать» в этих, действительно, «кабаках».

Валерия — искренний человек. Во всем. Возможно, болезненно искренний. Во всяком случае, петь одно, а делать другое она считает крупной ложью.

Конечно, она не затворница, конечно, она общается со своими немногочисленными друзьями (стать ее другом очень сложно), ходит в гости, принимает гостей... Но о том, чтобы держать свой «салон», не может и речи идти.

— Очень мало времени. Всего не успеть. Либо «салон», либо работа. Я выбираю второе.

К сожалению, многие коллеги считают это высокомерием. И появляются враги. Иногда они пытаются строить козни, часто злобуются... Но все это — мимо. Валерию не просто уязвить. Она — в ином, недоступном праздным пакостникам измерении. Она — в своих песнях.

У Валерии и досуга-то нет в привычном для обывателя смысле слова. Нет разделения, разламывания жизни на отдых и работу. Жизнь ее цельна. Все, что бы ни делала певица, имеет самое прямое отношение к ее творчеству. Будь то ежедневная азробика, шейпинг, изредка — видео, конечно же, чтение. И не только на русском. А во время, казалось бы, отвлеченных бесед вдруг приходят сугубо музыкальные идеи.

И это слияние, неразделение — одно из следствий ее искренности. Ведь Валерия и на сцене, и в песне не ищет искусственный имидж. Певица, актриса играет себя самое. Конечно же, это нельзя понимать буквально. Если она говорит «я люблю», вовсе не значит, что она в этот самый момент страдает от безумной любви к кому-то, кого через куплет вдруг жутко возненавидит.

— Мой «лирический герой» в чем-то главном, конечно, похож на меня, но в конкретных деталях отличается. Как «Детство» Льва Толстого — повесть, в общем, автобиографическая, но героя и зовут иначе, и обстоятельства, в которых он оказывается, — другие.

Странно (а может, и не очень странно, если учесть нравы нашего музыкального мира), но иностранные специалисты гораздо выше ценят творчество Валерии, чем отечественные. И ее первый альбом — «Тайга Симфони», музыку к которому написал композитор Виталий Бондарчук, подготовлен за рубежом. Ее продюсеры — известные Ричард Найлз и Ричард Мейнверин. Основные партии исполняют музыканты из групп «Пинк Флойд», «Дайер Стрэйтс», «Пет Шоп Бойз»... И только оркестр — наш. Московский Государственный академический симфонический оркестр под управлением Павла Когана. Ведь русскую музыку может чувствовать и играть только русский оркестр. Даже если слова — на английском, «национальность» песен не меняется.

Правда, Валерия немного приостановила выпуск альбома. Причина — боль за русскую культуру.

— Она погибает. И я не могу равнодушно на это смотреть. Я должна что-то делать.

И Валерия выпустила прежде альбом русских романсов «Побудь со мною». Опять же по заказу иностранцев — английской

фирмы «Олимпия». А «Тайга Симфони» выйдет этой осенью.

Перечитал написанное и испугался. Я настолько увлекся редким в наше время сочетанием душевных и деловых достоинств своей героини, что получился весьма однобокий портрет. Валерия отнюдь не ханжа, не зануда, не сноб. И простого, человеческого в ней гораздо больше, чем ожидаешь увидеть в «звезде». Валерия — мила и женственна, она очень любит своих родителей, любит еще одного человека. Валерия радушная хозяйка, она обожает готовить. Есть у нее даже собственные кулинарные изобретения. Например, такое: берется полпачки корнфлекса, 2 яйца, 2 столовые ложки растительного масла, 2 столовые ложки меда, немного изюма, немного каких-нибудь фруктов. Все это перемешивается и запекается в духовке. А готовый пирог желательно посыпать семенами сезама.

Валерия любит китайский жасминовый чай, любит своего маленького бультерьера. Но больше всего на свете она любит Свое Дело. И если случайно увидит себя по телевизору — не может сдержаться. Подпевает себе.

Сергей ТУМАНОВ

IVA LTD

**В Москве за рубли.
Первый миллион**

компакт-кассет

из Германии

фирмы BASF

новой серии

Ferro Extra-C90

оптом

и в розницу.

Магазины «Юпитер»

и «Мелодия»

на Новом Арбате.

Тел. для справок

291-20-24

САМЫЙ СМЕШНОЙ ТОМ «ЛИТЕРАТУРНОГО НАСЛЕДСТВА»

«Валерий Брюсов и его корреспонденты», М., 1991

Если Максимилиан Волошин, прятаявший у себя в Коктебеле друг от друга то белых, то красных, вызывает у нас однозначную симпатию, то мечущийся Брюсов, по мнению Федора Степуна, за коллаборационизм лишенный поэтического дара, гораздо более загадочен. А переписка его проливает порядком света. Правда, запущенный три года назад том «Литературного наследства» не блещет сексуальными откровениями вроде тех, что были опубликованы в знаменитом (где вы видели, чтобы журнал толкали по сто рублей?) 11-м номере «Литобоза», но все равно замечателен. Хотя бы тем, что безумно смешон. Взяты переписку с Бальмонтом. В ней и самый непросвещенный читатель найдет массу достопримечательного. Например: «Дорогой Бальмонт! ... Ты пишешь мне, что имя Бальмонт — священное имя в русской литературе. Да. Но имя Валерий Брюсов — тоже. Вот почему именно на Валерия Брюсова падает тяжкий долг — говорить Бальмонту то, что другие ему не говорят, не смеют сказать».

Николай МАЛИНИН

«ГИННЕСС» ДО ДОБРА НЕ ДОВЕДЕТ!

«Обрученные страхом» США, реж. Льюис Тиг

Боже, куда что девается! Где ты, Рутгер Хауер — гениальный слепой, расшвыривающий десятки зрячих амбалов в «Слепую ярости», или робот-убийца с ледяным взглядом из «Бегущего по лезвию бритвы», или неотразимый разбойник с большой дороги («Плоть+кровь»), или неумолимый маньяк из «Попутчика»? Где ты, стройный, худощавый, голубоглазый Хауер с видеокассет, разбивший не одно сердце российских дам (признаюсь, я ревновал к тебе даже собственную жену, вроде бы не всерьез вздыхавшую: «Вот настоящая мужчина...»)? Что случилось с тобой, старина Рутгер, когда ты наконец прорвался на наш большой экран? Ты ли это — обрюзглый, с двойным подбородком и неопытным брюшком? Ну, очечки — понятно, по роли профессора-электронщика, которого коллеги по ограблению банка — неверная любовница и друг, оказавшийся вдруг, — довели до тюрьмы и ошейника, который должен взорваться, как только ты попытаешься рвануть на свободу. Нет, ты, конечно, сбежишь и вдобавок с красивой напарницей, отомстишь и коварным изменщикам, и жестокому начальнику тюрьмы, а чемоданчик с миллионами в финале крепко прижмешь к груди. Но какой же это тяжелый и натужный, на последнем издыхании, бег, бег пожилого человека с одышкой, а не бег настоящего героя. Ну, плохой фильм, кто спорит. Ну, запутались авторы в двух соснах между боевиком и комедией. Ну, получилось ни то ни се и сбоку бантик. Но ты-то, дружище, как во все это вляпался? И зачем? Да, знаю, знаю, сам не раз читал в нашей печати о тяжелой жизни кинозвезд в мире чистогана. Яхты, виллы, скакуны, жены (еще почище наших, небось, обдирают?). Естественно, приходится подрабатывать.

А ты, как я слышал, по рекламной части ударился — пиво «Гиннесс» рекламируешь. Пиво хорошее, слов нет, довелось как-то пробовать. Но ты, наверное, все же увлекся сверхурочными и дегустацией. И вот результат. Уж и не знаю, что тут посоветовать. Может, спортивный режим? Знаешь, зарядка по утрам, пробежка вокруг дома, холодный душ и никакого хлеба. Или вот что! Переходи-ка на наше, жигулевское. Только обязательно разливное — в нем калорий меньше, а воды больше, да и, скажу по секрету, не всегда ты его пить захочешь. Так, глядишь, снова в форму войдешь. А я в знак мужской солидарности отныне обязуюсь тоже пива (марки «Гиннесс», конечно) в рот не брать. Одним словом, держись, старик. Я с тобой. Кстати, жена тебе привет передает и тоже надеется.

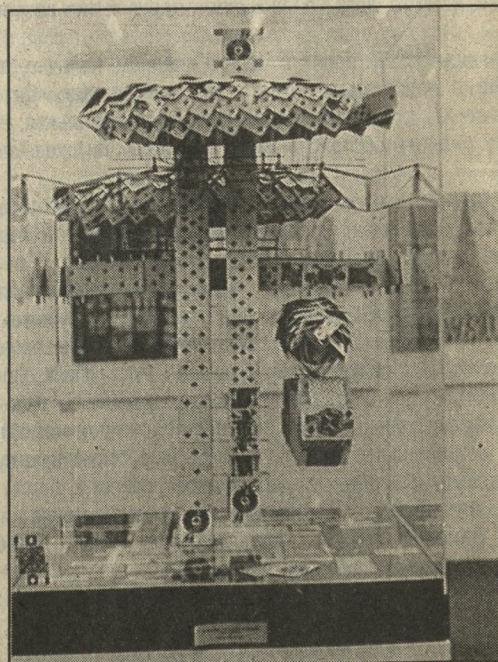
Петр СМЕРНОВ,
убежденный ненавистник
«Гиннесса»

КАЖЕТСЯ, ЧТО-ТО БУДЕТ...

Межсезонье в московских галереях

Закрытие художественного сезона в начале лета ознаменовалось небывалым

«урожаем» вернисажей: по три-четыре каждый день... Кажется, не было ни одной московской галереи, которая не задалась бы целью непременно удивить публику перед затишьем. И все-таки удивить не удалось. И не потому, что выставки были плохими, — отнюдь. Дело в том, что на последнее время приходят одни и те же люди: искусствоведы, галеристы, журналисты, околохудожническая публика. Они когда-то были инициаторами знаменитой 17-й Молодежной, которая, собрав в тесных залах на Кузнецком мосту роскошный букет будущих новых классиков, произвела революцию в мире художников, а потом рассыпалась звездочками собственных мини-копий по районным выставочным залам. Чем же удивили их, создателей новой мифологии. Они, тонкие гурманы, рафинированные эстеты, теперь получают удовольствие от чисто формальных поисков галеристов, сопрягавших художников, чьи герои сходны чувственной физикой и эстетической метафизикой («Дуэты», МАРХИ), или демонстрировавших корни геометрического абстракционизма на примере

Экспонат одной из выставок в МАРХИ

московского опыта («Уроки Магницкого», Центр современного искусства)... В общем, только для знатоков. И, знаете, всякий раз возникало ощущение, что выставка готовилась как бы специально ради одного вечера — вернисажа. Словно знатокам, замкнувшимся в своем очень узком и очень приятном кругу, и не нужен больше никто — ни зрители, ни даже пресса. Интересно, что происходило после вернисажа? Учитывая экономические проблемы (не до выставок!) да известную фразу Хосе Ортега-и-Гассета о том, что «широкую публику возмущает, что ее надувают, она не умеет находить удовольствие в этом восхитительном обмане искусства, тем более чудесном, чем откровеннее его обманная ткань», — учитывая все это, задаешься вопросом: бывают ли вообще в галереях посетители с улицы?

И еще один вывод после вернисажного марафона начала лета: кажется, что-то будет. Что именно, не знаю. Подобное предгрозовое ощущение помнится из 1986 года, а потом «случилась» 17-я Молодежная. Сейчас ситуация уже готова к качественному изменению: галерей предостаточно; они вроде бы уже наигрались с формальными штучками; художники, в принципе, нашли каждый, что хотел... И так, «шарик» надут. Может быть, уже в этом, новом, сезоне он лопнет?

Елена СКВОРЦОВА

БОМБА ДЛЯ ПРЕДСЕДАТЕЛЕЙ

«Крысинный угол», к/ст «Ирэн», реж. А.Андронников

Говорят, что хуже зрелища молодого пессимиста только зрелище старого оптимиста. Но по последним данным, в обилии представляемым отечественным жанровым кино, хуже и того и другого вялотекущий боевик. В данном случае мы имеем дело с боевиком не только вялотекущим, но и

инфекционным. Состоит он из сплошных общих мест, кочующих из одного совбоек в другой, — «красная мафия», прижучивание (с откупом) инбизнесменов с помощью институтков самодетельной «полицией нравов», наркоман с просветленным взором российского юридического, номенклатурная баня с девушками, владеющей боевыми искусствами и пострадавший за несговорчивость главный герой. Так что специальных, только к нему относящихся претензий к «Крысиному углу» ввиду его инкубаторского происхождения предъявить нельзя. Но некоторая собственная пикантность в нем все-таки имеется. В центральных ролях в нем заняты два председателя — двух профобъединений кинематографистов: председатель гильдии актеров Е.Жариков и председатель гильдии каскадеров А.Иншаков. Картина так герметично, так непоправимо и окончательно непрофессиональна и пошла (чего стоит только смакование развратности номенклатурных мафиози в бассейне с девочками — в меру авторского плосковатого представления о разврате), что и игра председателей в ней выглядит явно фальшиво. А вдруг коллеги обоих усомнятся в профессионализме своих глав и сделают оргвыводы?

Виктория БЕЛОПОЛЬСКАЯ

ВСЯ МУЗЫКА...

«Марина Тарасова». Р.Шуман, Ф.Шуберт и т.д. Диск фирмы «Мелодия»

Пластинка с давними радиозаписями, заказанная и оплаченная фирмой «ЧЕТЕК» (тираж — 15 000 экз.), наконец вышла, но не появилась в продаже... «Замечательная советская виолончелистка, лауреат международных конкурсов исполняет практически всю мировую классическую и современную музыку для виолончели» — такой мощный рекламный пассаж на конверте предваряет содержание самого диска. Кто спорит, почти все наши солирующие музыканты замечательно приспосабливаются к нищенскому и зависимому существованию в условиях совкового артрынка. Но даже вместе взятое творчество великих артистов, свободных и скромных — Пабло Казальса, Мстислава Ростроповича, Жаклин Дюпре и Натальи Гутман, — не вместит в себя «практически всю мировую классическую и современную музыку для виолончели». Да и зачем это? Что же до изданных «шедевров-миниатюр», в основном из репертуара музыкальных школ и училищ, то замечательная советская Марина Тарасова реализовывает пластмассовый тираж, увы, самостоятельно.

Г.К.

P.S.

С.Юрский и О.Яковлева начали работу над пьесой Э.Ионеско «Король мертв», которую ставит французский режиссер П.Франсуа. Спектакль будет существовать только на французском языке, но есть надежда, что его покажут не только в Париже, но и в Москве, где русскоязычный зритель сможет хотя бы оценить костюмы П.Каплевича.

IV фестиваль «Созвездие» Гильдии актеров кино России решил изменить традиционной оседлости и будет проходить на комфортабельном волжском теплоходе в пути между Москвой, Угличем, Костромой и Нижним Новгородом. Судьбу множества призов и специальных наград предстоит в это время решить актерскому жюри во главе с Е.Матвеевым.

Певца Валерия, успевшая покорить талантом бывший Союз, начала завоевывать популярность на просторах бывших социалистических стран. В связи с ее победой на международном конкурсе «Братиславская лира—92» журнал «Столица» поздравляет Валерию и желает ей в дальнейшем успехов, удач и процветания.

Осенью в Музее архитектуры пройдет первая из задуманной серии выставок-продаж «Русское частное жилище», где современные проекты домов, усадеб и дизайна интерьеров будут соседствовать с произведениями русских зодчих из фондов музея. В планах также итальянская выставка «Архитектоникум», монографическая экспозиция к 100-летию основоположника советского конструктивизма М.Я.Гинзбурга, «Мир архитектуры в рисунках М.А.Минкуса» и другие интересные вернисажи.

Екатерина
ГОНЧАРЕНКО

У ВАШЕГО КРЫЛЬЦА СНИМАЮТ КОЛОКОЛЬЧИК...

Всякий раз, стоя перед закрытой дверью, я гадала: «Откроют или нет? Сохранились ли эти обломки прошлого или уже исчезли?» И каждый раз мне открывали. Вежливо пропускали внутрь, денег за вход не брали. Внутри был свой мир, замкнутый в нескольких комнатах. Остановившееся время. Всякий раз я оказывалась единственной посетительницей, поэтому не было чувства, что я нахожусь в музее. Скорее — что я пришла в гости, а хозяев как раз нет дома. Вместо них меня встречает, ну, скажем, домработница, которая, пользуясь отсутствием хозяев, не прочь о них порассказать.

МАНЕЖНАЯ, 9

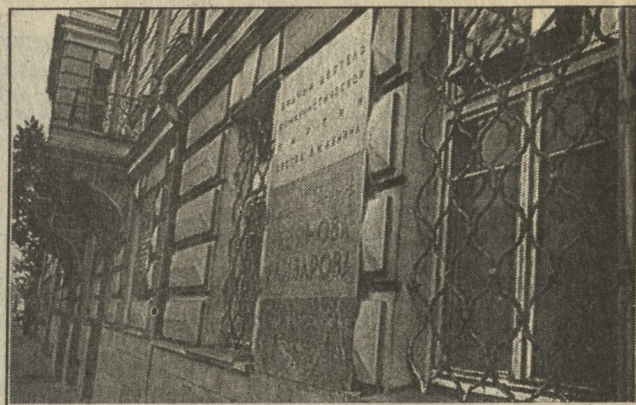
— О чем вас чаще всего спрашивают?

— О жизни Анны Ильиничны, о борьбе. Об Инессе Арманд. Она ведь в этом же доме жила. Еще до перестройки очень интересовались... Мы отвечали: «Ничего не знаем, доказательств не имеем. Ну, теперь и переписка их с Владимиром Ильичем опубликована, сомнений больше нет. У Анны Ильиничны с ней были очень хорошие отношения. И с Надеждой Константиновной отношения тоже были очень хорошие...

Музей-квартира А.И.Ульяновой-Елизаровой, старшей сестры Ленина. Находится в очень своеобразном месте — на длинном и узком острове в самом центре города. Манежная и Моховая, как две реки, отрезали его от официальной, парадной части города. Справа Кремль, толпы иностранных туристов, слева — Библиотека имени Ленина. А здесь старушки сидят на лавочках, во дворах бурьян и битый кирпич, ходят жильцы в тренировочных штанах и с батонами хлеба. Одинокие приезжие, которые уже побывали в Мавзолее и не достали билетов в Большой театр, иногда сюда забредали.

— Но чаще всего к нам с экскурсиями приходили. Перед праздниками очень много экскурсий было. Едва в квартире разместились — а ведь у нас комнаты большие. И в пионеры у нас принимали. И музыкальные вечера устраивали. Известные артисты пели — нам надо было культурную работу проводить.

Комнаты действительно большие, с высокими потолками, но кажутся пустыми и какими-то прозрачными. Аскетический быт профессиональной революционерки. За широкой узкой кровать. Эта же

Музей-квартира А.И.Ульяновой-Елизаровой

комната использовалась как кабинет: стол со всякими канцелярскими побрякушками и большевистской литературой, уродливые круглые очки, способные обезобразить любое лицо. Над всем этим можно иронизировать. Иронизировать не хочется совершенно.

Старшая сестра Ленина. В молодости была красива. В биографии длинная цепочка дат — аресты, ссылки. Здесь жила после революции с племянниками и воспитанниками. Потом умерла, квартира превратилась в обычную коммуналку. Десять лет назад решили создать музей. Восстановили интерьер, вешали на стены телефоны того времени (только теперь — без прямой связи с Кремлем). Все это еще и как музей быта интересно. В кухне на плите целая коллекция чугунных утюгов — от самого большого, размером с мужской ботинок, до миниатюрных, с металлическими кружевами по бокам. Замечательные утюги.

Вероятно, я была здесь последней посетительницей. Скоро музей все-таки закроют. В комнатах разместится, как говорят, кремлевская охрана. Утюги вместе со всем остальным отправятся в запасники музея Ленина. А что будет с самим музеем Ленина — этого уже никто не знает.

ВЕСНИНА, 9/5

— Сейчас мы покажем вам самое большое наше сокровище, — предупредили меня.

Сокровище находилось за плотно запертыми дверями. Обычных посетителей туда не пускали. И правильно — в любой момент кусок лепнины мог упасть на голову.

Очень красивая комната в стиле модерн. Двухэтажная, на второй этаж ведет изогнутая лестница. Вдоль стен удобные низкие диваны. Идеальная акустика — комната предназначалась для музыкальных вечеров. И здесь действительно пел Шаляпин, читал стихи Маяковский. Только квартиру строил для себя известный юрист того времени Мандельштам. Сидел же с гостями на диване и слушал Маяковского совсем другой человек...

Чтобы попасть сюда, надо войти в старый и очень грязный подъезд, где половина стекол выбита, а половина — покрыта толстым слоем пыли, подняться наверх в грохочущем лифте. На одной из дверей табличка: «Луначарский». И ниже еще одна: «Народный комиссар дома по делам не принимает. Все заявки направлять в секретариат Наркомпроса». Человек неподготовленный может от этого слегка повредиться...

Посетителей просят расписаться и поставить дату. Заодно можно посмотреть, когда была сделана предыдущая запись — ровно десять дней тому назад.

Кабинет наркома красив. Шкафчики с книгами, великолепное бюро. На бюро белая статуя сидящего Ленина, который любит кокетливым диванчиком у противоположной стены. Помимо целого Ленина есть еще голова Маркса — на чернильном приборе, присланном в дар итальянскими рабочими.

Бросается в глаза то, на что лет пять назад не обратили бы внимания. Изпод слоя 20-х, 30-х годов четко проступает предыдущий, из той, дореволюционной России. Вот и у Ульяновой-Елизаровой в одной из комнат слишком красивые, изысканные обои. Оказывается, таков был вкус прежних хозяев. На телефонных аппаратах написаны названия фирмы, тоже, вероятно, году в 18-м бесследно стинувшей. И камин в одной из комнат у Луначарского слишком хорош.

В комнате этой, как мне объясняют, был «будуар» второй жены наркома, актрисы Розенель. (В квартире Анны Елизаровой будуар, конечно же, вообразить себе трудно.) Как раз и камин пригодился.

ОСИПЕНКО, 30

Как многие технари, он писал стихи. Как многие люди его поколения, писал их о долге, о борьбе, о пути вперед рука об руку.

Сейчас листочки с этими стихами разложены на столиках под стеклом. Сверху они прикрыты суконными тряпочками — чтобы не выцветали от солнечных лучей.

Еще он дружил с Лениным. И даже вместе с ним основал коммунистическую партию. В энциклопедии так и написано. «Кржижановский Глеб Максимилианович... Член Коммунистической партии с 1893 года». Скоро, значит, можно столетний юбилей справлять. Жаль, КПСС не дожила.

На полках книжных шкафов у него стоят портреты Чернышевского и Белинского. Всякий раз, когда речь заходит об этих портретах или об отношениях с Владимиром Ильичем, заведующий музеем торопливо начинает оправдывать Кржижановского, как будто речь идет о его старом приятеле, который, хоть и делает иногда глупости, но вообще-то — отличный мужик. «Что теперь поделать — дружил он с Лениным. Как не дружить — даже жены их в ссылку вместе ехали... Но этот

Музей-квартира Г.М.Кржижановского

план ГОЭЛРО — ведь он совсем неплохой. И с женой у него была большая любовь. Сейчас молодежь про такую любовь разве знает? Один только рок и конкурсы красоты».

Кабинет заведующего расположен в комнате, где при жизни хозяина квартиры был туалет. На стене висит портрет Кржижановского. Пониже — жены, с которой была большая любовь.

Интересно, как эпоха отражается на лицах. Похожа на Ульянову-Елизарову — широкие скулы, детские глаза революционных барышень, учительских дочек. Под портретом невключенный радиоприемник — страстный женский голос шепчет что-то настолько эротическое, что у меня и моего собеседника краснеют уши. Зря краснеют — все эти стоны и вздохи нужны неведомой красавице, чтобы сообщить об услугах, которые предлагает какая-то фирма. Интересно в эпоху зарождающегося капитализма сидеть в квартире у человека, который всю свою жизнь этот капитализм разрушал. Кстати, до революции Кржижановский был коммерческим директором — знакомое нам теперь слово — одной из фирм, которая в этом же доме и располагалась. Какая сила потащила его под партийной кличкой

Суслик бороться за победу коммунизма?

— Скажите, вам интересно? — спрашивает меня заведующий.

— Интересно, — отвечаю я совершенно искренне.

В общем-то, каждая из этих квартир — драгоценность. Они дают возможность хоть как-то приблизиться к самому сложному, самому непонятному периоду русской истории — русской революции. Вот здесь, в этих комнатах, и жили все эти «отличные партийцы», «люди с загадом», «большевики с большой душой», пили чай, читали газеты, ходили друг к другу в гости. Потом в их комнатах принимали в пионеры и пели тенора. Потом про эти квартиры забыли, и вот уже одну из них навсегда выкорчевывают из московской жизни.

...На двери квартиры Ульяновой-Елизаровой, там, где в современных домах вырезан глазок, находится металлический винтик с надписью: «Просьба повернуть». Прежде чем войти туда, я повернула. Внутри раздался необыкновенно нежный, мелодичный звон колокольчика. На звуки нынешних звонков он был совершенно не похож.

Интересно, оставят ли новые хозяева квартиры колокольчик?

Фото Э.Кудрявцового и В.Косарина

Музей-квартира А.В.Луначарского

Вечно эти странные москвичи все переименовывают. Даже архитектора Иосифа Джовани Бова переименовали в Осипа Ивановича Бове. Ну, ладно уж, Осип Иванович и впрямь привычнее, но чем Бове Бовы москвитее?

Зодчий обиделся и развернул посреди влюбленной в свою путанность столицы совершенно симметричную площадь. Но ушлые прихожане сорока сороков ту симметрию быстрехонько нарушили, а в центральное здание площади, в Большой театр, самым честным образом влюбились. Особенно в его коней.

«...На широкой площади, — восхищался Лермонтов, — возвышается Петровский театр, произведение новейшего искусства, огромное здание, сделанное по всем правилам вкуса, с плоской кровлей и величественным портиком, на коем возвышается алебастровый Аполлон, стоящий на одной ноге в алебастровой колеснице, неподвижно управляющий тремя алебастровыми конями и с досадою вззирающий на

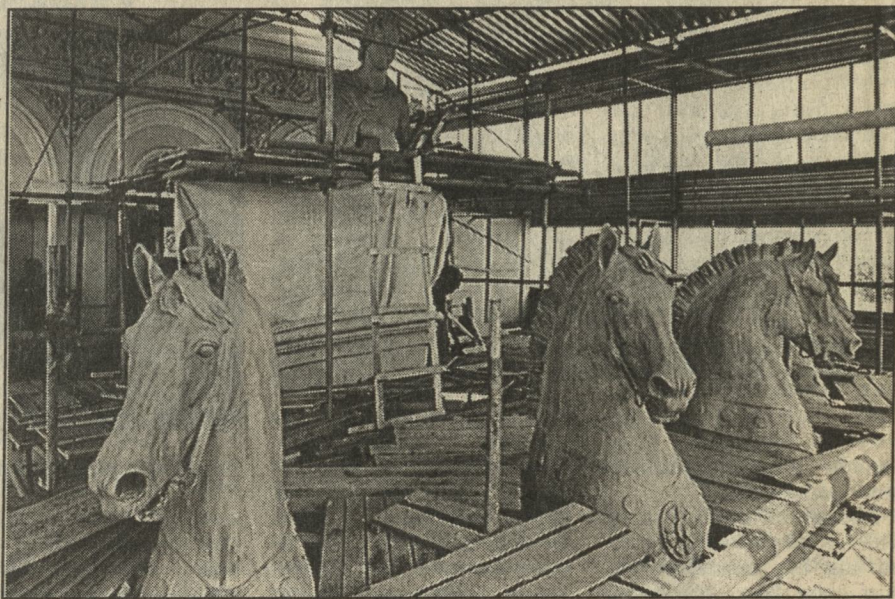

Фото В. Шишова

КВАДРИГА

*И на театре вздыбленные кони —
Издадека их Медный всадник видит!*

Н.Никишин, из московских этюдов

кремлевскую стену, которая ревниво отделяет его от древних святынь России!..»

Не беда, что поэт не заметил четвертую лошадь, — беда, что 11 марта 1853 года театр начал гореть. Хорошо, не вечером, не во время спектакля... Театр горел двое суток и около недели тлел. Долго потом судачила Москва о подвиге ярославского крестьянина Василия Марина, который по случайности опоздал на поезд, оказался на пожаре и, взобравшись на пламенную крышу по водосточной трубе, спас театрального рабочего:

— Трещит труба, — рассказывал герой, — не больно. крепка была, голубушка, да, стало быть, так уж угодно было Господу, и я стал на твердую ногу...

Но через несколько лет архитектор с забавным именем — Альберт Катеринович Кавос (его уж ни во что не переделывали) — человек, потешавший знакомых «своим коверканьем всех языков, на которых он говорил», отстроил театр заново. И место для коней поэффектнее отвел. Их, по модели Клодта, отлили на заводах герцога Лихтенбергского из металлического сплава, покрытого красной медью.

Мало где указано их авторство. Главный архитектор театра Алевтина Ивановна Кузнецова считает, что причиной тому — чувство вины Клодта перед другим скульптором, Пименовым. Дело в том, что чуть раньше Пименов выполнил коней для Нарвских ворот в Петербурге. Но они не понравились императору — «имеют худую фигуру». Тогда из Комитета по соору-

жению ворот пришла рекомендация: «А как известно... что г. барон Клодт занимается ваянием животных, особливо коней, с отличным искусством, то Ваше Высочайшее превосходительство не оставили бы пригласить и сего художника к деланию таковых же моделей...». Клодт хотел отказаться, но коллеги отговорили его. Скульптор выполнил заказ, стал знаменитым и в память Пименова (не вынесшего обиды и умершего) создал квадригу. Очень похожую на квадригу Александринского театра в Петербурге, работы опального ваятеля.

И новых коней москвичи полюбили. Говорили, что в городе всего два трезвых кучера — один здесь, а другой — на Триумфальной арке. Квадрига заставляла мыслить. Усомнившийся Макар, например, из одноименного рассказа Андрея Платонова смотрел на Большой театр и видел «дом со столбами. Столбы те держали наверху четверку чугунных лошадей, и можно бы столбы сделать потоньше, потому что четверка была не столь тяжела».

А Анатолий Мариенгоф думал другое: «Над Большим театром четыре коня взвились на дыбы. Рвут вожжи и мускулы на своих ногах. И все без толку: толстоколонный домике — недвижим».

И говорил ему Сергей Есенин:

— А ведь мы с тобой вроде этих глупых лошадей. Русская литература будет потяжелее Большого театра.

Но состарился театр, состарились кони. Дружественный мне коллега преддекал

полтора года назад в нашем журнале, что пройдет немного времени — и рухнет Большой, а лошади якобы уже почти развалились. И чтобы скрыть этот факт от иностранцев, над ними устроили скворечник-конюшню.

Не сбылось шальное предсказание. Не прав пророк в Отечестве моем. А коней, и Аполлона, и колесницу, и венок на голове у Аполлона, и кифару у него в руках я видел сам. Заканчивается реставрация, и скоро их откроют. Пока же — чистят песком. Он, впрочем, только называется так — «песок». На самом деле это электрокорунд, просто технология именуется — «метод пескоструйной очистки». На него потребовалось три с половиной тонны песка.

— Сразу покрасить их невозможно, — говорит руководитель работ Алексей Захаров. — Свинец, который имеется на поверхности, отторгает любую краску. Надо все покрыть медью, чтобы она лучше держалась.

Жизнь не из легких. Приходится работать в душном сарае — ведь снять скульптуру нельзя — она очень тонкая и боится прикосновений подъемного крана. Процесс же вредный, и лица рабочих безрадостны. А занято там около 30 человек.

Но к сентябрю все должно закончиться, и квадригу обещают открыть. Она будет зеленого цвета, и краску не смоют дожди.

Алексей МИТРОФАНОВ

Наталья ИВАНОВА

В кругу себя

Совместными усилиями нескольких поколений литературных надсмотрщиков смех был задвинут на периферию отечественной словесности. И правда, в смехе всегда таится что-то действительно подозрительное. Скажем прямо — несерьезное. Великие писатели не смеются, а хмурят лбы, сверлят глазами и супят брови. Позволяют себе (и читателям) смеяться те, кто помельче; вот наш стереотип. Повторяю: не сама словесность, не Достоевский с Чеховым, а навязанный казенщиной стереотип их восприятия.

Приличествовало ли настоящему поэту, а следовательно, по всем канонам прогрессизма свободомыслящему человеку еще до 1985 года сочинить (хоть бы и для домашнего употребления) нижеследующие строки:

*Если едут диссиденты
Нас с тобой освобождать,
То победного момента
Нам с тобою долго ждать.*

*Если для себя свободы
Добиваются они —
Выпьем, Лева, пиво-воды,
Или лучше коньяка.*

Нет, не приличествовало. Поэту была предписана гражданская скорбь, а он (Д.Самойлов) чуть ли не скоморошествовал.

Смеху в литературе отводилось примерно то же самое место, что и частной жизни, неофициальной домашности, культу задушевного приятельства и любовных сражений — в жизни общества. Может быть, именно поэтому они — то есть смех и частная жизнь — столь непринужденно и по-домашнему сошлись в сборниках Давида Самойлова, изданных при его жизни всего в трех машинописных экземплярах.

«В кругу себя» — так будет называться книга, которую до конца текущего года намерено выпустить издательство «Весть». А пока — фрагменты будущей книги появились в № 5—6 журнала «Дружба народов» в разделе «Спасательный круг чтения».

В центре этих двух «кругов» должен находиться читатель, утопающий в новостях современной околотитулярной жизни (правда, в этих новостях ничего собственно нового нет: «Друг другу мы тайно враждебны, // Завистливы, глухи, чужды», и далее по тексту — от «вражды» до «предательства»). Так вот: сердобольная редакция «ДН» в срочном порядке кидает за борт круг, на котором написано: «Д.Самойлов».

Заслуженный деятель культуры (з.д.к.) несуществующей Эстонской ССР вместе с з.д.к. столь же несуществующей Латвийской ССР (Ю.Абызовым, публикатором книги «В кругу себя») не только оставались во все времена настоящими профессионалами, но и занимали себя в свободное от прогулок по эйнелаудам (эстонское «буфет») время аристократическими литературными забавами («забавы взрослых шалу-

нов»). Забавничал с ними и Л.Копелев, пока не отбыл в Германию.

«Веселость едкая литературной шутки», отмеченная зоркой Ахматовой как неременная приправа атмосферы десятих годов, казалось бы, эмигрировала еще раньше, — ан нет: «Не спи, не спи, Абызов, // Готовь себя к труду. // А я, как башня в Пизах, // Пока не упаду», — поздравлял друга с Новым, 1989-м, годом Самойлов. Замечательный поэт и редкого ума собеседник (отсылаю любознательного читателя еще и к № 5—6 журнала «Литературное обозрение», где напечатаны фрагменты самоейловского дневника), он ценил чужое остроумие и смеялся до конца — в том числе и над самим собой: «С младенчества я был прозван Дезиком, а поскольку с таким именем не бывает генералов, президентов и великих путешественников, а бывают только скрипачи, вундеркинды и поэты, я избрал последнее, как не требующее труда и больших знаний». Кроме шутилого жизнеописания, в книгу войдут еще «Фацетии нашего времени», «Краткий карманный матримониальник для девиц», «Краткий перечень мыслей и замечаний», руководство «Каким должен быть типовой мужчина», а также пособие «Как сочинять стихи», из которого извлечем хотя бы пункт первый: «Стихи может сочинять каждый, кто не способен заниматься иными видами искусства по тупости, либо по лени». «Мой друг, считай меня Мазепой, // А если хочешь, даже Карлом. // Но в жизни, друг, — в моей нелепой, // Есть все же многое за кадром». «За кадром» могли бы оказаться и «Крокодил», и «Тараканище», и «Чукоккала», если бы жизнь следовала указаниям наставников (например, Н.К.Крупской), для которых смех в принципе подозрителен. Почему? Потому что — смешно.

Что — смеется? «Какой ценой купил он право, // Возможность или благодать // Над всем так мудро и лукаво // Шутить...» Конечно, Пушкин. «Веселое имя — Пушкин». А еще — его Моцарт: «А я хотел тебя внезапной шуткой угостить»...

А кто «бдит» высоту культуры, кто Моцарту за его неподобающее веселье выговаривает и негодует?

Сальери.

Шутки, веселье и смех были залогом душевного здоровья тех, кто спас свою душу и состоялся в мрачно-фарсовую предыдущую эпоху.

Что же мы приобрели сегодня, какие оттенки смеха — кроме чудовищно плоского юмора газеты «День» вроде «Гайдар выщипывает брови и красит губы»?

Истинный смех, увы, почти утрачен нашей словесностью. Записные пародисты заделались угрюмыми борцами с коммунизмом, которого уже нет; запис-

ные полемисты так и вовсе перешли на отравление ядом стрел, которые они, изнурая себя в войнах местного значения, вяло тычут друг в друга. Исчез литературный анекдот. Испарилась пародия. Умолкли шутки. Нам явно не до смеха. Жизнь тяжела. Заединщики группируются вокруг «Останкино». Все обещают возможность переворота.

А им — Давиду Самойлову, Анне Ахматовой, Корнею Чуковскому, — до смеха ли было?

После ждановского доклада, где было сказано, что «Зощенко и Ахматова прокрались в редакции советских журналов», Ахматова повторяла со смехом: «Мы с Зощенко прокрались».

В альманахе «Чистые пруды» (1990 г.) опубликованы фрагменты воспоминаний Михаила Ардова «Легендарная Ордынка». Трагическая Ахматова, как доказывает М. Ардов, действительно «обладала удивительным чувством юмора и блистательно шутила» — естественно, в своем кругу; не в кругу ж павленок с фадеевыми ей было шутить! Ее появление в семействе Ардовых (она, как всем известно, дружила с Ниной Антоновной Ольшевской) было отмечено особой почтительностью окружающих, что создавало по первоначально натянутую, неловкую для всех атмосферу. Неудобную и для гостей, и для хозяев. Пока атмосфера сия не была разряжена шуткой. «Однажды вечером, когда хозяева куда-то отправлялись, Ахматова сказала, что посидит дома и хочет поработать. Уходя, от самой двери, едва ли не зажмурившись от страха, Ардов сказал:

— Словарь рифм — на полке слева».

Конечно, скажут мне, они ведь шутили в своем кругу. «В кругу себя».

Я не случайно задерживаю внимание на этом застольном (в прямом смысле слова) смехе (пушкинское «table talk»), на застольных беседах и шутках, ибо все плодотворнее, на мой взгляд, становится сегодня попытка возрождения «домашних» жанров, вживления их в продутую сквозняками литературу, а то и в газету; причем в разных формах — статьи-послания другу (А. Немзер — Г. Гордеевой, А. Архангельскому, О. Проскуриной — «Независимая газета»), циклы посланий в стихах Алексея Сэндоу («Октябрь», «НГ» — игра в псевдоним, за которым легко угадывается литературовед Алексей Песков); письма «другу в поколении» из-за рубежа; а также домашние «называния» друзей в текстах рецензий, откликов. Идет процесс одомашнивания гулко-го пространства нашей словесности, пенатов, из которых, казалось, навсегда исчезли лары. По некоторым признакам, они возвращаются, — и не о том ли свидетельствует текст Давида Самойлова? Ведь «еще не замер смех, струятся слезы...»

БОЛЬШАЯ МУЗЫКА

«Такой маленький, а так играет! Моцартом будешь или Бетховеном?» — любой ребенок, занимающийся в хоровой студии или музыкальной школе, слышит эту фразу от маминых и папиных друзей. Сначала он отвечает: «Моцалтом» — вызывая этим бурю восторга. Год-два спустя, когда этюды Клементи, гаммы, дебри сольфеджио уже теряют для него прелесть новизны, ребенок угрюмо молчит или наскоро играет что-нибудь для гостей. И хвала тем родителям, у которых хватит мужества понять, что не Моцарт он, не Бетховен и не Ван Клиберна. Остановиться на «Старинной французской песенке» Чайковского и решить, что знать пять языков лучше, чем быть средним пианистом. Но не все родители таковы. «Музыкальную школу надо закончить! У тебя есть способности!» В том же случае, если способности действительно есть, — еще сложнее. Поощряемый преподавателями, друзьями, родителями, подросток начинает задумываться о музыкальном училище, Гнесинке или консерватории, а дальше — слава, турне по всему миру... Гнесинка или консерватория иногда становятся реальностью, а вот дальше...

СТУДЕНТЫ

Юля, 2-й курс консерватории, фортепианное отделение:

— Я поступила с первого раза, достаточно легко — после Центральной музыкальной школы. Естественно, все, кто поступил, считают себя неповторимыми и гениями. Потом это проходит, когда понимаешь, что по большому счету ты никому со своей неповторимостью не нужен. О распределении нас не информируют, и что будет после пятого курса — никто не знает. Те, кто играет на струнных и духовых инструментах, пристраиваются в оркестры. А мне... если удастся попасть в камерный ансамбль (и не мечтаю уже о сольных выступлениях) — это будет счастье. Хорошо, если попадешь к пробивному педагогу... Но если никто тебе не поможет, то это конец.

— Ну почему конец, можно работать педагогом...

— Нет. Преподаватель — это сложный удел, и просто музыкальных знаний для этого недостаточно. Устроиться на работу тоже трудно. Я сейчас на втором курсе, поэтому еще о чем-то мечтаю. Но абсолютно не знаю, что будет дальше.

Намного более оптимистичная Катя с первого курса Гнесинки сказала, что в своем таланте она уверена, поэтому куда-нибудь да устроится, а музыкой собирается в будущем зарабатывать большие деньги. И на мою

фразу, что музыкой большие деньги ни в какие времена не зарабатывались, она засмеялась.

ДЕНЬГИ

Немного цифр:

частные уроки музыки стоят около 50 рублей в час (для примера: английский язык — до 150 рублей);

преподавание в музыкальной школе — 100 рублей за каждого ученика плюс ставка около 650 рублей; больше десяти учеников, как ни крути, не получается;

конкурс в филармонию, где можно работать в оркестре, иметь постоянный заработок и выступления, по установленным правилам проводится раз в пять лет;

если поехать с сольной программой по разным городам, то надо быть готовым к тому, что за концерт заплатят 300—400 рублей, а программу надо готовить полгода;

стипендия в консерватории — около 900 рублей в месяц, в остальных музыкальных учебных заведениях не выше;

а если серьезно учиться музыке, то заниматься надо минимум 5—6 часов в день.

Многие студенты консерватории, Гнесинки, особенно струнники и духовики, собираются в небольшие ансамбли и играют в подземных переходах. Преподаватели об этом знают, но

что тут скажешь? Ребята с фортепианного отделения шутят: если бы можно было поставить в переходе рояль, а потом без происшествий увезти его обратно, мы бы тоже так зарабатывали.

ВЫПУСКНИКИ

Паша, 4-й курс консерватории, духовое отделение:

— В данной ситуации либо надо быть безумно талантливым, либо пробиваться. Надо работать. Не просить, не говорить: «Я хороший трубочник, возьмите меня!» Музыкальный мир тесен. Надо начинать с малого, чтобы тебя просто знали, и соглашаться, когда тебя зовут куда-то играть. Хотя по сути это — халтура, ее не надо воспринимать как халтуру, не надо давать себе поблажку. И стоит выкладываться везде, куда бы тебя ни пригласили.

— Сколько можно заработать за один концерт?

— Примерно рублей 300. Иногда больше, иногда намного больше, но везет редко. Мне денег не всегда хватает, но к тем, кто играет в переходах, я не очень хорошо отношусь. Я свой инструмент в переход не понесу — я его берегу. И сам не пойду, потому что я себя уважаю. Так зарабатывать

— это уже последнее дело.

— Сколько с тобой учился на курсе?

— Да я и не знаю. Многие ушли, некоторые просто доучиваются, а потом будут заниматься другими делами, не музыкой.

АБИТУРИЕНТЫ

В этом году ожидалось резкое возрастание конкурса в Плехановскую академию, в Академию управления и на экономические факультеты. Новое поколение выбирает деньги.

Тем не менее нынешним летом и около ВГИКа, и во дворах театральных училищ, и у той же консерватории народу меньше не стало — сдают, ждут, надеются.

Марина, закончила музыкальное училище по классу скрипки:

— Консерватория — это, на данный момент, цель и смысл моей жизни. Можно сказать, что все, чем я занималась до этого, было черновиком, а сейчас все начинается набело.

— Ты так вдохновенно говоришь, а вдруг не поступишь?

— Тогда я буду еще больше заниматься и приду на следующий год. Буду поступать три, четыре, шесть лет подряд...

Поступит. Пять лет учебы. А потом?

СВЕТЛОЕ БУДУЩЕЕ

Елена Сорокина, доктор искусствоведения, профессор консерватории:

— Раньше распределением музыкантов занималось Министерство культуры. Сейчас каждый спасается как может. Пианисты — это, если можно так выразиться, штучный товар, поэтому спрос на них намного ниже, чем на струнников или духовиков. Но у них зато шире возможности в преподавании. Труднее всего музыковедам и композиторам.

— Может, стоит сократить прием студентов?

— Ни в коем случае! Во времена Хрущева открылось огромное количество институтов культуры, музпедфаков и подобного рода учебных заведений. Целью их было подготовить руководителей художественной самодеятельности, директоров клубов. Выпускники этих заведений — полупрофессионалы и даже четвертьпрофессионалы. Это страшно: они забили почти все места в школах и, естественно, не допускают туда преподавателя с консерваторским дипломом. Сокращать прием в консерваторию нельзя. Хотя бы для альтернативы.

В цивилизованных странах и в музыкальных, и даже в общеобразовательных школах преподают профессионалы высокого класса. В обычных английских школах есть оркестры, и, соответственно, учителя музыки получают больше остальных.

У нас же в школе этот урок — пария, наряду с рисованием.

А вообще-то у нас все можно сделать, если, конечно, взяться с умом.

Больше всего меня поразила фраза, сказанная одним из студентов: У нас есть очень талантливые люди, которым, в принципе, все равно, куда и каким образом их распределят. Они играют и пишут музыку. Мне кажется, заниматься творчеством сейчас можно только в том случае, если музыка (стихи, живопись и т.д.) волнует тебя больше, чем распределение. Потому что ждать, пока за что-то возьмется с умом, придется долго. Дети, может быть, и дождутся.

Кстати, о детях. Если ваш ребенок не хочет играть на скрипке, фортепиано, виолончели, гобое и т.п. — не заставляйте его. Вы видите, что его ждет. Но если хочет — ни в коем случае не останавливайте! Может, он будущий Моцарт?!

Жанна СЕРГЕЕВА

Фото Э. Кудрявцева

Йозеф Бойс

Когда-нибудь все изменится, и умный мальчик, толстощекий бутуз, простой ученик простой средней школы, раскроет дома тетрадку и выведет крупно: «Что я знаю о Йозефе Бойсе. Сочинение». Здесь он задумается, взглянет в окно и вспомнит, что не все еще изменилось: давеча Иванов не мог ничего сказать о Марселе Дюшане, а Петрова — о Курте Швиттерсе, хотя оба художника выставляются в последнее время в Москве беспрерывно. Вспомнит он пунцовые уши ничего не знающих одноклассников, станет ему, прилежному, жутко, и в тетрадке торопливо напишет: «Никому не известно в точности, что именно произошло в 1943 году «у самого устья Крымского перешейка» с пилотом «Юнкерса-87» Йозефом Бойсом, когда, опоздав катапультироваться из подбитого самолета и на миг придя в себя среди обломков, на лоне сугробов, наметенных внезапно начавшейся бурей, он вновь потерял сознание и оставался в беспмятстве восемь дней. Известно лишь, что в эти дни, вплоть до обнаружения Бойса спасательной группой, его выхаживали татары-кочевники. Они натирали раненого жиром, заворачивали в войлок и кормили медом. Они предлагали летчику остаться с ними навсегда; вряд ли он, через два года закончивший после пяти ранений свою войну в плену у англичан, мог знать, что в это время его спасители находятся гораздо дальше от места спасения, чем могло бы увести их самое затяжное кочевье. Известно также, что с тех самых пор Йозеф Бойс обращался к этому месту в своих сокровеннейших мыслях — мыслях, исполненных предчувствий того «евразийского единства», которое мучило европейскую и русскую мысль, начиная с Владимира Соловьева: то, что произошло с пилотом «Люфтваффе» в Крыму, пролило новый и ослепительный свет и на предшествующую его жизнь, и на последующую. Первая была жизнью любознательного юноши из нижней лесной деревни Клеве, увлекавшегося естествознанием, антропософией Рудольфа Штайнера и испытывавшего первое предчувствие призвания в 1938 году, когда репродукции с работ скульптора Вильгельма Лембрука (по нацистским критериям представителя «выродившегося искусства»: альбом его в числе прочих книг собирались сжечь во дворе гимназии в Клеве) впервые заставили 17-летнего Бойса подумывать, что «все есть скульптура». Вторую жизнь жил тяжело

КАК ОБЪЯСНИТЬ СВОИ

Экспозиция графики Йозефа Бойса в Музее

больной человек (удалены селезенка и одна почка, поражены легкие, болыны ноги), ставший за три десятилетия крупнейшим художником послевоенной Германии, да и мира, одним из загадочнейших персонажей нового искусства, прозванный шаманом за свои акции, создающие ритуалы неомифологических мистерий. Пережитые во время войны «травма» и чудесное исцеление сделали Бойса истинным мистагогом, хотя вместо митры он носил неизменную фетровую шляпу фирмы Стетсон, защищавшую кожу головы, крайне чувствительную после того, как волосы сгорели до корней. Этот оракул грядущей Евразии и раскрытия невиданной созидательной силы человека творил свои работы из таких материалов, как жир, войлок, мед, почтовые конверты, мертвый заяц, живой койот, концертный рояль, окружающая жизнь, и почитал неперменным условием творчества страдание. Лишь оно вело его по пути обновления и реинкарнации, которых было три: в 1955—1957 годах, после окончания учебы в Дюссельдорфской Академии искусств — третья, в Крыму — вторая, самая же первая случилась еще в 1921 году, о ней в составленной позже хронике собственной жизни Бойс писал: «1921, Клеве — выставка перетянутой жгутом раны». Собственно говоря, все его выставки суть выставки ран, иероглифов древнейшего, изначального «письма».

Так, в несколько патетическом тоне, в каком и пишут обыкновенно о Бойсе, начнет о нем умный мальчик, для которого, предположим, «Фонтан» Дюшана будет примерно тем же, чем для нас с вами картина Ильи Ефимыча Репина «Бурлаки на Волге», а Сальвадор Дали, который нынче грозит вытеснить Илью Ефимыча, — шарлатаном, втуне шекотавшим нервы буржуазной публики. Так начнет он, вовсе не вспоминая о скромной выставке в августе—сентябре 1992 года, состоявшейся в том же ломящемся от копий с антиков музее, где это внушительное соседство чепухи годами ранее прикрывало упомянутого сменщика Репина: в музее имени Пушкина. Выставка же, подготовленная фондом Кестнер-Гезельшафт (Ганновер), носила название: «Внутренняя Монголия. Чингизхан. Шаманы. Актрисы».

Впрочем, загадывая, как будет «когда-нибудь», придется признать, что сегодня вряд ли найдется художник уровня Бойса, который был бы так же мало актуален для этой страны, как он сам. Конечно, хотелось бы, чтобы художник, призывав-

ший «понять человека как духовное существо» и преодолеть границы между Востоком и Западом, оставался актуальным, так сказать, вне зависимости от времени и пространства. И все же. Бойс — яркий представитель того, еще недавно распространенного, а ныне, кажется, вымирающего (к сожалению, наверное) типа западного художника, который устойчиво обозначался и на Западе, и на Востоке как тип «прогрессивного деятеля культуры». Таким же был, скажем, друг Бойса, основавший вместе с ним «Свободный институт» в Дюссельдорфе, знаменитый германский писатель Генрих Белль, ворчливо-едкий обличитель разрушительного, по его мнению, для «человечности» послевоенного германского «процветания». Такого воспитывал Бойс своих многочисленных учеников на кафедре монументальной скульптуры Государственной Академии искусств в Дюссельдорфе. С ними он основал в 1967 году «Немецкую студенческую партию как Мета-партию», их он, создав «Комитет за свободную высшую школу» (1971), зачислял к себе в класс помимо существующих правил приема («Недопустимо, когда вопрос — зачислить или не зачислить — решается просмотром папки с представленными этюдами... Наиболее интересных учеников я находил... среди тех, кого не приняли»). У них же на глазах 1 мая 1972 года, во время демонстрации одной из оппозиционных студенческих организаций, Бойс подмел красной метлой площадь Карла Маркса в Западном Берлине, по которой только что прошествовали демонстранты, — он «хотел дать понять, что жесткая идеологическая ориентация демонстрантов должна быть тоже, так сказать, выметена» (акция «Выметая»). Венец общественной активности Бойса — его участие в движении «зеленых», от которого кандидатура художника была в 1979 году выставлена в Европарламент. Если на этом месте кому-то придет в голову спросить, при чем же во всем этом искусство, он рискует немедленно оказаться среди сторонников того «буржуазного» (или «материалистического») понимания связи искусства, художественной культуры, с одной стороны, и политики и экономики — с другой, с которым, как и с противопоставлением Востока Западу, боролся Бойс.

Как ни странно (или вовсе не странно), в этой стране, так долго клявшейся марксизмом, совершенно отсутствует вкус к творческим манипуляциям с учением Маркса, давно уже ставшим для евро-

РАНЫ МЕРТВОВОМУ ЗАЙЦУ?

изобразительных искусств им. А.С.Пушкина

Актриса. 1960 г.

пейской левой интеллигенции своеобразием собранием метафор, символически описывающих те процессы, которые принято ассоциировать с «постиндустриальным обществом». Главный теоретический постулат Бойса — так называемое «расширенное понимание искусства», согласно чему любое проявление творческой силы человека в труде («каждый человек — художник») объявляется «искусством», если оно способствует переходу человека в новое состояние и преобразованию его личности. Нетрудно увидеть, что эта идея напрямую связана с марксовской концепцией уничтожения труда как системы принуждения индивида и перехода к свободному, осознанному творчеству. Не случайно Бойс заявлял, что ставит экономические проблемы, протестуя против оппозиции «экономика—искусство»: его «расширенное понимание» было направлено на отыскание некой альтернативной стихии, где «человек творящий» приобрел бы невиданные доселе органы чувств и интеллекта, позволившие бы ему воспринимать мир и самого себя как единую «социальную скульптуру». Ясно, что эта крайне утопическая

смесь из марксизма и антропософии непонятна и даже неприятна большинству послесоветских интеллигентов, с их рефлексивной идиосинкразией к любой утопии и даже всякому общественно активному проявлению. В Бойсе в лучшем случае увидят художника (в «суженном понимании»), который немало способствовал утверждению в искусстве акции и концептуальной инсталляции как специфических художественных проявлений. Тем самым Бойс окажется в ряду «неодадаистов» или концептуалистов. Положение, которое самого Бойса ни в коем случае не устроило бы.

...Мальчик переведет дух, наморщит лоб и продолжит так: «Необычайно созвучно нашим сегодняшним настроениям отношение Бойса к животным, которых он рассматривал как своего рода тотемных божеств, созидая с их помощью миф своей личной судьбы. Пчела, под влиянием доклада Р.Штайнера 1923 года «О пчелах», превратилась для Бойса в символ работы, выполняемой в организме кровью, мед — в символ мышления. Бойс любил сильных, диких животных — львов, слонов, лошадей; жир был для него символом силы. Знаменитая акция 1974 года «Я люблю Америку, а Америка любит меня» состояла в том, что Бойс четыре дня провел в клетке с диким койотом — зверь то ел из рук человека, то рвал войлочное одеяло, в которое тот закутылся. Койот в акции, по Бойсу, «выступил в роли бога». Но самым, пожалуй, значимым символом для Бойса был мертвый заяц, присутствовавший в качестве, так сказать, персонажа во многих его акциях. Самая яркая из них — дюссельдорфская 1965 года — «Как объяснить картины мертвому зайцу», где Бойс, у которого голова была намазана медом и обклеена золотой фольгой, подносил зайца к картинам, висевшим на стене, — зрителям, наблюдавшим за происходящим сквозь витрину, казалось, что Бойс разговаривает с зайцем. «Зайцем», символизирующим активность и понятливость, Бойс называл и самого себя...»

Мальчик остановится и подумает, что вот ведь, не одна партия «зеленых» была у Бойса на уме — все пишущие о нем подчеркивают, что главное в его творчестве — создание глубоко интимного личного мифа, системы верований, куда затруднен доступ постороннему. Постороннему — но не посторонним, многочисленным посторонним из mass media, весьма видным персонажем которых Бойс — правда, довольно поздно — сделался: равнодушный

к эпатажу, он эпатировал, равнодушный к славе, но «заинтересованный» в распространении идей, он охотно давал интервью. Чтобы охарактеризовать его в этом «звездном» качестве, достаточно вспомнить, что знаменитый Энди Уорхолл, этот своего рода постиндустриальный Плутарх, написал в 1980 году портрет Бойса, «уравняв» его тем самым с такими масками эпохи, как Мэрилин Монро или Нельсон Мандела. Но вряд ли теперешней публике нужен Бойс-звезда: реликвии его акций и объектов нисколько не отвечают тем требованиям «новой чувственности» и куртуазного эстетизма, которые предъявляют теперь к искусству «по обе стороны Крыма», устав по разным причинам от замысловатых утопий.

Что же остается? Может быть, всегда поучительная «биография души»? Но приходится признать, что о себе Бойс сказал поразительно мало — гораздо меньше и невнятнее, чем, к примеру, близкий ему по мировосприятию и экстазму творчества, да и по судьбе, отечественный скульптор Вадим Сидур. Мизерность биографического аспекта у Бойса тем более удручает, чем несомненное экзистенциальное основа его творчества, явно сближающая художника с поисками его старшего современника Мартина Хайдеггера. Человек, вся жизнь которого — это хайдеггеровское «бытие-при-смерти», непрерывное присутствие смерти в самой жизни, делающее жизнь полным опасностей и озарений пограничным состоянием, — почти ничего не сказал ни о жизни, ни о смерти, оставив в качестве пищи умным мальчишкам своих мертвых зайцев и живых койотов. И мы глядим на музейные стены, усыпанные небольшими коричневатых тонов рисунками маслом, акварелью, жиром, гипсом, карандашом, кровью, соком, смотрим в экран, с которого Бойс глаза в глаза в течение 11 минут пытается установить общение с «невидимым собеседником», мы созерцаем величаво-нудную видеодокументацию его акций, и нас посещает лишь то же чувство легкой скуки и неловкости, которое испытываешь, глядя на черные, иссохшие, как грибы, святые мощи где-нибудь в Киево-Печерской лавре. Мы — мертвые зайцы, и Йозеф Бойс, физически умерший в 1986 году, пытается из вечности объяснить нам свои раны, в которых он некогда нашел истину. Но «истина, даже высказанная, не перестает быть тайной» (Лев Шестов).

Михаил СМОЛЯНИЦКИЙ

Манголь восток-запад. 1960 г.

1917 г.

Сергей ЭФРОН ДЕКАБРЬ 1917 г.

Судьба Сергея Яковлевича Эфрона (1893—1941) необычна, и в то же время в ней отразилась вся наша жизнь тех лет и судьбы русской эмиграции.

Сын народовольцев, а потом эсеров-террористов (действенной участницей движения была мать Эфрона — Елизавета Петровна Дурново), он прошел во многом обычный путь для людей его поколения: гимназия, Московский университет, военный санитарный поезд в 1915 году, в 1917-м — школа прапорщиков.

После революции Эфрон вступает в Белую армию. Из Крыма, как и тысячи других участников Белого движения, он попадает в Галлиполи, потом живет в Константинополе, переезжает в Прагу, учится там в Пражском университете. Принимает участие в Евразийском движении и открыто поддерживает перемены, происходящие в СССР.

В 1925 году, переехав в Париж, входит в руководство Союза возвращения на родину и вскоре начинает сотрудничать с НКВД. Осенью 1937 года после убийства разведчика Игнатия Рейсса, открыто порвавшего со сталинским режимом, он был срочно вывезен в Советский Союз, где жил под фамилией Андреев. 10 октября 1939 года С. Эфрон был арестован.

Его жизнь и судьба неразрывно связаны с судьбой Марины Цветаевой. За ним в 1922 году она уехала из России. Из-за него в 39-м вынуждена была вернуться в Москву. Ровесники, они и ушли из жизни почти в одно и то же время: Цветаева повесилась в далекой Елабуге 31 августа 1941 года, Эфрон был расстрелян 16 октября того же года в Москве.

Как литератор Эфрон почти неизвестен читателям. Хотя писать он начал очень рано, в 1912 году уже выходит его книга «Детство», свидетельствующая о несомненных литературных способностях юного автора. В книгу входит рассказ «Волшебница», где под именем Мары изображена Марина Цветаева.

В эмиграции Эфрон много писал и печатался в газетах и журналах. Но главной его книгой должны были стать «Записки добровольца», над которыми он работал в середине 20-х годов. Некоторые ее главы были напечатаны. Так, большой очерк из этой книги «Октябрь 1917»

появился в 1925 году в историко-литературном сборнике «На чужой стороне».

27 мая 1923 года в письме Р. Гулю, автору известной книги о Добровольческой армии «Ледовый поход», Цветаева пишет: «В следующем № Русской Книги поместите, пожалуйста, если не поздно: «Подготовлена к печати книга: Сергей Эфрон — «Побежденные» (с Московского Октябрьского восстания — по Галлиполи. Записки добровольца)».

А через год — 30 марта 1924 года — Цветаева снова пишет Гулю об этой книге: «А помните Сережину — «Записки добровольца»? (не читали, но я Вам о ней писала). Огромная книга, сейчас переписывается, оттачивается. Есть издатель, удивитесь, когда узнаете кто, сейчас не скажу, — боюсь сказать. Вы эту книгу будете любить, очень хотелось бы переслать ее Вам...».

Но работа над книгой не была закончена, так как изменились взгляды Эфрона на Добровольчество.

В 1938 году, уже собираясь навсегда уехать из Франции, Цветаева переписала и передала на хранение профессору Базельского университета Е. Малер свои рукописи: поэму «Перекоп» с посвящением С.Эфрону — «Моему дорогому и вечному добровольцу» и стихи «Лебединый стан», так и не напечатанные ею в эмиграции. Передала и рассказ С.Эфрона, переписанный ею на тетрадные листы большого формата. На титульном листе написано:

«С.Я.Эфронъ
гл. II
(Декабрь 1917 г.)
Изъ книги «Записки Добровольца»
А переписывала — я.

М.Ц.»

Выражаем признательность сотрудникам Базельского университета, где находится архив М.И. Цветаевой, любезно предоставившим эту рукопись для публикации. В рассказе сохранена авторская орфография и пунктуация.

Долгожданный Новочеркасск. Вечер. Небольшой вокзал полон офицеров. Спрашиваю, где Барочная улица.

— Пойдете от вокзала прямо, потом налево, — там спросите.

Широкие улицы. Небольшие домики. Туман. Редкие фонари. Где-то одиночные ночные выстрелы. Неистовый ветер в лицо. Под ногами промерзшая, комьями, грязь. Изредка из тумана выплывает патруль, — три-четыре юнкера или офицера. С подозрением оглядывают и снова тонут в тумане. Мороз и ветер сквозь легкое пальто пронизывают. Трясусь мелкой дрожью.

Иду, иду, — кажется, конца не будет.

— Скажите, пожалуйста, где Барочная?

— Первая улица направо.

Слава Богу!

Двухэтажный дом, светящийся всеми окнами. У входной двери офицер с винтовкой окликает: — Вам кого?

— Могу я видеть полковника Дорофеева?

— На что вам полковник Дорофеев? — испытывающий взгляд с головы до ног.

— Я приехал из Москвы, и у меня к нему дело.

— Обождите. Прапорщик Пеленкин! — кричит офицер на дверь.

— Я! — кто-то в ответ, и в дверях показывается короткого роста прапорщик, с громадным кинжалом на поясе.

— Этот господин полковника Дорофеева спрашивает, — проведите. — Офицер с винтовкой наклоняется к прапорщику с кинжалом и что-то шепчет ему на ухо.

— Так, так, так. Это мы сейчас расследуем, — отвечает носитель страшного кинжала. — Пожалуйста за мной!

Я попадаю в светлую большую комнату. На длинных столах неприбранные остатки ужина. Несколько офицеров курят и о чем-то громко спорят.

— На что вам полковник Дорофеев? — пронзает меня взглядом прапорщик Пеленкин.

— По делу.

— Вы откуда приехали?

— Из Крыма, а в Крым из Москвы.

— Какие же, любопытно знать, у вас дела?

— Разрешите мне сообщить об этом полковнику лично, — начинаю я выходить из себя. — Меня крайне поражает ваш вопрос.

— Вам придется сказать о вашем деле мне, потому что полковника Дорофеева у нас нет.

— Вы, верно, плохо осведомлены. Я имею точные сведения, что полковник Дорофеев — здесь.

— А откуда у вас эти сведения?

— Это уж позвольте мне знать.

— Ах, вы таким тоном изволите разговаривать? Прошу вас следовать за мной.

— Никуда я за вами не пойду, ибо даже не знаю, кто вы такой. Потрудитесь вызвать дежурного офицера.

— Кто я такой, вы сейчас узнаете, — мрачно говорит прапорщик, сдвигая редкие, светлые брови. — А дежурного офицера вызывать нечего, — мы к нему идем.

— Это дело другое. Идемте.

Подымаемся по лестнице, меня оставляют в коридоре под наблюдением другого офицера, а прапорщик заходит в одну из дверей.

Нечего сказать — хорошо встречают! Не успел приехать — и уже под арестом! Во мне закипает бешенство.

— Пожалуйста!

Захожу в комнату. За столами несколько офицеров, с любопытством меня оглядывающих.

— Ба, ведь это Эфрон! — раздается радостный воз-

глас, и я очутился в крепких объятиях прапорщика Блохина.

— Ведь я только сегодня о тебе с Гольцевым вспомнил. Вот молодец, что приехал! А мы уже думали, что тебя где-нибудь закопали. Да садись ты, рассказывай, как добрался! Пеленкин-то хорош. Входит и таинственно заявляет, что задержал большевика, который рвется к полковнику Дорофееву с тем, чтобы...

Прапорщик Пеленкин сконфуженно мнется и моргает.

— Вы простите меня, но у вас вид такой... большевизм. Шляпа и волосы нестриженные. Я и подумал.

Все хохочут. Смеюсь и я. Пеленкин, красный, выходит.

— Хорошо, что я сразу тебя встретил. Не будь тебя, чего доброго зарезал бы меня кинжалом этот прапорщик.

— Нет, брат. Мы Пеленкину воли не даем. Он каждый день приводит к нам десятками таких, как ты, большевиков. Он не совсем того, — и Блохин тыкает пальцем в лоб.

— Где Гольцев?

— В карауле. Через час-два должен вернуться. Да ты расскажи о себе.

Рассказываю.

Поздно вечером, за громадным чайником жидкого чая, сидим: Блохин (убит под Орлом в 19-м году), его двоюродный брат, — безусый милый мальчик Юн-р (убит в сев. Таврии под Карачакраком в 20-м г.), вернувшийся из караула Гольцев (убит под Екатериноградом в марте 18-го г.) — и я, захлебываясь, разговариваем.

— Большие у нас силы — спрашиваю. В ответ хохот.

— Знаешь, мы тебе о наших силах лучше ничего говорить не будем, — смеется Блохин. — Это, брат, военная тайна. И хорошо, что иногда можно прикрываться военной тайной. Тайна часто заменяет штыки.

— Нет, не шутите, господа, скажите мне, приблизительно, сколько. В Синельникове я слышал разговор матросов — говорят, тысяч до сорока.

Опять хохочут.

— Сорока тысяч? Что ты! Больше: шестьдесят, восемьдесят — сто! И знаешь, где главные силы расположены?

— Где?

— В том доме, в котором ты сейчас находишься, — и Блохин снова заливается смехом. Но заметив недовольство на моем лице, он перестает смеяться и говорит мне серьезно:

— Видишь ли, С.Я., о силах наших говорить не приходится. Их у нас, собственно, и нет. Во всяком случае, в несколько раз меньше того, что мы имели в Москве. Казаков в счет брать нельзя. Они воевать не хотят и на серьезную борьбу не пойдут. И несмотря на это, мы все гораздо спокойнее, чем были в Александровском училище, и — что знаем наверное — силы у нас появятся. У нас уже начали съезжаться со всей России. Правда, по малу, но ведь это объясняется тем, что почти никто и не знает толком о нашем существовании. Едут так, на ура. А как узнают, что во главе — генерал Алексеев, десятки тысяч соберутся!

— Ну а местное офицерство? В Ростове, например, их должно быть много.

— В Ростове ими хоть пруд пруди. Да все дрянь какая-то — по Садовой толпами ходят, за гимназистками ухаживают, а к нам дай Бог чтобы с десятка записалось. Ну, с этими-то мы церемониться не будем — возьмем да и мобилизуем.

— А как с деньгами дело обстоит?

— Великолепно! Мы даже жалование получаем — пять рублей в месяц, на табак.

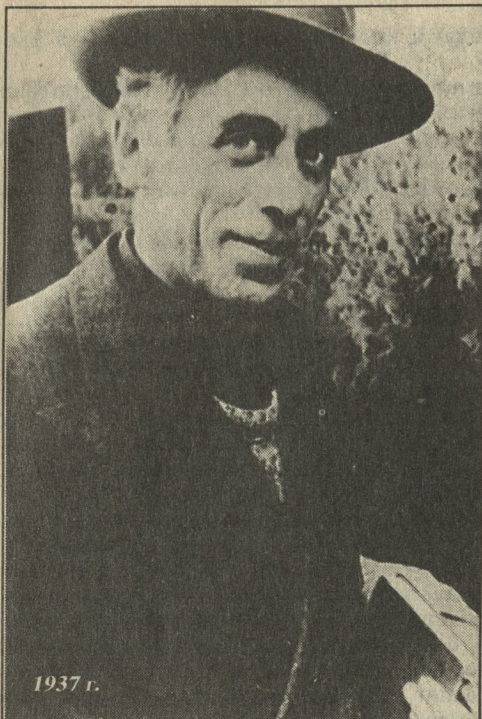
Новый взрыв смеха.

— Да ты не допрашивай. Сам завтра все увидишь.

— Хорошо. Но куда меня устроите?

— Через комнату отсюда, с Гольцевым. Мы уже переговаривали с комендантом, койка есть свободная. Общество

Этот очерк войдет в книгу «Судьба Сергея Эфрона», которая готовится к изданию журналом «Горизонт».

самое изысканное. Три полковника. А завтра мы тебя запишем в Георгиевский полк, — подпишешь присягу.

— Какую присягу?

— Завтра узнаешь. Я попрошу полковника Дорофеева, чтобы тебя неделю не тормозили, — ты скелетом выглядишь. Да и делать-то пока нечего. По караулам таскаться. Ну, теперь пора спать — завтра рано вставать.

С утра началась моя служба в Добровольческой Армии. В небольшой комнате (той самой, куда меня ввел вечером Пеленкин) помещался «маленький штаб», состоявший из нескольких полковников генштаба и гвардии и трех-четырех обер-офицеров. Во главе «штаба» стоял полковник Дорофеев. Он меня очень тепло встретил и приказал, очевидно, по просьбе Дорофеева*, неделю отдыхать.

Я подписал присягу, которую подписывали все вновь прибывающие. В присяге было несколько пунктов, и все они сводились к тому, что каждый вступающий в Армию отказывается от своей личной жизни и обязуется отдать ее — всю — спасению Родины. Особый пункт требовал от присягающего отречения от связывающих его личных уз (родители, жена, дети).

Меня зачислили в Георгиевский полк (первый полк Добровольческой Армии), который в это время насчитывал несколько десятков штыков и свободно умещался за обедом в одной комнате**. Генерал Алексеев не показывался и жил, кажется, сначала в особом вагоне, а потом в Атаманском дворце.

С раннего утра на Барочную начинали прибывать съезжающиеся со всех концов России, главным образом из Москвы, офицеры. Каждый из прибывших сообщал что-нибудь из того, оставленного нами, мира.

Вот капитан в солдатском, только что пришедший с вокзала. Его опрашивают.

— Вы откуда прибыли?

— Из Киева, после расстрела.

На него с удивлением смотрят.

— Как — после расстрела?

— Я числюсь расстрелянным, да я и был расстрелян.

И кажется, вот, рассказ капитана о том, как его с другими офицерами повели расстреливать к обрыву. Поставили всех к краю и дали залп. Легко раненный в руку, он нарочно свалился вместе с другими расстрелянными под откос и, пролежав пять часов неподвижно, с наступлением темноты пробрался к своему товарищу, переоделся и поехал к нам на Дон. (Убит под Таганрогом.)

Другой — морской офицер, капитан 2 ранга Потемкин. Вырывался из Севастополя после страшной резни, учиненной матросами над своими офицерами. Богатырского роста, какого-то допотопного здоровья и сложения, темные с проседью волосы, темные спокойные глаза, рыжее от загара лицо и зычный оглушающий голос. Тихо говорить не умеет. На вопрос, что он видел в Крыму, рывкает:

— То же, что везде. Режут.

— Какой род оружия предпочитаете?

— Пока флота нет — любой. Прошу не считаться с моим чином и принять меня, как единицу физической силы.

Мы его так и прозвали «единица физической силы». Он не любил говорить, не выпускал изо рта громадной трубки и, видно, страдая первые дни от безделья, неустанно шагал по коридору, окруженный табачным облаком и грузно притаптывая своими медвежьими сапожищами*.

Встречаю нескольких прапорщиков, знакомых по офицерской роте Александровского училища. Вообще, основное ядро собравшихся — москвичи. Говорят о необходимости сформировать Московский полк. Только вот — из кого? Нас кучка — двести—триста человек, и окружены мы общей ненавистью и непониманием. Стоит выйти на улицу, чтобы почувствовать это по взглядам, — в лицо и вслед. О солдатах и говорить нечего. Меня до сих пор поражает, каким чудом мы тогда не были уничтожены. Объясняется это баснословным преувеличением наших сил. Предполагали десятки тысяч, — нас были сотни. Две-три сотни и никакой еще, тогда, артиллерии.

В Новочеркасске, как стемнеет, то здесь, то там раздаются револьверные выстрелы. Наших офицеров, на темных улицах, подстреливают. Кажется, как можно было, с такими данными, начать наше дело и поверить в его успешность? Поверили и начали.

В моей комнате, кроме Гольцева, помещался тихий молодой полковник артиллерист Миончинский (впоследствии к-р Марковской батареи, убит под Шишкиным Старопольской губ.), неразлучная пара однополчан — капитан с пятью нашивками ранений на рукаве, и поручик (оба пропали без вести под Таганрогом месяц спустя) и кавказец штаба капитан Л. (убит в Первом походе).

Я составил записку, в которой предлагал изменить способ организации в нашей, не существующей пока, Армии и представил ее в наш «маленький штаб».

Моя мысль сводилась к тому, что успех дела будет зависеть, главным образом, от кровной связи со всей Россией. Для установления этой связи я полагал необходимым формировать полки, батальоны, отряды, давая им наименования крупных городов России (Московский, Петроградский, Киевский, Харьковский и т.д.) с тем, чтобы эти отряды или полки пополнялись не только добровольцами, но и средствами из этих городов. Таким образом, с

* Описка Цветаевой. Очевидно, Блохина. — М.Ф., Ю.К.

** В тексте есть значок сноски, но она пропущена. — М.Ф., Ю.К.

* Кавторанг П-кин, будучи командиром морской роты, в кровном бою под Батайском (за день до оставления Ростова), когда погибла почти вся его рота, был ранен в голову, потерял глаз и с неизвлеченной шрапнельной пулей совершил, захватив горстку юнкеров, невероятную вооруженную экспедицию к Каспийскому морю. Вернулся в Новочеркасск к нашему туда возвращению из Кубанского похода. Жив ли он сейчас — не знаю.

самого начала создалась бы кровная связь со всей остальной Россией. В Москве, например, знали бы, что существует Московский полк, или отряды, или дивизия, поставившая себе целью свержение большевиков и спасение Родины. Тяга в такой полк была бы гораздо острее, чем в туманную Добровольческую Армию. Собрать средства для такого полка было бы гораздо легче, ибо с большей охотой дают деньги на нечто определенное и по размерам своим ограниченное, чем на прекрасные туманы.

Я до сих пор полагаю, что мысль моя, для того времени и тех обстоятельств, была жизненной.

Подав через Блохина записку, я внутренне рассмеялся над собой. К чему было подавать? Я очень хорошо знал отношение всякого штаба ко всякому предложению, приходящему извне. Да и записка-то написана прапорщиком. Для полковника, да еще генштаба, что может хорошего придумать прапорщик?

Подал и поставил на доклад крест.

Я хочу отметить одно позорное явление. Мы начинали свою работу в Новочеркасске и в Ростове без денег. Говорят, у ген. Алексеева, когда он приступил к работе, было 400 рублей. Ростов один из богатейших городов юга России. Он дал нам крохи, — если вообще что-нибудь дал. Все время мы испытывали острую нужду в средствах. Приходилось думать о каждой копейке. Иначе как предательством это поведение назвать не могу. Ростовская буржуазия заслужила те ужасы, которые посыпались на ее голову после нашего ухода. Но эти ужасы ее не исправили. И когда мы вернулись, а впоследствии стали победоносно пробираться на север, все также оказались для нас запретными сейфы и закрытыми бумажники ростовских тузов. Особенно резко и гнусно это отношение сказывалось на положении наших первых лазаретов, владивших жалкое существование без матрасов, медикаментов, продовольствия и самого необходимого оборудования.

Сейфы и сундуки открылись с приходом большевиков. Они оказались «умнее» нас.

Дня через три после подачи мною записки меня неожиданно вызвали в «маленький штаб». За столом полковник Дорофеев и еще несколько полковников.

— Это вами написана записка? — спрашивают.

— Да, мною.

— Вы знаете, чем отличается хороший проект от негодного? Хороший сложно провести в жизнь, негодный остается на бумаге. Поняли?

— Так точно, понял.

— Хотите доказать, что ваш проект хорош? Поезжайте в Москву и достаньте для Московского полка денег и личный состав. Вы ведь коренной москвич, и связи у вас там широкие?

— Так точно.

— Ну так вот. Для сформирования полка и обеспечения его жизни на месяц требуется два миллиона рублей. Что касается личного состава, то, думается, офицеров нам будет раздобыть не так трудно. Гораздо труднее обстоит дело с унтер-офицерским составом. Постарайтесь выудить из Московского гарнизона все что можно в этом направлении. Ну как — возьметесь вы поехать в Москву?

— Так точно, возьмусь. Денег, думаю, раздобыть удастся. Что же касается личного состава, то, конечно, для этой цели в Москве необходимо иметь особую организацию, и не одну, а несколько. И чем больше, тем лучше, — на случай провала.

— В Москве уже существует такая организация. Нужные адреса и все необходимые сведения у п-ника Т-на. Когда вы могли бы поехать?

— Хоть завтра.

— Отлично. Начинайте сейчас же готовиться в дорогу. Документы, подходящий костюм и деньги получите также

у полк. Т. Но предупреждаем, денег вы получите немного. Еле до Москвы хватит.

— Меня это не пугает.

— Великолепно. Желаем вам доброго пути и доброго выполнения задания.

Откланиваюсь.

Так, совершенно неожиданно для себя, я был командирован в Москву.

Рассказываю Блохину и Гольцеву о полученной командировке.

— Счастливый, — говорит Б-хин, — еще раз Москву увидеть, жену, родных... (Он оставил там жену.)

— Авось скоро все там будем, — стараюсь я его ободрить.

— Там? Ты прав, — и Блохин пальцем указывает на небо.

— Полно тебе каркать, — прерывает его Гольцев. — А тебе правда повезло: Рождество в Москве проведешь. Повидай моих студийцев (он работал в театральной студии Вахтангова — в Мансуровском переулке). — Поцелуй их от меня всех.

Ни тот, ни другой Москвы уже не увидели.

Узнав, что я еду в Москву, москвичи заваливают меня просьбами. У меня их набралось до тридцати. Передавая письмо, все как сговорились:

— И главное, уверяйте, что у нас прекрасно, что беспокоиться за нас нечего. И постарайтесь привезти ответ.

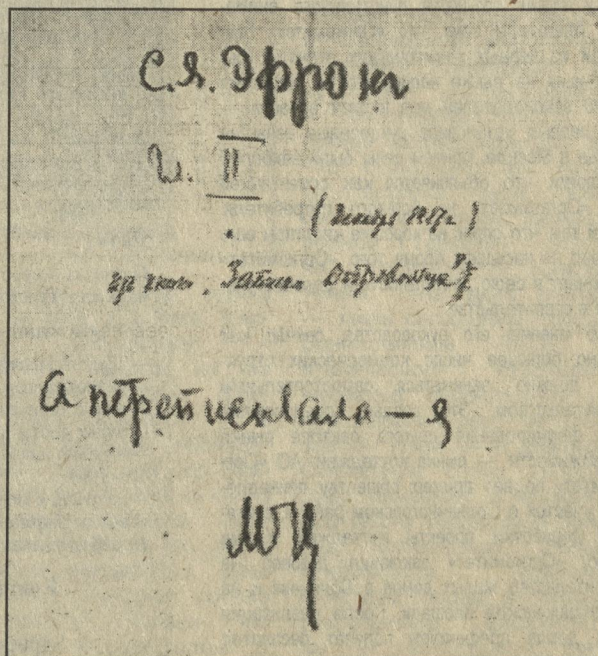
Полковник Т. дал мне три адреса, два шифрованных письма, солдатскую грязную шинель, папаху и полтора рубля денег.

— Главное, прапорщик, соблюдайте осторожность. Если что с вами случится, во что бы то ни стало уничтожьте письма.

— Адресов я с собой и брать не буду. Я их и так запомню.

— Прекрасно. А вот и документы вам — вы рядовой 15 Тифлисского гренадерского полка, уволенный по болезни в отпуск. Ну, дай вам Бог!

Вступление и публикация
М.ФЕЙНБЕРГ, Ю.КЛЮКИНА

Титульный лист рукописи «Декабрь 1917 г.»

Акционерное общество

«ОРГКОМИТЕТ»

Фирма «Оргкомитет» продолжает традиции торговцев недвижимостью XIX века

Одним из учредителей Российской Гильдии риэлтеров стало Акционерное общество «Оргкомитет». Это общество открытого типа существует с весны прошлого года, и за это время его деятельность все время была окружена ореолом стабильности и успеха. Это объясняется активной поддержкой общества московскими государственными структурами, регулярно выставляющими на торги крупные партии недвижимости. Основная привлекательность этих объектов — улучшенная планировка, масштаб географического охвата в предложениях на торгах. По словам Анатолия МИТИЧКИНА, председателя правления АО «Оргкомитет», благодаря успешно организованным торгам московская казна получила дополнительных полмиллиарда рублей. Эти средства должны быть инвестированы в жилищное строительство.

«Оргкомитет» проводит торги в собственном Торговом Доме, помещение которого он арендует у ДК МЭЛЗ. Эти торги на фоне всеобщего падения объемов сделок на биржах сразу стали объектом пристального внимания: благодаря тому, что «Оргкомитет» был одной из первых коммерческих структур, работающих на рынке недвижимости, общество стало законодателем мод в этой области — оно первым установило аукционные цены на жилье в Москве. Причем цены были наиболее высокими, что объясняется как ориентацией АО «Оргкомитет» на богатого потребителя, так и тем, что спрос на хорошие квартиры еще далеко не насыщен. Кроме того, «Оргкомитет» включает в свою деятельность и долевое участие в строительстве.

По мнению его руководства, сейчас как можно большее число коммерческих структур должно заниматься самостоятельным строительством. Это создаст предпосылки для формирования другого сектора рынка недвижимости — рынка коттеджей. АО «Оргкомитет» подает пример: обществу принадлежит участок в Солнечногорском районе, в стадии доработки проекты коттеджей. Кроме этого, «Оргкомитет» заключил договор на строительство жилых домов в Солнцево и на Преображенской площади. После реализации этих домов префектуры получают бесплатно 50 процентов благоустроенного жилья для

очередников района.

«Оргкомитет» постоянно разрабатывает новые формы работы. Здесь решили вкладывать деньги и в производство. Приобретена технологическая линия по производству кирпича, найдена площадь для ее размещения. «Оргкомитет» провел реконструкцию здания под банк, в котором также будет располагаться и страховая компания. На окраине столицы строится производственный корпус, где намечено осваивать новые технологии производства товаров народного потребления. В стадии проработки вопросы приобретения

мини-заводов по выпуску бетонных блоков, установке и запуску оборудования по деревообработке.

Судя по всему, «Оргкомитет» сумел неплохо вписаться в рыночные темпы. Учитывая, что рынок жилья сегодня еще только переживает фазу становления, можно уже сейчас дать самые оптимистические прогнозы будущему «Оргкомитета». Тем же, кто заинтересован в приобретении хорошего жилья, мы предлагаем рынок квартир АО «Оргкомитет». Решение вашей жилищной проблемы — в ваших руках!

Акционерное общество «Оргкомитет» продает:

квартиры, секции, подъезды в собственность юридических лиц

- Тружеников переулок
- Митино
- Северное Бутово
- Кантемировская ул.

Частные квартиры в собственность юридических лиц и граждан в районах Москвы и Московской области за рубли и СКВ

Квартиры для инвестора в долевом финансировании работ по реконструкции 5-этажного кирпичного дома (ул.Боевская, д. 1, стр.1)

2-этажные коттеджи:

- Ногинский р-н Московской обл. (40 км от Москвы)
- Дмитровское шоссе (31 км от Москвы)
- Минское шоссе (40 км от Москвы)

Дачи

Право на бессрочное землепользование участком площадью 20 га на берегу Черного моря в п.Джубга Туапсинского р-на Краснодарского края

Товары народного потребления:

- средства вычислительной техники
- радиопереговорные устройства
- электронные программируемые и радиоуправляемые игры
- пульт дистанционного управления телевизорами всех отечественных марок
- изделия швейного производства (спецтехнологическая одежда для чистых производств кл. 10; 10а)
- женская и медицинская одежда

Аренда биржевого зала для проведения торгов в Торговом Доме АО «Оргкомитет» (пл.Журавлева, 1, м. «Электrozаводская»)

Контактные телефоны: 964-19-55, 964-19-56, 964-19-57,
факс: 964-19-66

Адрес: пл.Журавлева, 1, м. «Электrozаводская» ДК МЭЛЗ

Аркадий ИППОЛИТОВ

ВСТРЕЧА МАРИИ И ЕЛИЗАВЕТЫ

(Новый Завет)

В Евангелии от Луки говорится: «Вставши же Мария во дни сии, с поспешностью пошла в нагорную страну, в город Иудин.

И вошла в дом Захарии, и приветствовала Елизову. Когда Елизавета услышала приветствие Марии, разыграл младенец во чреве ее; и Елизавета исполнилась Святого Духа.

И воскликнула громким голосом, и сказала: благословенна Ты между женами, и благословен плод чрева Твоего!

И откуда это мне, что пришла Матерь Господа моего ко мне?

Ибо, когда голос приветствия Твоего дошел до слуха моего, разыграл младенец радостно во чреве моем;

И блаженна Уверовавшая, потому что свершится сказанное Ей от Господа». (Лука 1,39-45)

Скупое описание встречи Богоматери и матери Иоанна Крестителя послужило основой одного из самых распространенных сюжетов в европейской живописи. Богословская традиция обогатила бедное описание Евангелия бесконечными соотношениями и соответствиями. В аллегорической форме встреча Елизаветы и Марии трактовалась как встреча Синагоги и Церкви, Ветхого и Нового Завета, Правосудия и Мира, и проводились всевозможные аналогии с ветхозаветными событиями: встреча Авраама и Мелхиседека, Соломона и царицы Савской и т.д.

Многочисленные богословские аллюзии делали восприятие текста Еванге-

Ганс Гольц. Ст.
Введение во храм
и встреча Марии и Елизаветы

лия необычайно усложненным. В картине Ганса Гольцеина Старшего, немецкого художника конца XV века, совмещены сразу два сюжета из жизни Богоматери: «Введение во храм» и «Встреча Марии и Елизаветы». Совмещение не случайно: в картине Гольцеина Мария как будто проходит Иерусалимский храм насквозь и встреча с Елизаветой становится продолжением пути Святой Девы.

Совсем по-другому трактует ту же сцену

испанский мастер конца XV—начала XVI века. Картина принадлежит к испанской школе, но ее прототипом служит фламандская живопись, и в первую очередь произведения Рогир ван дер Вейдена. Мария похожа на юную королеву, которую приветствует одна из знатнейших придворных дам. Пожилая матрона готова преклонить колени из уважения к сану гостьи. В замке служанки метут и чистят, выполняя распоряжения хозяйки. Взгляд то-

нет в деталях быта богатого замка, и наивное перечисление подробностей замковой жизни пленяет нас, как пленяли героя «В поисках утраченного времени» Пруста картинка волшебного фонаря со сценами из жизни св. Женевьевы. Художник поздней готики превращает «Встречу Марии и Елизаветы» в сцену из рыцарской легенды, но это повествование насквозь символично. Фиалки, розы и маргаритки — цветы, посвященные Деве Марии. Вздвигающиеся башни замка напоминают о словах из «Песни песней» и олицетворяют непорочность Богоматери.

По сравнению с северными готическими художниками итальянцы просты и сдержанны. Во фреске Доменико Гирландайо отсутствует многоречивость и многозначительность. В готике подчеркивалось то, что происходит не просто встреча двух женщин, а происходит Божественное Таинство, встреча Спасителя с Крестителем. Тела двух святых — лишь священные сосуды Божественной Воли. У итальянского художника внимание переносится на переживания двух матерей, совсем юной — и опытной. Священную сцену Гирландайо помещает в конкретное место. Изображен холм над Флоренцией, откуда открывается чудесная панорама города, и сегодня современные флорентийцы так же любят пейзажем, как это делают юноши во фреске Гирландайо, столь неуважительно

Неизвестный испанский мастер нач. XVI в.
Встреча Марии и Елизаветы

повернувшись спиной к Деве Марии. Только нимбы над головами отличают святых родительниц от достойных флорентийских дам, встретившихся на прогулке. Однако фреска Гирландайо ни в коем случае не свидетельствует о каком-либо ослаблении религиозного чувства. Естественность радости и нежности Марии и Елизаветы делает Священное Писание более близким и человечным, чем иерархические и богословские построения поздней готики.

Отказываясь от символики предметов, Гирландайо акцентирует внимание на более отвлеченной символике пластического. Не цветы, ворота или башни олицетворяют то чудо, которое произошло, «когда голос приветствия Твоего

дошел до слуха моего», а только жесты персонажей. В картине другого флорентийца, Якопо Понтормо, эта новая символика найдет гениальное воплощение. У Понтормо руки Марии ложатся на плечи Елизаветы и обе матери обмениваются долгим пристальным взглядом. В картине испанского мастера Елизавета кладет руку на чрево Мадонны, как опытная акушерка, у Гольбейна Старшего обе обмениваются официальным рукопожатием, у Гирландайо сплетают руки в сердечном приветствии. В картине Понтормо все внимание сосредоточено на плавном объятии и фигуры превращаются в символ всемирного объятия, в символ Встречи. Уже не важно, что две другие женщины — это

Мария Клеопа и Мария Саломея, две родственницы Святой Девы. Они нужны лишь как зрители, своей статичностью подчеркивающие медленное кружение слившихся в единое целое Марии и Елизаветы. Не важна становится вся сюжетная канва Божественной Встречи, и, если бы картину увидел кто-либо, никогда не читавший Священного Писания, он бы все равно понял, что Встреча — Божественная.

Теряя богословский смысл, «Встреча» Понтормо не теряет смысла провиденциального. Более того, сюжет, из Священного Писания в трактовке Понтормо приобретает такую власть над художественным сознанием, что обнаруживается даже там, где его нет. Флорентийский маньерист создал новый

изобразительный архетип, выходящий далеко за пределы сюжета. И отныне встреча двух женщин, решенная подчеркнута монументально, как некое символическое событие, невольно связывается с его именем. Отныне встреча Марии и Елизаветы витает над знакомством Анны Карениной и старушки Вронской, над смертельными объятиями Вероники Фосс и фрау Кац в фильме Фасбиндера, над тюремной мрачностью свидания в картине Пикассо. Кошунственные с богословской точки зрения, эти аналогии приходят на ум современному зрителю так же, как божественные ассоциации, связанные с цветочками, башнями и воротами, приходили в голову зрителю средневеково-

Д. Гирландайо.
Встреча Марии и Елизаветы

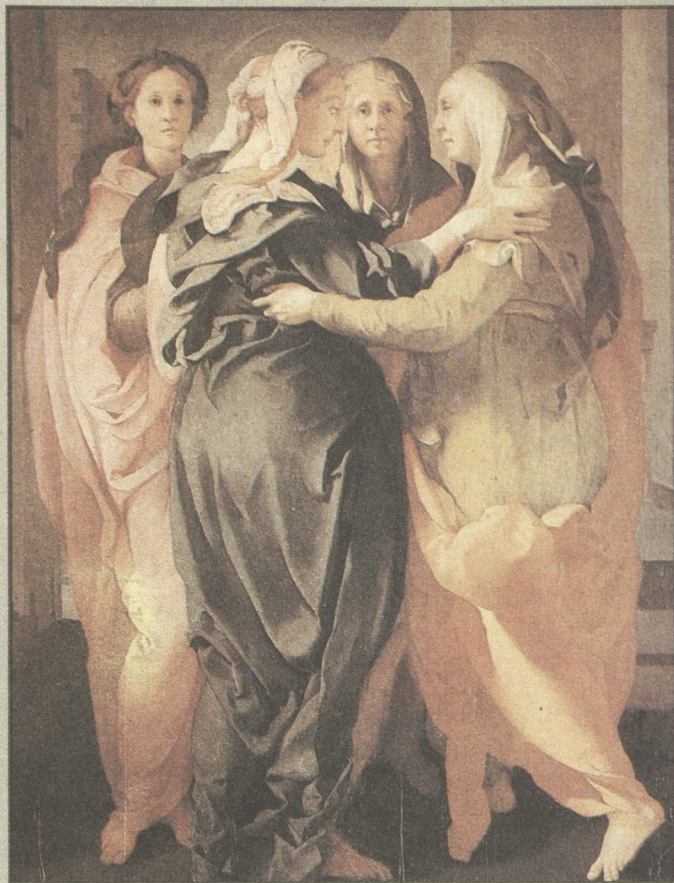
ЧИТАЙТЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

Путь к патриаршему престолу.
Алексий II в версии **М. Позд-
няева.**

Хорунжий Г. Кокунько:
Если казаки сами займутся
собственной реабилитацией
— ждите беды.

«Зовут его Васенька. Фамилию
его пока что не назову, но, ес-
ли правительство запросит
меня, сделаю это маленькое
содолжение с удовольствием
и совершенно бесплатно, из
патриотизма».

Н. Тэффи. Русский займ

Понтормо. Встреча Марии и Елизаветы

Пикассо. Сёстры

кв 6 БН

Торговое представительство

ATLANTIC
INTERNATIONAL, INC.

(USA)

тел. (095) 393-6209, 393-6566

Оптовым покупателям со складов в Москве
и гарантийным обслуживанием

Компьютеры
Телефаксы

PC AT-486/33
Panasonic KX-F155
KX-F50
Samsung FX2310
FX2315

Телефоны с автоответчиком

General Electric 2-2991
Conairphone TAD 2020

Радиотелефоны

Panasonic KX-T4300
Bell FF-650
International RC-3002

разнообразную оргтехнику и ТНП
и истинно американскую Водку McCormick